

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

На правах рукописи

Басманцев Дмитрий Викторович

**ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ И УЕЗДНОЕ ВОЕВОДСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В XVIII ВЕКЕ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Иванов Ананий Герасимович

Чебоксары – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИЗМЕНЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ЧУВАШИИ В 1708–1781 ГГ.	36
1.1. Административно-территориальные преобразования и ста- новление губернской системы управления в 1708–1719 гг.	36
1.2. Учреждение провинций и функционирование органов воевод- ского управления в 1719–1727 гг.	54
1.3. Реформы системы местного управления и правовое регулиро- вание деятельности воеводских учреждений в 1727–1781 гг.	70
ГЛАВА 2. СОСТАВ И СЛУЖБА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО И УЕЗДНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В 1727–1781 ГГ.	91
2.1. Состав провинциальных и уездных воевод	91
2.2. Приказные люди: численность, состав и структура	107
2.3. Условия службы воевод и канцелярских служащих	125
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ И УЕЗДНЫХ ВОЕВОДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ	144
3.1. Административные, полицейские и военные функции	144
3.2. Фискально-финансовое и хозяйственное управление	162
3.3. Судебные и нотариальные функции	178
3.4. Взаимодействие воеводской власти с органами общинного самоуправления и различными социальными группами	194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ...	219
ПРИЛОЖЕНИЯ	248

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение различных сторон внутриполитической деятельности государства имеет весомое значение для понимания его истории и дальнейшего развития российского общества. Вызовы современности наталкивают на поиск наиболее эффективных форм и методов управления, оптимального решения проблем во взаимоотношениях центральной власти с органами местного управления и самоуправления. Одним из важных факторов определения и преодоления возникших социально-политических проблем является переосмысление и анализ истории российской государственности на разных этапах ее эволюции.

Весьма актуальным и вполне естественным представляется обращение к истории местных органов управления и политики правительства во взаимодействии с провинциальным населением как одного из этюдов отечественной истории. Практика местного управления приобретает научную значимость при ее рассмотрении в многонациональной и поликонфессиональной среде региона Среднего Поволжья и, в частности, на территории Чувашии – составной его части.

Во второй половине XVI столетия в ходе присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству возникла необходимость создания новой вертикали органов управления с учетом локальных особенностей. В процессе становления единой государственной системы власти было учреждено воеводское управление, которое просуществовало вплоть до 1710-х гг. В XVIII столетии преобразования местных органов управления осуществлялись не только с учетом перенимания опыта европейских стран, но и путем внедрения воеводской практики управления. В период с 1727 по 1781 г. в России функционировала двухуровневая система воеводского управления – провинциальная (с 1719 г.) и уездная.

В условиях утверждения абсолютизма и бюрократизации органов власти в первой четверти XVIII в. усилилась административная роль местных

государственных учреждений. В 1708 г. были созданы крупные административно-территориальные образования – губернии во главе с губернаторами, а в 1719 г. – провинции с воеводами. С областными реформами было связано создание разветвленной и централизованной вертикали власти и комплектование штата приказных служителей по бюрократическому принципу на местах. Заложенные в ходе административных реформ в 1708–1720-х гг. основы придавали местным управленческим структурам устойчивость, а дальнейшие преобразования в области управления свидетельствовали о поступательном развитии абсолютизма до рассматриваемого нами времени – 1780-х гг.

С 1727 по 1781 г. деятельность провинциальных и уездных воеводских учреждений на территории Чувашии осуществлялась с учетом сложного социального, национального и конфессионального состава населения, что отразилось в специфике управления «провинциями». В системе местного управления не обходилось без участия представителей местного самоуправления в лице волостных сотников, штата толмачей-переводчиков. Эти и другие факторы, в особенности массовая насильственная христианизация нерусских народов Среднего Поволжья в середине XVIII в., оказали существенное влияние на проведение воеводами политики абсолютизма на рассматриваемой территории.

Основанием выбора темы диссертационной работы также послужило отсутствие комплексного исследования воеводской системы управления на территории Чувашии в XVIII столетии. Это исследование является своеобразным продолжением изучения эволюции воеводской власти в регионе Среднего Поволжья в период складывания абсолютизма в России, заложенного региональными исследователями¹.

---

¹ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869; Димитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 284–419; Его же. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары, 1986; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982; Иванов А.Г. Система воеводского управления в Марийском крае во второй половине XVI–XVIII вв. // Марийский археографический вестник. 2000. № 10. С. 14–31; Его же. Специфика воеводского управления в

Объектом исследования является воеводское управление на территории Чувашии в XVIII в. **Предмет** – организация и функционирование провинциальных и уездных воеводских учреждений на территории Чувашии в XVIII в.

Хронологические рамки работы. В диссертации рассматривается период с 1708 по 1781 г. Нижняя хронологическая грань связана со временем проведения крупных административно-территориальных преобразований и организации губернской системы управления, внутри которой позже была создана двухуровневая вертикаль воеводского управления; верхняя – периодом полной ликвидации воеводской власти на территории Чувашии в ходе реализации губернской реформы 1775 г.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию в приблизительных границах современной Чувашской Республики, включавшей по административному делению 1719–1781 гг. части Казанской (полностью Чебоксарский и Цивильский, частично Козьмодемьянский и Свияжский уезды Свияжской провинции; частично Симбирский уезд Симбирской провинции) и Нижегородской (полностью Ядринский, частично Курмышский и Алатырский уезды Алатырской провинции) губерний.

Степень разработанности проблемы. В историографии провинциального и уездного воеводского управления на территории Чувашии в XVIII в. следует выделить несколько этапов: 1) дореволюционный, охватывающий со второй половины XIX в. до 1917 г.; 2) советский – 1917–1991 гг.; 3) современный – с 1991 г. по настоящее время.

В XVIII – первой половине XIX в. постепенно проводился сбор материалов о системе власти на местах. Первые сведения об органах местного управления и бюрократии, об общинном самоуправлении чувашей в системе воеводства XVIII столетия были собраны И.К. Кириловым (1727 г.), зафиксированы в путевых записях академических экспедиций Г.Ф. Миллера

(1743 г.) и П.С. Палласа (1768 г.). В статистическом описании И.К. Кирилова приводится штатная численность служащих местных органов управления, в том числе в городах на территории Чувашии¹.

В 1850-х по начало 1860-х гг. оживилась работа по сбору, систематизации и анализу опубликованных законодательных источников и архивных материалов, относящихся к вопросам государственного управления и деятельности властных учреждений. Что касается освещения функционирования местных административных органов управления XVIII столетия, то они нашли отражение в трудах К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, А. Вицына, К. Троцина, И. Андреевского, А. Лохвицкого².

С середины 1860-х гг. по начало XX в. заметно возрос исследовательский интерес к проблеме российской государственности, начинается процесс переосмысления многих ее аспектов. В это время актуальность приобрели процесс противостояния «выборного» и «правительственного» начал, вопросы централизации–децентрализации управления, многие сквозные темы по истории русского крестьянства. Административно-территориальные реформы, организация центрального и местного управления, складывание дворянско-чиновничьего аппарата в период правления Петра I и его преемников получили подробное теоретическое освещение в трудах П.Н. Мрочек-Дроздовского, В.А. Евреинова, Г.А. Евреинова, М.М. Богословского, П.Н. Милюкова, Н.Д. Чечулина, А.А. Кизеветтера, Ю.В. Готье³. Определен-

---

¹ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 211, 212, 221. Его работа впервые увидела свет в 1831 г. (Кирилов И. Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. Кн. 2. М., 1831).

² Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях // Собрание сочинений. Т. 4. СПб., [б. г.]. Стб. 205–420; Троцин К. История судебных учреждений в России. СПб., 1851; Вицын А. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания общего учреждения министерств. Казань, 1855. С. 238–246; Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858; Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах. История государственного управления в России (IX–XIX вв.). М., 2012. С. 107–132; Его же. Русское государственное право. О Правительстве. СПб., 1866. С. 335–496; Лохвицкий А. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб., 1864 и др.

³ Мрочек-Дроздовский П. Областное управление в России в XVIII веке до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Историко-юридическое исследование. Ч. 1. Областное

ную ценность представляют сочинения видного историка С.М. Соловьева¹, труды историко-правового характера А. Романович-Славатинского, М. Яблочкова, А.Д. Градовского, Н.В. Калачова, Н. Коркунова, А.Н. Филиппова, И.И. Дитятина, В.А. Гольцева, И.И. Блинова, М. Ковалевского, С.А. Корфа, В.Е. Романовского и др.² Ими были подняты вопросы внутривластной обстановки и реорганизации вертикали власти, юридических аспектов организации службы государственных должностных лиц и их функциональных обязанностей, вопросы взаимодействия административных учреждений с центральными органами управления, роли крестьянских и городских самоуправлений в системе местной власти XVIII столетия и др.

Отдельно следует остановиться на взглядах представителей «историко-юридической школы». Ведущее положение в ней занимали Б.Н. Чичерин,

управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.). М., 1876; Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк. СПб., 1888; Евреинов Г.А. Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898; Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902; Его же. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 349. 1903. С. 45–144; Его же. История России XVIII века (1725–1796 гг.). М., 1915; Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906; Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX–XIX ст. Исторический очерк. М., 1910; Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1–2. М., 1913; 1941.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. М., 1993. Кн. 8 (т. 15–16). С. 427–572; Кн. 9 (т. 17–18). С. 438–602; Кн. 10–11 (т. 19–22).

² Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870; Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 329–566; Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры // Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1899. С. 37–297; Его же. История местного управления в России // Там же. Т. 2. СПб., 1899; Его же. Системы местного управления на Западе Европы и в России // Сборник государственных знаний. Т. 6. СПб., 1878. С. 119–124; Калачов Н.В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России (Статья первая) // Сборник государственных знаний. Т. 8. СПб., 1880. С. 128–148; Коркунов Н. Лекции по общей теории права. СПб., 1886; Филиппов А.Н. Правительствующая олигархия после Петра Великого // Русская мысль. Кн. XI. 1895. С. 94–108; Его же. Учебник истории русского права (пособие к лекциям). Ч. 1. Юрьев, 1907; Дитятин И.И. Из истории местного управления // Статьи по истории русского права. СПб., 1895; Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. СПб., 1896; Блинов И. Губернаторы: Историко-правовой очерк. М.; - Тверь, 2008; Ковалевский М. Из истории государственной власти в России. М., 1905; Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906; Романовский В.Е. Государственные учреждения древней и новой России. М., 1911.

К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич, И.И. Дитятин. В их работах вопросы местного управления рассматривались как постепенное обособление от государственного управления. Не остались в стороне место и роль органов местного управления «в согласованности» с центральной властью, народом и территорией, с политической централизацией и децентрализацией. История местной власти их интересовала с точки зрения анализа норм права, вопросов государственности и общества¹.

Историками-государственниками были исследованы правовые стороны проблем управления и бюрократизации государственного аппарата, политики государства в области административно-территориального и судебного устройства. Так, А.Д. Градовский в передаче власти из центра в периферию видел «власть действительного управления», представленную правительственными органами для поддержания государственного единства. Для него система воеводского управления в России XVII–XVIII вв. была олицетворением правительственного начала, которое служило «признаком пробуждения силы» государства для создания сильной местной власти². В основе концепции И.И. Дитятина о развитии местного управления XVIII в. лежало противостояние «выборного, представительного» и «правительственного, приказного, чиновничьего» начал. Они представляли собой смену циклов «одного над другим, благодаря законодательной деятельности власти»³. При этом автор отмечал, что правительственное начало преобладало над выборным началом еще со времени складывания сословий и окончательного закрепощения крестьян, поэтому в местном управлении XVIII в. он не наблюдался. Такое нарушение принципа местного управления, по мнению И.И. Дитятина, привело к тому, что «характер законодательной деятельности верховной вла-

---

¹ См.: Кавелин К. М. Указ. соч. Стб. 205–420; Калачов Н.В. Указ. соч. С. 128–148; Коркунов Н. Указ. соч.; Филиппов А.Н. Правительствующая олигархия после Петра Великого. С. 94–108; Его же. Учебник истории русского права (пособие к лекциям).

² Градовский А.Д. История местного управления в России // Собрание сочинений. Т. 1. С. 88, 90, 400, 467; Его же. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры // Там же. Т. 2. С. 80; Его же. Системы местного управления на Западе Европы и в России. С. 119–124.

³ Дитятин И.И. Из истории местного управления. С. 388.

сти XVIII столетия никоим образом не мог содействовать развитию начала законности как в народе, так в административном персонале»¹.

Большой интерес вызывают отдельные вопросы социально-экономического положения податного населения, взаимодействия государства и феодального общества, представленные различными направлениями дореволюционной историографии в лице С.Ф. Платонова, И.С. Аксакова, К.С. Аксакова, К.Д. Беляева, А.Д. Щапова, А.И. Герцена, В.И. Семевского, Н.П. Павлова-Сильванского² и др.

Скажем, С.Ф. Платонов корни изменения системы управления с 1727 г. видел в экономико-финансовых затруднениях России и считал, что вопросы «о вреде самоуправления» и о «пользе бюрократического управления» не были столь важными для правительства. Государственная опека XVIII в., полагал он, привела общество к полному закрепощению, которое выражалось в «равенстве бесправия» всех сословий³. Историко-философские взгляды К.С. Аксакова были развиты в зеркале «народного» и «государственного» начал. Они рассматривались в отношении взаимного невмешательства («народ не вмешивается в правительство, в порядок управления; государство не вмешивается в жизнь и быт народа, не заставляет народ жить насильственно, по сделанным от государства правилам»)⁴. К.С. Аксаков видел в качестве результатов народно-государственных связей в народном духе и его жизни, нравственно-общественной свободе; в монархии («неограниченное

¹ Дитятин И.И. Верховная власть в России XVIII столетия // Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 626.

² Платонов С.Ф. Столетие кончины императрицы Екатерины II // Статьи по русской истории. (1883–1912). СПб., 1912. С. 234–248; Его же. Управление и политика с 1725 по 1741 г. // Лекции по русской истории. Пг., 1917. С. 565–576; Аксаков И.С. Бюрократическое и земское государство // Теория государства у славянофилов. Сб. ст. СПб., 1898. С. 5–14; Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России» // Там же. С. 22–44; Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905. С. 116–123; Щапов А.П. Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 годов // Сочинения. Т. 1. СПб., 1906. С. 718–752; Герцен А.И. Россия // Полное собрание сочинений. Т. 2. Пг., 1918. С. 376–409; Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб., 1901; Павлов-Сильванский Н.П. Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. Т. 2. СПб., 1910. С. 373–401.

³ Платонов С.Ф. Управление и политика с 1725 по 1741 г. С. 565–576; Его же. Столетие кончины императрицы Екатерины II. С. 234–248.

⁴ Аксаков К.С. Указ. соч. С. 32.

правительство»); в христианском обществе. Автор указывал на нарушение начал гражданского устройства России и оставление «русского пути» с эпохи Петра Великого и при «системе петербургского периода». Именно поэтому, с точки зрения К.С. Аксакова, произошло возвышение и превосходство правительства над народом, изменился ход исторического развития России¹. Схожее видение проблемы излагались И.С. Аксаковым и И.Д. Беляевым².

В работах А.П. Щапова и А.И. Герцена народ относится к деятельности местных учреждений и правительству с недоверием и оценивает ее как «обидительные заставы» с бесконечными бюрократическими проволочками³. В.И. Семевский на примере Казанской губернии писал о злоупотреблениях чиновников и вальдмейстеров⁴. Н.П. Павлов-Сильванский видел истинные корни реформы 1727 г. в разорении народа в первой четверти XVIII в., в опасности царского правительства народных волнений. По его мнению, они послужили главной причиной формирования воеводской системы управления и снятия социальной напряженности. В этом он усматривал сохранение «нового порядка» Петра I и лишь его частичное реформирование. Одновременно он признавал, что в послепетровское время совершенно изменились приемы решений вопросов внутреннего управления⁵.

Значительный вклад в изучение истории областного управления XVIII в. внес историк Ю.В. Готье. Его труды отличаются объективностью анализа законодательства, привлечением широкого круга разнообразных архивных документов. Автор не ограничился формально-юридическим подходом, а подверг историко-правоведческому анализу областные реформы, критически оценил деятельность государственных властей в 1719–1775 гг. Он пришел к выводу, что при осуществлении реформы 1727 г. правительство преследовало цель «упростить и удешевить местное управление», сделав от-

¹ Аксаков К.С. Указ. соч. С. 22, 25, 27, 29, 32, 35, 38.

² Аксаков И.С. Указ. соч. С. 5–14; Беляев И.Д. Указ. соч. С. 116–123.

³ Щапов А.П. Указ. соч. С. 718, 730–734, 746, 752; Герцен А.И. Указ. соч. С. 376–409.

⁴ Семевский В.И. Указ. соч. С. 696.

⁵ Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 375, 379–380, 401.

чаянный шаг в сторону «контрреформы»¹, что сказалось на качестве осуществления реформ. Недостатки местной власти Ю.В. Готье находил в низком уровне подготовленности к службе областных правителей из среднего и мелкого провинциального дворянства. По его мнению, функциональные обязанности местной власти сводились к административной и элементарной полицейской деятельности; большая доля обязанностей была возложена на нее в связи с выполнением сословных повинностей различными группами населения. В качестве характерных черт местных учреждений он отмечал полное подчинение правительству и столичным учреждениям, отсутствие инициативы служащих и др.²

Взгляды Ю.В. Готье в основном разделял М.М. Богословский. Областная реформа 1727 г. им оценивалась как «контрреформа» административно-территориальных преобразований Петра I, которая выразилась в уничтожении «разделений властей» и оформлении воеводского управления. Система воеводского управления 1727–1775 гг., по мнению автора, приобрела следующие черты: произошла концентрация в руках воевод административных, судебных и финансовых функций; установилась «повсеместность» и «иерархичность» воеводских учреждений³.

Во второй половине XIX в. – 1917 г., в ходе изучения проблем колонизации и политики государства на территории Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVIII вв., в региональной историографии были заложены основы исследования различных аспектов формирования российского управления в лице воевод и их аппарата управления. Многие из этих вопросов рассматривались в ходе разработки проблем проведения правительством мероприятий в миссионерской, социальной, фискально-финансовой, военной и в других сферах жизни. В этой связи особо следует выделить ра-

---

¹ Готье Ю.В. Указ соч. Т. 1. С. 27, 42, 48.

² Там же. Т. 2. С. 282–287.

³ Богословский М.М. История России XVIII века (1725–1796 гг.). С. 29, 94–105, 193–195.

боты А. Пупарева, Н.А. Фирсова, А. Можаровского, И.М. Покровского, Н.В. Никольского и др.¹

Работы А. Пупарева публиковались в газете «Казанские губернские ведомости», на страницах которой он впервые описал организацию и деятельность комиссаров, воевод и губернаторов Казанской губернии в XVIII в.² Ценные факты и выводы по теме диссертации и вопросы общественно-политического устройства региона Среднего Поволжья содержатся в трудах Н.А. Фирсова и Н.В. Никольского. Историком Н.А. Фирсовым на основе опубликованных законодательных источников были сделаны научные обобщения о системе местного управления и положении населения Казанской губернии. На фоне идеализации политики Петра I он впервые сумел выявить векторы усовершенствования сферы государственного управления России со второй четверти XVIII в. Ученый считал, что административные реформы 1727 г. были направлены на уничтожение петровской системы областного управления и видел в них истоки традиционности в местном управлении. Он был убежден в том, что с постепенным введением прежних должностей и реорганизацией учреждений реформаторами был спровоцирован «дух кормления» местной администрации. После ликвидации «многих отдельных ведомств» губернская и воеводская власть стала «заведовать не только полицией, сбором податей, но и судом». Чиновники, как утверждал исследователь, в период с 1727 г. по 1762 г. расхищали казенную собственность, обременили «инородцев» большими тяготами посредством различных поборов и наездов. Следовательно, общественно-экономическое положение нерусского населе-

¹ Фирсов Н.А. Указ. соч.; Можаровский А. Покорение Казани Русской державе и христианству. Казань, 1871. С. 14–16, 18–19; Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882; Покровский И.М. К истории Казанских монастырей до 1764 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Казань, 1902. Т. XVIII. Вып. 1–3. С. 35–36, 39; Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк // Собрание сочинений. Чебоксары, 2007. Т. 2. С. 126–356; Его же. Распространение христианства среди нижегородских чуваш до 1764 года // Там же. С. 357–393.

² Пупарев А. [Без названия] // Казанские губернские ведомости. [Часть неофициальная]. 1856. № 7 (13 февраля). С. 48–51; № 11 (2 марта). С. 80–81; Его же. Казанские губернаторы // Там же. № 47 (19 ноября). С. 376–378; № 48. С. 384–387.

ния стало еще более тяжелым, чем при Петре I¹. В последующем выводы Н.В. Фирсова поддержал С.Ф. Ташкин².

В 1912 и 1915 гг. вышли в свет труды Н.В. Никольского³. Его исследования, в отличие от Н.А. Фирсова, написаны с широким использованием архивных источников. Н.В. Никольский применил христианско-просветительский подход в изучении истории чувашей в XVI–XVIII вв., поэтому анализ политики государства и церкви по отношению к чувашам показан неразрывно. Изучение документальных материалов о роли христианизации и просвещения чувашей привело к радикальному пересмотру представлений государственной политики абсолютистской власти по отношению «инородцам» в XVI–XIX вв. с точки зрения критичности, научности, свободы от концепций других исторических школ.

Государственно-церковная миссия в насаждении христианства и «русской гражданственности» среди чувашей, по мнению Н.В. Никольского, на протяжении XVI–XVIII вв. потерпела неудачу. Законодательные и нормативные акты того времени шли вразрез с мерами реализации этой политики со стороны местной «гражданской администрации» в лице воевод, канцелярских служащих, толмачей и др.⁴ Дело христианизации и просветительская политика российского абсолютизма, проводившиеся Русской православной церковью и местной администрацией в Среднем Поволжье, во многом остались лишь на бумаге. Критикуя систему местного управления, представленную воеводами и приказными людьми, автор подчеркивал, что она с начала

---

¹ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. С. 29, 94–96, 98–99, 101, 104–105.

² Ташкин С.Ф. Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Казань, 1922.

³ Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. С. 126–356; Его же. Распространение христианства среди нижегородских чуваш до 1764 года // Там же. С. 357–393.

⁴ Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках... С. 188.

до 60-х гг. XVIII в. не была способной оказать помощь в христианско-просветительской миссии среди чувашей¹.

В целом со второй половины XIX в. по 1917 г. в региональной историографии наметились ощутимые сдвиги в изучении органов местного управления. В это время определилась общая тенденция оценки политики российского государства через призму колониационно-миссионерского процесса. Авторы придерживались мнения о том, что местные органы управления не могли эффективно проводить правительственный курс, в том числе по инкорпорации «инородческого» населения путем христианизации и противостоянию исламу. Они раскрывали факты вымогательства, взяточничества и различных злоупотреблений местных чиновников. Однако данный сюжет с участием воевод и местных служащих не стал предметом отдельного изучения, в том числе и на общероссийском уровне.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. многие проблемы политического и социально-экономического развития национальной периферии Российской империи оставались в тени. В то же время происходило постепенное накопление источниковой базы, что позволило исследователям заняться детальным изучением истории системы местного управления, в том числе воеводского управления. Однако богатый пласт источников по организации и функционированию воеводской власти на территории Чувашии был использован в минимальной степени, и не было исчерпывающего ответа на многие проблемы развития местных учреждений в Среднем Поволжье.

В советскую эпоху стало доминирующим изучение политических и особенно социально-экономических вопросов дореволюционной истории. В многотомном издании «Очерки истории СССР» всесторонне освещены получили реформы высших, центральных и местных органов управления в XVIII в. В фундаментальном труде проанализированы законодательные акты, показаны основные направления преобразований в финансовой, социально-

---

¹ Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках... С. 158, 161, 166–167, 188–190.

экономической, правовой и других сферах, а также в административно-территориальном устройстве. Авторам коллективной монографии удалось показать общероссийскую картину организации и функционирования государственных учреждений¹.

Для изучения политики абсолютистской власти и деятельности местных органов управления на территории Чувашии в XVIII в. большое значение имеют статьи и монографии, посвященные узловым проблемам эволюции имперской системы власти. В этом отношении важными являются труды М. Ольминского, С.М. Троицкого, Н.П. Ерошкина, Н.Ф. Демидовой, Н.Г. Аполловой, И.А. Федосова, Н.И. Павленко, Е.В. Анисимова и др.² При анализе деятельности воеводских учреждений периода абсолютизма следует учитывать разработанные в отечественной историографии ключевые вопросы финансовой политики (С.М. Троицкий, Е.В. Анисимов)³, судеустройства (Н.Н. Ефремова)⁴ и политического преследования (Н.Б. Голикова, Т.В. Черникова)⁵, организации надзорных учреждений (Г.Н. Анпилогов)¹, крестьян-

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957.

² Ольминский М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.; Л., 1925; Троицкий С.М. Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. (20–60-е годы) // История СССР. 1957. № 3. С. 176–198; Его же. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974; Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т. 68. М., 1961. С. 211–237; Ее же. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 206–242; Аполлова Н.Г. К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII в. // Там же. С. 355–388; Павленко Н.И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Там же. С. 389–427; Его же. Петр Великий. М., 1990; Федосов И.А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма // Вопросы истории. 1971. № 7. С. 46–65; Анисимов Е.В. Время петровских реформ. СПб., 1989; Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989.

³ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 281–319; Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982.

⁴ Ефремова Н.Н. Основные этапы развития судебной системы в России в XVIII в. // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. М., 1986. С. 94–105.

⁵ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957; Ее же. Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. //

ского восстания под руководством Е.И. Пугачева в 1773–1775 гг.², социально-экономической эволюции феодализма, становления и направлений развития Российской империи в целом³.

Региональный аспект в российской политике учитывался в работах Н.Г. Аполловой и Н.Ф. Демидовой⁴. Первая постоянные изменения политики абсолютизма и методов ее осуществления в Поволжье, Прикамье, Сибири и Казахстана связывала с неодинаковым их уровнем социально-экономического развития. Правительство, по ее мнению, было нацелено на освоение отдельных частей империи, развитие торговли и промышленности и др., которая сказалась и на различных методах политического управления в национальных перифериях. Следовательно, на всем протяжении XVIII в. в регионах империи политика центра была, во-первых, классовой, выражавшей интересы дворянства и купечества; во-вторых, одинаковой как для сельских, так и для городских обывателей; в-третьих, отчасти колониальной, состоявшей в русификации и христианизации местного населения, в игнорировании особенностей их культур и быта⁵. Н.Ф. Демидова также определила некоторые черты и методы местного управления в первой трети XVIII в. Ей удалось всесторонне показать политику подавления регионального сепаратизма, унификации, уничтожения местных элит и поиска компромисса между властью и населением на территории Башкирии. Был взят правительственный курс на включение башкир в общую хозяйственно-политическую жизнь Российской

Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 243–280; Черникова Т.В. «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. № 5. С. 155–163.

¹ Анпилогов Г.Н. Фискалитет при Петре I // Вестник МГУ. Серия историко-филологическая. 1956. № 2. С. 63–80.

² Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2–3. Л., 1966–1970.

³ Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980; Белявский М.Т. Сословия и сословный строй // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1987. С. 21–43; Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г. Система государственного управления // Там же. С. 44–108.

⁴ Аполлова Н.Г. Указ. соч.; Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в.

⁵ Аполлова Н.Г. Указ. соч. С. 355, 357, 359, 361–366, 370–375, 388.

империи¹. При этом автор обращает внимание на поливариантность политики абсолютистского правительства на местах.

Социально-экономические и другие вопросы общественно-политического устройства активно разрабатывались в региональной историографии. Историками И.Д. Кузнецовым, П.Г. Григорьевым, В.Д. Дмитриевым, П.В. Денисовым впервые был введен в научный оборот большой массив документальных материалов по истории Чувашии и чувашского народа в период феодализма². Основное внимание ими уделялось на освещению проблем взаимоотношения чувашского крестьянства с представителями местной администрации и общинного самоуправления, реакции чувашей на насильственную христианизацию и внеэкономическое принуждение со стороны российского правительства, на злоупотребления чиновников и др.

В монографии И.Д. Кузнецова анализировалось состояние имущественной дифференциации и социального расслоения чувашей. В ней автор пришел к выводу, что коштанство являлось классово «чуждым элементом» крестьянского общества в Чувашии³. Он рассматривал коштанов наряду с воеводами и чиновниками-взяточниками. Свою основную задачу историк видел в том, чтобы показать размах злоупотреблений коштанов в XVIII столетии⁴. Общие проблемы социально-экономического развития Чувашского края, вопросы состояния местного и общинного управлений в XVIII в. получили освещение в трудах историков В.Д. Дмитриева и П.Г. Григорьева⁵.

¹ Демидова Н.Ф. Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. С. 211–237.

² Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957; Дмитриев В.Д. Чувашия в первой половине XVIII века // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 222–302; Его же. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары, 1959; Его же. Чувашия в эпоху феодализма...; Григорьев П.Г. Из истории второй половины XVIII века. Чувашский край в крестьянской войне 1773–1775 годов // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. С. 303–332; Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959.

³ Кузнецов И.Д. Указ. соч. С. 155–212.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Дмитриев В.Д. Чувашия в первой половине XVIII века... С. 222–302; Григорьев П.Г. Указ. соч. С. 303–332 и др.

Монография В.Д. Дмитриева «История Чувашии XVIII века», выполненная в рамках системно-аналитического метода, сыграла важную теоретико-методологическую роль в исследовании истории чувашского этноса и других народов Среднего Поволжья. Применяя социально-экономический анализ, ученый дал общую характеристику воеводского управления и чиновничьего аппарата на территории Чувашии. В частности, автор показал основные обязанности воевод по наказу 1701 г. и инструкциям 1719 г. и 1727 г., указал принципы формирования состава органов управления. Основные черты функционирования государственного аппарата в Чувашии заключались, по его мнению, в неуклонном росте штата и произволе чиновников. Представители сельского общинного самоуправления (сотники, пятидесятники, десятники и др.), как показал В.Д. Дмитриев, были включены в структуру воеводского управления. Формой социального протеста крестьян, как он отмечал, были утайка душ во время ревизий, укрывательство беглых, подача челобитных о чрезмерном гнете, притеснениях и злоупотреблениях со стороны помещиков и представителей власти и др. Справедливы выводы автора о том, что политика абсолютизма была направлена на недопущение «никаких элементов национальной государственности у чувашей, как и у многих других нерусских народов России»¹. Характеризуя общероссийскую модель организации местного управления, историк учел внеэкономическое принуждение, которое довлело над государственными и другими категориями крестьян и привело к восстанию в 1773–1775 гг.²

В 1970-х–1980-х гг. вышли в свет монографии по истории городов Чувашии, где были затронуты вопросы об общей структуре местного управления, составе бюрократического аппарата, основных направлениях деятельности учреждений в XVIII в.³ В региональных научных центрах были изданы

---

¹ Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 345.

² Там же. С. 322–441.

³ Кочетков В.Д. Алатырь: краткий исторический очерк. Чебоксары, 1978. С. 38–39; Кочетков В.Д., Николаев Г.А. Цивильск: исторический очерк. Чебоксары, 1987. С. 20–21; Изоркин А.В. Ядрин: исторический очерк. Чебоксары, 1989. С. 39–40, 53; Гаврилова Л.М. Административная роль города Чебоксары в XVIII – первой половине XIX вв. // Исследования по

ряд научных исследований и сборников документов, посвященных восстанию крестьян под предводительством Е.И. Пугачева в 1773–1775 гг.¹ В них нашли отражение интересные архивные материалы о деятельности и недостатках воеводских учреждений, об их борьбе с восставшими.

Таким образом, в советской историографии центральные вопросы организации и функционирования воеводской системы управления отдельно не разрабатывались, хотя начало этому положено еще в дореволюционной историографии до начала XX столетия.

В современной российской историографии на фоне возросшего научного интереса к проблемам российской государственности и эволюции имперской системы власти вышли в свет труды ведущих историков А.Н. Медушевского, Е.В. Анисимова, А.И. Юхта, Н.В. Козловой, Б.Н. Миронова, Л.М. Балакиревой, И.В. Курукина, Д.О. Серова, М.В. Бабич и др.² В них исследованы проведение административных реформ и осуществление политики правительства, развитие центральных и местных органов управления, процесс бюрократизации, дворцовых переворотов в XVIII в. и т.д. Новые материалы и современные подходы в исследовании вопросов раз-

---

истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1989. С. 17–34. Ее же. Социальный состав и положение населения Чебоксар в XVIII – первой половине XIX веков // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков. Чебоксары, 1990. С. 3–15.

¹ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Чебоксары, 1972; Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании. Казань, 1973; Курмачева М.Д. Крестьянская война 1773–1775 гг. в Нижегородском крае. Горький, 1975; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии: сб. док. Уфа, 1975; Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева в Марийском крае: документы и материалы для практ. занятий по курсу истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1989 и др.

² Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительное историческое исследование. М., 1994; Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994; Его же. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999; Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994; Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1–2; Балакирева Л.М. Создание Крепостной конторы при Юстиц-коллегии (1719 г.) // Российское самодержавие и бюрократия. М., 2000. С. 202–218; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003; Серов Д.О. Гвардейцы и фискалы Петра I в борьбе с лихоимцами и казнокрадами // Исторический вестник. 2003. Т. 6 [153]. С. 54–81; Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003 и др.

вития российской государственности подробно рассмотрены в коллективных трудах, словарях-справочниках, сборниках статей, изданных по итогам научно-практических конференций¹.

Отдельно стоит остановиться на работах В.В. Трепавлова, Л.Ф. Писарьковой и А.Б. Каменского, в которых подвергнуты анализу политика абсолютизма и организация вертикали властных структур. В.В. Трепавловым развитие подданных отношений «иностранцев» Российского государства с русскими царями в XV–XVIII вв. изучено на основе широкого круга письменных и фольклорных источников. Автор определил формы выстраивания правительственных отношений с иностранцами, попытался проследить изменения в представлениях последних о русском правителе. Изменение образа «белого царя», по его мнению, происходило в зависимости от политики правительства по отношению к национальным регионам и населению. Здесь наблюдались такие этапы: максимальное допустимое сохранение местных особенностей и жизненных устоев; невмешательство чиновников в сферы, регулируемые обычаями и традиционными установками (в первую очередь в религии, культуре, семье, быте); игнорирование этнических ареалов при формировании административных образований высшего и среднего звена. Автор обобщает, что «национальная политика» полностью была подчинена интересам государства и осуществлялась в целях обеспечения государственной безопасности, развивалась стихийно и без должного внимания к инкорпорированному населению².

---

¹ Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. М., 1992; Государственность России (конец XV века – февраль 1917 года): словарь-справочник. М., 1996–2005. Кн. 1–5; Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999; Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М., 2003; Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX–начало XX в. М., 2006; Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011; Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII–начало XXI вв.): сб. ст. Оренбург, 2012; Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской России. Казань, 2015 и др.

² Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 199–200, 205–206.

Л.Ф. Писарьковой изучены организация государственного управления, механизмы взаимодействия центральных и местных учреждений, вопросы формирования и функционирования бюрократического аппарата России. Автор убежден в циклическом характере развития российского государственного управления в XVIII в. Административно-управленческие преобразования 1726–1729 гг. оцениваются Л.Ф. Писарьковой как «исправление реформ Петра I», принципы которого действовали в системе государственного управления до начала XIX в.¹ Преобразовательные меры, предпринимавшиеся в послепетровское время новыми правителями, как отмечает А.Б. Каменский, были нацелены на корректировку реформ Петра I. Исходя из сложившейся социально-экономической ситуации в стране, они были направлены на снижение социальной напряженности и повышение эффективности работы государственных учреждений. Преобразования сочетали принципы рационального использования казенных средств, централизации управления, сокращения штатов, улучшения собираемости налогов и различных податей и т.д.² Широкое освещение автором политических, социально-экономических и культурных факторов процесса модернизации России XVIII в. помогло по-новому взглянуть на многие узловые проблемы в области истории местного управления XVIII в.

Из зарубежной историографии можно выделить исследования Х. Баггера, А. Каппелера, Р. Пайпса, Дж. Хоскинга, И. де Мадариаги, освещающие частные вопросы политики государства и механизмов управления³. Весомый вклад в современную отечественную историографию внес историк А. Каппелер, изучивший вопросы политики России с точки зрения многонационального фактора. Исследователь отошел от схематичных и идеологиче-

---

¹ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 340–341, 542, 543.

² Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Его же. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.

³ Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000; Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000. С. 210–261; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001; Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

ских стереотипов исследования «национального вопроса» в России. Так, по мнению историка, чуваша, как и многие оседлые народы, в XVIII в. подвергались сильному интеграционному давлению со стороны центра: социально-экономическому, христианизаторскому. Это проводилось в рамках закономерной политики Российского государства по отношению к инородцам: от поиска компромисса и учета территориальных особенностей до унификации и осуществления «репрессивной линии»¹.

В региональной историографии с ростом исследовательского интереса к эволюции российской государственности активно стали обращать внимание на историю областных учреждений, проблемы взаимоотношения власти и местного населения XVIII столетия. С 1991 г. вышли работы по вопросам организации воеводской системы управления (В.Н. Муратова, Г.П. Енин, А.Г. Иванов, Е.П. Кузьмин)² и ее бюрократизации (Д.А. Ананьев, Д.А. Редин)³. В ряде работ рассматриваются правовое и социально-экономическое положение отдельных этнических и социальных групп Среднего Поволжья и Заволжья (В.А. Юрченков, А.И. Ногманов, Ю.Н. Смирнов, Л.М. Артамонова)⁴, их адаптация (М.В. Гришкина¹) в Российском государстве во второй по-

¹ Каппелер А. Указ. соч. С. 30–31, 46–48.

² Муратова В.Н. Управление Башкирией во второй половине XVI – 40-х годах XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1991; Енин Г.П. Праздничное «кормление» царевкокшайского воеводы в начале 60-х годов XVIII века // Марийский археографический вестник. 1993. № 3. С. 25–33; Его же. Словесный воеводский суд (Исследование и источник) // Рукописные памятники. Вып. 2. СПб., 1995; Иванов А.Г. Система воеводского управления в Марийском крае во второй половине XVI–XVIII вв.; Его же. Взаимоотношения сословных групп и чиновничества в Казанской губернии в середине XVIII века // Сословия, институты и государственная власть в России. (Средние века и раннее Новое время). М., 2010. С. 793–808; Его же. Царевкокшайск в конце XVI–XVIII веков. Очерки по истории уездного города. Йошкар-Ола, 2011; Кузьмин Е.П. Взаимоотношения царевкокшайской воеводской власти и крестьянской общины в 30–70-е годы XVIII века // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 92–100; Его же. Воеводское управление в Марийском крае в XVIII веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2009; Его же. Воеводская власть и управление в Марийском крае в XVIII веке. [Б. м., 2014].

³ Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 2005; Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.

⁴ Юрченков В.А. Мордовский этнос в имперском социуме: XVIII – начало XX вв. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/volga_ural/contents.html (дата обращения: 20.04.2010); Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки законодательной политики во второй по-

ловине XVI–XVIII столетиях. В историографии Чувашии появились труды Д.М. Макарова, В.Д. Димитриева, С.А. Селивановой, А.А. Чибиса, коллективная монография «Чебоксары: исторический очерк». Они проливают свет на историю городов и населения Чувашии в административном, экономическом, социально-культурном, православно-миссионерском отношениях². Биографии и служба дворян-чиновников, выходцев из Чувашии, краткие сюжеты организационно-функционального плана деятельности местных органов управления содержат статьи многотомной «Чувашской энциклопедии»³.

ловине XVI–XVIII вв. Казань, 2005; Его же. Законодательная политика Российского государства по отношению к татарам Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XVI – начале XX веков: проблема периодизации // Вестник Чувашского университета. 2006. № 7. Гуманитарные науки. С. 39–45; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997; Его же. Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII – середина XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук, 1999; Его же. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5-3 (55). С. 158–166; Артамонова Л.М. Социальное и правовое сознание государственных крестьян Поволжья по наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2009. № 1. С. 88–90; Ее же. Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 222–230; Ее же. Налоги и повинности государственных крестьян Поволжья (по жалобам и требованиям наказов депутатам Уложенной комиссии Екатерины II) // Там же. 2014. № 1. С. 156–164.

¹ Гришкина М.В. К проблеме адаптации удмуртов в системе Российского государства в XVI–XVIII веках // Служение истории: Сб. ст. Вып. 2. Чебоксары, 2008. С. 230–250; Ее же. Удмуртское крестьянство: социальные трансформации и особенности адаптации в Российском государстве в XVI – первой половине XIX в. // Этносоциальная динамика населения Вятско-Камского региона: адаптационные механизмы и практики (XVI–XX вв.). Ижевск, 2009. С. 12–71.

² Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.). Чебоксары, 2000; Селиванова С.А. Уездные города Свияжской и Алатырской провинций в 1700–1780 годах: проблемы политической и социально-экономической истории города в многонациональном регионе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2002; Ее же. Государственное управление в городах Свияжской и Алатырской провинций в 1719–1781 гг.: законодательное оформление и историческая реальность // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья: сб. науч. статей по материалам междунар. науч. конф. Проблемы истории и геополитики. Чебоксары, 2006. Т. 2. Ч. 3. С. 298–308; Димитриев В.Д., Селиванова С.А. Чебоксары: очерки истории города XVIII века. Чебоксары, 2011; Чибис А.А. Монастыри правобережья Казанской земли во второй половине XVI – первой половине XVIII веков: функционирование, землевладение и хозяйство: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2011; Чебоксары: исторический очерк. Чебоксары, 2014.

³ Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2006–2011. Т. 1–4.

Таким образом, в современной общероссийской и региональной историографии ведется большая целенаправленная работа по изучению развития системы абсолютистской власти и связанных с ней центральных вопросов, в том числе государственного строительства на местах и воеводской системы управления. В этом русле исследование истории организации и функционирования системы органов управления на территории Чувашии в XVIII столетии с учетом как современных подходов, так и с привлечением новых документальных источников имеет важное значение для целостного представления картины истории государственных учреждений России.

Цель исследования – комплексный анализ провинциального и уездного воеводского управления на территории Чувашии в XVIII в. В соответствии с целью ставятся следующие **задачи**:

- изучить административно-территориальные преобразования и показать процесс складывания провинциальной и уездной воеводской системы управления на рассматриваемой территории;
- проследить законодательное регулирование деятельности воеводских учреждений;
- определить структуру, профессиональный, численный и социальный состав чиновничества воеводской власти на провинциальном и уездном уровнях;
- проанализировать условия службы провинциальных и уездных воевод и канцелярских служащих;
- рассмотреть основные направления деятельности воеводских органов управления по осуществлению политики абсолютизма на территории со сложным социально-сословным, многонациональным и поликонфессиональным составом населения;
- раскрыть процессы взаимодействия воеводской власти с институтами крестьянского самоуправления и различными социальными группами и выявить региональную специфику провинциального и уездного воеводского управления.

Источниковая основа диссертационной работы. Исследование проведено на широкой базе опубликованных и архивных источников.

1. Опубликованные источники. Законодательные и нормативно-правовые акты¹ XVIII в. увидели свет в Полном собрании законов Российской империи². В своде представлены ценные сведения о политике верховной власти и правительства, организации и переустройстве вертикали органов управления. Главными законодательными актами, регулирующими состав и функции местных учреждений, порядок ведения делопроизводства, комплектование штатов учреждений чиновниками и приказными людьми и продвижение их по служебной лестнице, условия службы и ответственности должностных лиц и мн. др., выступали Инструкция воеводам 1719 г. и Наказ губернаторам и воеводам 1728 г. В практике управления воеводы руководствовались Соборным уложением 1649 г., Генеральным регламентом (1720 г.), Табелью о рангах (1722 г.) и другими нормативно-правовыми актами эпохи абсолютизма. Они, кроме Полного собрания законов, опубликованы в сборнике документов «Реформы Петра I», многотомном издании «Российское законодательство X–XX веков», в книгах «Законодательство Петра I», «Петр Великий. Избранное»³.

Документальные собрания «Доклады и приговоры», «Сенатский архив» и Русского исторического общества составлены на основе богатых материалов – деловых бумаг, исходивших от верховной власти, Правительствующего сената и центральных органов управления⁴. В них нашли отраже-

---

¹ Историк Д.А. Ананьев вслед за А.Е. Чекуновой отмечает, что: «Фактически для того времени можно говорить о тождестве понятий «законодательный акт» и «нормативный акт». В итоге «законом» считались как постоянные законодательные установления, рассчитанные на очень долгую перспективу, так и временные постановления, положения которых существенно изменялись, а нередко и отменялись уже следующим нормативным актом» (См.: Ананьев А.Д. Указ. соч. С. 42–43).

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (1649–1825 гг.). (ПСЗ–1). СПб., 1830. Т. 5–21, 43–44.

³ Реформы Петра I. Сб. док. М., 1937; Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4; Законодательство Петра I. М., 1997; Петр Великий. Избранное. М., 2010.

⁴ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствовании Петра Великого. СПб., 1883–1892. Т. 2–5; Сенатский архив. СПб., 1890–1893. Т. 3–6; Сборник императорского Русского исторического общества (Сб. ИРИО). СПб., 1900–1911. Т. 63, 106.

ние сведения о методах проведения политики абсолютизма на местах, регулировании вопросов смены и назначения воевод, проведении следствия по отношению к областным правителям и т.д. В комплексе законодательные и нормативно-правовые акты являются ценнейшими источниками по изучению организационных и функциональных вопросов местных учреждений.

Историко-статистические и учетные документы использованы для решения задач о численности, персональном, социальном и профессиональном составе местной администрации России XVIII столетия. Нами были использованы работы И.К. Кирилова и А. Пупарева¹, справочные издания «Адрес-календари» или «Месяцесловы» (1764–1781 гг.)² и подготовленный по ним именной указатель³. В изучении номенклатуры воеводской власти большую помощь оказывали труды В.Д. Карсаковой⁴, П. Мартынова⁵, М.В. Бабич, И.В. Бабич⁶, В.Д. Кочеткова и С.В. Сироткина⁷.

Определенный массив *делопроизводственной документации*, отложившейся в фондах местных учреждений, был опубликован в тематических сборниках «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии»⁸, «Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков»⁹, «От Петра губернии берем начало...»¹⁰. Комплекс этих документов позволяет охарактеризовать специфику организации управления и деятельности местных орга-

¹ Кирилов И.К. Указ. соч.; Пупарев А. Указ соч.

² Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1765. СПб., [Б. г.]; Адрес-календарь ... 1766. СПб., [Б. г.]; Адрес-календарь ... 1767; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1772. СПб., [Б. г.]; Месяцеслов ... 1773 и т.д.

³ Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). Список по Месяцесловам. СПб., 2003.

⁴ Корсакова В.Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г. // ИОАИЭ. Казань, 1908. Т. 24. Вып. 5. С. 9–10.

⁵ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898. С. 369.

⁶ Областные правители России, 1719–1739 гг. М., 2008.

⁷ Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Провинциальные и уездные городовые воеводы по данным ведомости 1745 года // Марийский археографический вестник. 2013. № 23. С. 102–128.

⁸ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии.

⁹ Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города. Йошкар-Ола, 2008.

¹⁰ «От Петра губернии берем начало...» (становление Нижегородской губернии в документах первой четверти XVIII века): сб. док. Нижний Новгород, 2014.

нов власти, проследить положение чувашских крестьян, социально-экономическую ситуацию на территории Чувашии накануне восстания Е.И. Пугачева (1773–1775 гг.) и т.д.

2. Неопубликованные источники. Основу источниковой базы диссертации составили неопубликованные архивные источники. Большинство из них вводятся в научный оборот впервые. В работе использованы богатые фонды центральных и местных учреждений Российского государственного архива древних актов (РГАДА): ф. 16 – Государственный архив, разряд XVI – внутреннее управление; ф. 248 – Сенат и его учреждения; ф. 273 – Камер-коллегия; ф. 280 – Коллегия экономии; 286 – Герольдмейстерская контора; ф. 407 и ф. 409 – Казанская и Нижегородская губернские канцелярии, 441 и 443 – Свияжская и Симбирская провинциальные канцелярии; ф. 615 – Алатырская крепостная контора, фонды уездных воеводских канцелярий: 478 – Ядринская, 601 – Чебоксарская, 627 – Цивильская и др. Их органично дополняют содержательные по своему составу фонды Цивильской (ф. 1), Чебоксарской (ф. 2), Ядринской (ф. 3), Курмышской (ф. 474), Свияжской (ф. 545) воеводских канцелярий и духовных учреждений, хранящиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР). При изучении темы частично использовались документальные материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) (ф. 467 – Контора от строений его императорского величества домов и садов, ф. 796 – Канцелярия Синода, ф. 1329 – Именные указы и «высочайшие» повеления Сенату, ф. 1399 – Карты, планы и чертежи и др.), Государственного архива Ульяновской области (ГА УО) (ф. 732 – Симбирская губернская ученая архивная комиссия, ф. 818 и ф. 819 – Симбирская и Алатырская провинциальные канцелярии), Центрального архива Нижегородской области (ЦА НО) (ф. 570 – Нижегородская духовная консистория), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Особую ценность представляют личные архивы чувашских исследователей Н.В. Никольского и В.Д. Дмитриева, переданные в Научный архив

Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). В рукописных фондах собраны выписки материалов из фондов РГАДА (центральные и местные учреждения), Национального архива Республики Татарстан (ф. 4 – Казанская духовная консистория, ф. 6 – Свияжское духовное правление и др.), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) (фонды помещиков) и др. В НА ЧГИГН имеются экстракт подполковника А.И. Свечина и поданные ему местным населением челобитные.

Систематизация выявленных из фондов местных и центральных органов управления документов имеет свои особенности. С одной стороны, комплекс материалов можно отнести к *делопроизводственной документации*, т.к. они создавались в воеводских и иных канцеляриях разного уровня, с другой – по содержательно-функциональному признаку их условно можно разделить на типы: актовые, судебные, историко-статистические и т.д.¹ В современном источниковедении предлагается делопроизводственную документацию государственных органов управления разбить на следующие группы: 1) переписка учреждений, 2) внутренние и 3) просительные документы². В состав этих групп входят указы, ордера, требования, промемории, ведения, служебные письма, доношения, рапорты, доезды, росписные списки, рапорты, ведомости, табели, реестры, экстракты, счетные выписки, формулярные списки, протоколы, журналы, записные (регистратуры) и приходно-расходные книги, челобитные, доношения и т.д.³

Наряду с делопроизводственной документацией источниковедами принято выделять *судебно-следственные материалы*. Они включают в себе часть видов делопроизводственных документов (челобитные, доношения, рапорты, промемории, определения и т.д.) и сугубо следственные документальные материалы: расспросы, тетради на улику, экстракты и др. Отдельно стоит сказать о такой группе источников как *акты*, которые составлялись в

---

¹ См.: Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века. С. 12–18.

² Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII–начала XX века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 395.

³ См.: Ананьев А.Д. Указ. соч. С. 46–55.

крепостных конторах под контролем воеводской власти в XVIII столетии. Крепостными конторами выдавались различного рода договоры – купли-продажи движимого и недвижимого имущества, подряда и др.

Таким образом, классификация комплекса документальных материалов воеводских учреждений сопряжено определенными трудностями. Они вызваны тем, что воеводы будучи «универсальным» органом управления сконцентрировали в себе административные, полицейские, хозяйственные, судебные, фискально-финансовые, нотариальные функции. Поэтому одни и те же разновидности документов составлялись для выполнения различных управленческих решений.

Из всего комплекса собранного архивного материала большую ценность представляют распорядительные документы – указы и росписные списки¹. В них содержатся ценные сведения о причинах смены воевод, фактическом штате служащих, материально-техническом состоянии учреждений, настольных указах, различной входящей и исходящей корреспонденции. Подробно фиксировались данные о фискально-финансовой деятельности воевод, краткие выписки по судебным делам и др.² Заслуживают особого внимания источники об условиях службы воевод³. Материально-финансовое состояние местных чиновников характеризуют купчие и иные частноправовые документы, различные судебные-следственные материалы, выписки из послужных списков⁴.

Состав и численность воеводских учреждений прослеживаются по указам и определениям губернских и провинциальных властей, по протоколам, промемориям и рапортам⁵. Указы Сената, коллегий и губернских властей составляют основной массив архивных материалов, раскрывающих функцио-

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 228; Д. 39. Л. 214–215; РГАДА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 13.

² РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 168. Л. 1, 313–314 об., 336; Д. 910. Л. 1, 731–734, 826–835 об.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 81–102; Оп. 2. Д. 53. Л. 136–137.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 95; Д. 59. Л. 135–135 об.; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 604. Л. 89–93; 228–232; Ф. 615. Оп. 1. Д. 15. Л. 6–6 об., 7 об.–8.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 13. Л. 127; Д. 31. Л. 216; Д. 54. Л. 79–79 об.

нальные обязанности воеводских учреждений¹. Переписка воеводских органов управления с вышестоящими инстанциями показывает, насколько успешно решались насущные государственные дела и была эффективной деятельность воевод². Информативными можно считать и протоколы провинциальных и уездных воеводских канцелярий, распоряжения воевод³. Судебные дела являются ценным источником о полицейско-судебной деятельности органов местной власти⁴. В ходе расследования готовились инструкции для рассыльщиков, протоколы допросов, выписки или экстракты⁵.

Вместе с тем распорядительные материалы воеводских канцелярий проливают свет на многие аспекты проблемы административно-территориального управления в крае: взаимодействие воевод с институтами общинного самоуправления и различными социальными группами, функциональные обязанности волостных сотников и других выборных свидетельствуют челобитные, рапорты, доношения и т.д.⁶

Таким образом, приведенная в совокупности источниковая база, основанная на опубликованных и в большей степени на архивных источниках, в полной мере обеспечивает достижение поставленной цели и решение задач исследования.

Научная новизна. В диссертационной работе исследуется административное управление Чувашии в XVIII в. В ней впервые основательно изучаются узловые проблемы развития воеводских органов управления. В ходе рассмотрения учреждений губернской власти удалось показать эволюцию правовой базы, административно-территориальные изменения и складывание двухуровневой воеводской власти. Детальный анализ профессиональных ка-

¹ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 3; Д. 45; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19; Д. 21. Л. 533; Оп. 2. Д. 31; Д. 34. Л. 3 а–8, 53–53 об., 191; Оп. 2. Д. 31. Л. 28–28 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 63.

² ГИА ЧР. Оп. 1. Д. 134; Оп. 2. Д. 6; Ф. 3. Оп. 1. Д. 63.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1–4; Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 18; Д. 30; Д. 31; Д. 38. Л. 128; Оп. 2. Д. 1; Д. 54; Ф. 3. Оп. 1. Д. 150. Л. 5–5 об.; Д. 195; Д. 223.

⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 51. Л. 37; Ф. 474. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5; Д. 9; Ф. 474. Оп. 1. Д. 6; Д. 14; Ф. 545. Оп. 1. Д. 20.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 80; Оп. 2. Д. 6. Л. 23; Ф. 474. Оп. 1. Д. 10. Л. 18; Д. 26. Л. 2–2 об.; Д. 27. Л. 2; Ф. 545. Оп. 1. Д. 7. Л. 13; Д. 12. Л. 3, 10–10 об.

честв и социального происхождения воевод и приказных служителей позволил выявить ряд общих и особенных черт формирования чиновничества на рассматриваемой территории. При исследовании структуры воеводских учреждений сделаны важные наблюдения над их деятельностью в организационном плане, которая была связана с функциональными обязанностями и отражалась на численности штата воеводских канцелярий. В работе подробно изучены роль и степень влияния условий службы на проявления такого «порока» российской бюрократии, как злоупотребления. В ней впервые на материалах Казанской и Нижегородской губерний подвергнуты анализу функции провинциальных и уездных воеводских учреждений, показано взаимодействие с сельскими и городскими институтами самоуправления и различными социальными группами. При изучении темы исследования всесторонний охват получили широкий круг источников, которые позволили решить поставленные задачи и прийти к обоснованным выводам. Они позволили впервые провести комплексный анализ организации и выявить особенности функционирования воеводской системы управления на территории Чувашии в XVIII столетии.

Указанные положения соответствуют пунктам 2, 4, 7 и 15 Паспорта специальностей ВАК при Минобрнауки России.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Исследовательская работа, выполненная на основе широкого круга неопубликованных материалов с привлечением опубликованных документов, представляет ценность для исследователей, студентов, краеведов и всех тех, кто интересуется историей Чувашии и чувашского народа. Ее результаты могут быть полезными для дальнейших исследований развития системы органов управления на территории Чувашии и Среднего Поволжья в целом, в подготовке научно-популярных, учебно-методических и краеведческих изданий. Диссертация окажет помощь при написании региональных энциклопедий, дипломных и курсовых работ во время учебного процесса в вузах. В ее главах и приложениях также можно ознакомиться с биографиями областных правителей

и представителей местного чиновничества. Они могут заинтересовать любителей генеалогических изысканий. Данное исследование имеет широкое прикладное значение и представляет большую научную ценность в изучении узловых проблем региональной и отечественной истории в целом.

Методология и методы исследования. Диссертационная работа выполнена на основе принципов историзма, научности и объективности. Оценивая события прошлого и, исходя из объективных реалий изучаемой эпохи, сформулированы положения и сделаны выводы на базе достоверных фактов и всестороннего охвата исторических явлений. Анализ проводился путем рассмотрения объекта исследования как единого процесса, последовательно изменявшегося во времени и имевшего преемственную связь по отношению к прошедшим этапам развития местной системы управления и российской государственности в целом.

Исследование базируется на общенаучных методах познания – анализе, синтезе, описании, логике и т.д. В нем использовался историко-системный подход, позволяющий рассматривать органы власти как системную цельность и проследить взаимодействие с другими институтами социума. Следующий метод – конкретно-исторический, который помог определить характерные черты политики абсолютизма на территории Чувашии на различных этапах развития воеводской системы управления. При написании данного исследования также применялись историко-генетический, проблемно-хронологический, структурно-функциональный и статистический методы, с помощью которых изучались организация, задачи, функции, деятельность и особенности функционирования рассматриваемых местных учреждений, реализации ими правительственного курса, их взаимодействия и сопоставления с другими управленческими структурами.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Административно-территориальные преобразования 1708–1727 гг. изменили структуру и состав местной системы управления и носили всеобъемлющий характер. В ходе реформ в губерниях была учреждена двухуровне-

вая воеводская вертикаль власти (провинциальная и уездная), которая практически неизменно просуществовала на территории Чувашии вплоть до 1781 г.

2. Деятельность провинциальных и уездных воеводских органов власти регламентировалась развитой правовой базой. Особая группа законодательных актов регулировала управление многонациональным населением и позволяла воеводам активно участвовать в деле христианизации нерусских народов на территории Чувашии, что свидетельствовало о новом этапе их инкорпорации в российское общество.

3. На протяжении изучаемого периода провинциальными и уездными воеводами чаще назначались отставные военные из дворян. С учетом особого положения провинциальных учреждений при подборе кадров приоритет отдавался кандидатам с VI–VII табельными чинами, тогда как уездные воеводы преимущественно имели VIII класс по Табели о рангах и ниже. Структура воеводских учреждений была однотипной. При этом в провинциальном уровне управления численный, профессиональный и социальный состав чиновничества был выше, чем в уездном.

4. Материальное обеспечение воеводских служащих до введения регулярной выплаты жалованья в 1763 г. зависело от дополнительных источников существования. Служебные и жилищные условия были предусмотрены в основном для воевод. Вследствие недостаточности финансирования условия службы чиновничества были на низком уровне, что отрицательно отражалось на эффективности деятельности учреждений и явились одним из факторов злоупотреблений со стороны воеводских должностных лиц и, следовательно, разорения и недовольства местного населения.

5. Провинциальные и уездные воеводы наделялись административными, полицейскими, военными, фискально-финансовыми, хозяйственными, судебными и нотариальными функциями. На провинциальный центр дополнительным бременем ложились административный контроль над деятельностью уездных воеводских органов управления, решение апелляционных су-

дебных дел, поступивших от уездного населения, несение ответственности за управление провинцией перед губернской и центральной властью в целом.

б. Воеводы управляли нерусским населением и зависели от слаженной работы с институтом толмачества, духовенством, городским и крестьянским общинным самоуправлением. Включение выборных людей из «миров» в воеводскую систему позволяло активно осуществлять политику абсолютизма на местах и сохранять устойчивость крепостнического порядка в целом. Воеводская практика управления вполне соответствовала государственным интересам и потребностям рассматриваемого времени.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Всестороннее изучение региональной и отечественной историографии по исследуемой проблеме, основательный анализ обширной источниковой базы явились основой обоснованных выводов.

В процессе подготовки диссертационной работы автор основные ее аспекты обнародовал на шести научно-практических конференциях международного, всероссийского и межрегионального уровней, организованных в Свияжске (2011 г.), Оренбурге (2012 г.), Чебоксарах (2011–2013 гг.) и Йошкар-Оле (2014 г.). Содержание и положения диссертации изложены в тринадцати статьях общим объемом 7,9 п.л., в том числе четыре работы опубликованы в рецензируемых журналах ВАК при Минобрнауки России¹.

---

¹ Басманцев Д.В. Материальное обеспечение провинциальных и уездных воеводских служащих на территории Чувашии в 1727–1781 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6 (12). Ч. 3. С. 25–28; Его же. Модернизация системы воеводского управления в России 1719–1781 годах: некоторые итоги (на примере Чувашии) // Проблемы модернизации России: история и современность: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2011. С. 69–76; Его же. Документы воеводских канцелярий Чувашии 1727–1781 гг.: источниковедческий анализ // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары, 2011. С. 14–19; Его же. Священнослужители и система воеводского управления в Чувашии в 1719–1781 годы // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 7–11; Его же. Организация уездного воеводского управления на территории Чувашии в XVIII веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). Ч. 1. С. 28–31; Его же. Из практики организации воеводского управления на территории Чувашии в XVIII веке // Изменение системных координат российской государственности: исторические дилеммы и содержательные вызовы: материалы III Всерос. науч.-

Диссертационное исследование обсуждено на совместном заседании кафедры отечественной истории и кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и рекомендовано к защите.

Структура диссертации. Выполненная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

практ. конф. Чебоксары, 2012. С. 70–77; Его же. Система воеводского управления и политика Центра на территории Чувашии в 1719–1781 годах: источниковедческий и историографический обзор // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 5. Чебоксары, 2012. С. 59–86; Его же. Ценностные ориентации местного чиновничества и их влияние на эффективность работы аппарата управления в XVIII веке (по материалам Чувашии) // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII–начало XXI вв.): сб. ст. Всерос. науч. конф. Оренбург, 2012. С. 485–489; Его же. Уездные воеводские канцелярии на территории Чувашии в 1727–1781 годах: численность служащих, их состав и функции // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Чебоксары, 2013. Вып. 2. С. 18–36; Его же. «Государев двор» и административные учреждения в Чебоксарах в XVIII веке // Марийский археографический вестник. 2013. Вып. 23. С. 128–142; Его же. Деятельность Канцелярии от строений и местных органов управления на территории Чувашии в первой четверти XVIII века // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2014. № 2 (82). С. 35–40; Его же. Правовое обеспечение деятельности провинциальных и уездных воевод на территории Чувашии в 1719–1781 годах // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). Чебоксары, 2014. С. 148–154; Его же. «Царедворцы» в системе управления Казанской губернии в начале XVIII века // Марийский археографический вестник. 2015. № 25. С. 31–35.

ГЛАВА 1. ИЗМЕНЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ЧУВАШИИ В 1708–1781 ГГ.

1.1. Административно-территориальные преобразования и становление губернской системы управления в 1708–1719 гг.

«Вопросом об управлении «уездом», на основании того или другого из указанных начал – земского или приказного, болел XVIII век, болело московское государство. Выражаясь точнее, «издревле» болели этим вопросом и власть, и народ», – писал о проблеме местного управления России известный историк И.И. Дитятин¹. Особенно актуальной она стала в конце XVII – первой четверти XVIII в. в ходе масштабных реформ Петра I по усовершенствованию системы органов управления. Они были нацелены на изменение механизмов функционирования и внутренней организации государственных учреждений.

Введение в 1708 г. в России губерний во главе с губернаторами коренным образом переустроило допетровскую систему управления, реформировав не только территориальную, но и административную составляющую. Одной из крупных губерний (второй после Азовской по занимаемой площади) стала Казанская губерния. Она включала полностью и частично территорию нескольких современных субъектов Российской Федерации, в том числе Чувашской Республики. Земли нынешней Чувашии согласно губернской реформе 1708 г. полностью вошли в Казанскую, в 1714 г. – частично в Нижегородскую губернию.

Именной указ от 18 декабря 1708 г. провозгласил создание «для всенародной пользы» 8 губерний. В соответствии с ним Казанская губерния включила в себя 70 городов и пригородов (в указе указан 71 город, так как Алатырь был подсчитан дважды)². В январе 1714 г. из Казанской губернии были выведены города Алатырь, Ядрин, Курмыш, Василь (Васильсурск), Балахна,

---

¹ Дитятин И.И. Из истории местного управления. С. 387.

² ПСЗ–1. Т. 4. № 2218. 18 декабря 1708 г. С. 436–438.

Муром, Арзамас, Гороховец, Юрьев-Польский с центром Нижним Новгородом¹. В 1714–1717 гг. и в 1719 г. создание Нижегородской и Астраханской губерний должно было облегчить управление Казанской губернией². Для управления такими обширными территориями создавалась многоуровневая сеть административных учреждений. С 1708 по 1718 г. путем проб и ошибок местная власть перешла на новый уровень своего развития.

Центральной фигурой вновь созданных губерний стал губернатор. В своих трудах известные историки И.А. Блинов, И.Н. Андреевский и П. Мрочек-Дроздовский отмечали преемственную связь между воеводами и губернаторами³. По мнению последнего, губернаторы, в отличие от прежних воевод, «сделались уже вполне государственными чиновниками и назначались по личным качествам, для пользы службы, а не в видах достижения своекорыстных целей»⁴. Воеводы допетровской эпохи пользовались разными наказаниями, не было единой законодательной базы. С учреждением губернского управления произошли коренные изменения, установилась «общая идея служению государству»⁵. Таким образом, шел постепенный процесс унификации системы местного управления.

Трансформация органов местного управления шла по двум направлениям. С одной стороны, сохранялась передача местной власти из рук воевод губернаторам. Исследователь И.П. Ермолаев указывает, что даже названия «губернатор» и «воевода» в Казанском крае (Среднем Поволжье) некоторое время употреблялись параллельно⁶. С другой стороны, губернаторы очень сильно отличались от своих предшественников-воевод. Крупный исследователь в области областного управления XVIII столетия Ю.В. Готье губернаторов рассматривает в качестве «центрального правительства» и посредников

---

¹ Мрочек-Дроздовский П. Указ. соч. С. 22; Ешан Е. «Нижегородской губернии быть особливо...» // Родина. 2014. № 2. С. 22–25; «От Петра губернии берем начало...» ... С. 27.

² ПСЗ–1. Т. 5. № 3119. 22 ноября 1717 г.; № 3380. 20 мая 1719 г. С. 520, 701, 709–710.

³ Блинов И.А. Указ. соч. С. 46; Андреевский И.Н. Указ. соч. С. 1; Мрочек-Дроздовский П. Указ. соч. С. 32–33.

⁴ Мрочек-Дроздовский П. Указ. соч. С. 32.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Ермолаев И.П. Указ. соч. С. 174.

между всеми органами управления, существующими в его губернии¹. Здесь ключевым положением является то, что губернаторы не только вобрали в себя функциональные обязанности прежних воевод, но и получили в наследство некоторые прерогативы от приказной системы управления. Приказы, сконцентрировавшие многие, а порой, как Приказ Казанского дворца и Сибирский приказ, все рычаги управления территорией, были заменены коллегиями – центральными хозяйственно-отраслевыми учреждениями. Коллегии, в отличие от приказов, получив четкие полномочия, должны были отвечать за свою область политики государства. На губернаторов ложилась большая роль в аккумуляции управления на местах.

Каковы же причины ликвидации воеводского управления и усиления губернаторской власти? Данный сюжет нашел отражение как в дореволюционной, так и советской и современной историографии². Исследователи едины во мнении, что воеводская система управления не отвечала основам абсолютизма и мешала решать стратегические управленческие задачи (взыскание налогов, борьба с недовольством населения, осуществление наборов в армию, проведение преобразований и т.д.). По заключению И.П. Ермолаева, на рубеже XVII и XVIII вв. центральная власть и местное управление Среднего Поволжья не справлялись со всеми своими функциями и обязанностями, требовалась решительная и скорейшая перестройка³.

На практике переустройство местного управления было начато еще в 1699 г., когда воеводы лишились управления посадским населением. До 1710-х гг. происходило сужение функциональных обязанностей воевод.

Воеводская власть до введения губернского управления сосредоточила широкие полномочия. Приведем несколько примеров. В январе 1701 г. по

---

¹ Готье Ю.В. Указ соч. С. 52.

² Градовский А.Д. История местного управления в России. С. 400; Его же. Системы местного управления на Западе Европы и в России. С. 119–124; Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856; Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. С. 54; Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 95; Ермолаев И.П. Указ. соч. С. 162–172; Иванов А.Г. Система воеводского управления в Марийском крае во второй половине XVI–XVIII вв. С. 24 и др.

³ Ермолаев И.П. Указ. соч. С. 169.

грамоте Приказа Казанского дворца ядринскому воеводе П.Л. Касаткину-Ростовскому было велено выслать в симбирские селитренные заводы ядринских ясачных людей. По нему же планировалось привлечь к работам татар, чувашей, марийцев и мордву из Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Курмышского и Свияжского уездов¹. В рамках должностных прерогатив ядринский воевода осуществлял учет и контроль численности различных социальных категорий населения, занимался сбором налогов, доставкой стрелецкого хлеба, высылкой работных людей, детей боярских и др.²

«Понизовые города» повсеместно управлялись Ратушей. Несмотря на это, правительство Петра I вовсе не выпускало земские избы из своего подчинения, наблюдая за исправным поступлением денежных сборов, выполнением посадским населением многочисленных обязанностей³. Средства, собираемые с 1701 г. с посадских и дворовых крестьян с «десятой деньги», шли на содержание пехоты и двух драгунских полков. К 1706 г. на денежные суммы Ратуши содержались 47 пехотных и четыре драгунских полка. Следовательно, контроль над финансированием следил Военный приказ⁴.

Воеводам приходилось смириться с тем, что в систему местного управления постоянно «вмешивались» различные по статусу учреждения и «чрезвычайные чиновники». Постепенно функции Приказа Казанского дворца перенимали вновь созданные органы управления, что автоматически сводило воевод в более подчиненное положение. В 1704 г. именным указом в составе Семеновской приказной палаты была учреждена Ижерская канцелярия. Она ведала сбором налогов с торговых и домовых бань. В пункте 13 говорилось, чтобы воеводы и бурмистры оказывали всяческую помощь «высылным стольникам и дворянам и подьячим» Ижерской канцелярии под страхом взыс-

---

¹ Димитриев В.Д., Кузнецов И.Д., Чибис А.А. Документы Ядринской приказной избы о трудовых и податных повинностях и службах населения Чувашии в конце XVII – начале XVIII веков // Марийский археографический вестник. 2004. № 14. С. 121–122.

² Там же. С. 122–144.

³ Клокман Ю.Р. Город в законодательстве русского абсолютизма во второй половине XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 333.

⁴ Автократов В.Н. Первые комиссариатские органы русской регулярной армии (1700–1710 гг.) // Исторические записки. № 68. М., 1961. С. 165–166, 168.

каний¹. Одновременно за ней были закреплены сборы с рыбных ловель². И в этом указе говорилось: «А буде в городах воеводы или бурмистры учинятся в чем непослушны и учинят хоть малую остановку... на воеводе доправлена будет пеня большая... жестокое наказание, а бурмистрам быть во всяком раззорении»³. В ведомстве Семеновской приказной палаты была организована одноименная канцелярия, собиравшая налоги с пасек и бортовых мест, иноверческих свадеб⁴. Семеновскую канцелярию мельничного сбора возглавил С. Коровин. 10-й пункт документа гласил: «В низовых городах у татар и у чуваш, и у черемис, и у мордвы, которая есть колотовки, а платят с них малые оброки, а иные с пуста платят, и их отдавать вновь на оброк»⁵. В ведение Семеновской приказной палаты были переданы сборы конских пошлин⁶. 9 января 1705 г. она переименована в Ингерманландскую канцелярию⁷.

Вся вереница происходивших изменений демонстрирует стремление правительства создать централизованное поступление денежных сумм. Непосредственными исполнителями правительственного курса на местах до и после учреждения губернаторства оставались воеводы и бурмистры. Например, в 1704 г. гражданский воевода М. Коровин провел переобработку мельниц «уездных чинов»⁸. По воеводским «отдаточным книгам» взимались с уездного населения оброки. В январе 1708 г. из Казани за подписями Н. Кудрявцова, А. Сергеева и С. Вараксина в Ингерманландскую канцелярию рыбных дел была предоставлена ведомость о сборах с алатырских, курмышских, свияжских и других рыбных ловель⁹. В марте 1708 г. чуваша Симбирского уезда за разные оброчные статьи выплатили в казну 14 руб. 9 алтын с полу одной

---

¹ ПСЗ–1. Т. 4. № 1954. 7 января 1704 г. С. 230–231.

² Там же. № 1956. 6 января 1704 г. С. 232–240.

³ Там же. С. 239.

⁴ Там же. № 1961. 25 января 1704 г. С. 242–243.

⁵ Там же. № 1965. 31 января 1704 г. С. 243–245; № 1966. 4 февраля 1704 г. С. 245.

⁶ Там же. № 1969. 23 февраля 1704 г. С. 247; № 2000. 23 декабря 1704 г. С. 273–274.

⁷ Там же. № 2010. 9 января 1705 г. С. 280–281.

⁸ РГАДА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

⁹ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3. Л. 49 об.– 50.

деньгой¹. Местные власти вышеуказанные налоги собирали на протяжении всего XVIII в.²

Основную часть уездного населения на территории Чувашии составляли ясачные чувашские крестьяне, которые платили ясак и несли многочисленные повинности наравне с посадскими людьми. В 1704 г. специально была создана Ясачная канцелярия³. Она стала функционировать с 12 июля, исполняя фискально-финансовые функции⁴. Однако 1 марта 1706 г. канцелярия прекратила свою деятельность, передав свою власть комиссару А. Сергееву⁵.

С началом Северной войны правительство нуждалось не только в постоянных финансовых вливаниях, но и в пополнении армии рекрутами («даточными»). Для этих целей регулярно проводились наборы⁶. По указу в 1702 г. в поволжских городах прошел повальный набор в солдаты малообеспеченных посадских людей для отправки в азовский гарнизон⁷. По нему из Ядрина в Азов должны были переехать 91 чел. (23 двора). Всего годных к несению рекрутской повинности оказалось 36 чел.⁸ В 1706 г. из «понизовых городов» организованы солдатские формирования, «низовой набор» производился местной администрацией под руководством казанского подьячего А. Сергеева. Военному ведомству на местах помогали воеводы⁹.

В эти же годы создавалась специализированная сеть учреждений, занимавшаяся выполнением военных государственных заказов и снабжением

¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3. Л. 329, 332 об.

² РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 725. Л. 2.

³ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века. С. 323.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 101. Л. 608.

⁵ Там же. По мнению В.Д. Димитриева, Ясачная канцелярия была ликвидирована в 1705 г. (См.: Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 323).

⁶ См.: Тихонов В.А. Рекрутская система комплектования русской армии в 1705–1710 гг. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2012. № 4. С. 28–36: URL: <http://vestnik-mgou.ru> / E-mail: evest_mgou@mail.ru. (дата обращения: 03.04.2015).

⁷ Тихонов В.А. Ядринский набор посадских в солдаты в 1702 году и проблема истощения городов Поволжья в начале Северной войны // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2009. С. 38.

⁸ Там же. С. 39.

⁹ Автократов В.Н. Военный приказ (К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в.) // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 231, 235.

армии¹. В 1710–1712 гг. военное обеспечение полков Казанской губернии было поручено комиссарам Ф. Борятинскому и Н. Кормилицыну. Так, ими у «москвитина Огородной слободы» П. Стрежнева приобретены различные топоры, котлы, копыя, у «москвитина Казенной слободы» С. Аникеева – 3560 фляжек по 8 алтын 3 деньги, у И. Аникеева – 665 седел драгунских по 2 руб. 8 алтын, у С. Федорова – 525 штыков с ножами и т.д.²

Таким образом, с 1699 по 1708 гг. произошла реформа вертикали местных органов управления, воеводские учреждения наряду с выборными городскими людьми оставались исполнять огромный объем функциональных обязанностей, направленных, в первую очередь, на удовлетворение нужд армии и Северной войны в целом.

Со времени учреждения губернаторской власти Казанской губернией управляли ближние бояре П.М. Апраксин (1708–1713) и П.С. Салтыков (1713–1719)³. С ними работали на различных должностях 55 царедворца. В 1713 г. в Казанской губернии из их числа служили 3 обер-коменданта и 22 коменданта. В Астрахани, Нижнем Новгороде и Симбирске исправляли обер-комендантскую должность комнатный стольник М.И. Чириков, стольники Я.С. Львов и И.Е. Бахметев. Стольники, стряпчие, дворяне и жильцы были определены комендантами в другие города Казанской губернии. В стольниках состояли 55 % царедворцев, а в стряпчих – 27, дворянах и жильцах по 9 %. Следует отметить, что стольники Ю.К. Щербатов (Щербатой), Ф.И. Борятинской, С.И. Путятин и Я.И. Мансырев были князьями. 30 царедворцев находились «у дел», т.е. выполняли различные управленческие задачи. Например, фискалами были стольник П.П. Нечаев и жилец В.Н. Макаров, служившие в Алатыре и Муроме соответственно. При селитерных и винокурных заводах обретались стольник А.В. Ведерский и стряпчий Л.И. Бузовлев. Стольник И.С. Салов «на Алатаре ведает ясашных людей».

---

¹ Юхт А.И. Русская промышленность и снабжение обмундированием и амуницией // Полтава. С. 213–221.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Кн. 161. Л. 20–22.

³ См. приложение 2.

Вследствие «начинаемой Турецкой войны» с Россией в 1710–1713 гг. на военную службу в Харьков было мобилизовано 25 царедворцев Казанской губернии¹. В 1714 г. сенатский указ требовал назначать на должности ландратов «из царедворцев»².

В начале XVIII столетия царедворцев определяли на различные руководящие должности на местах. По подсчетам Д.А. Редина в период с 1711 по 1719 г. на Урале 66,7 % управленцев («на воеводских должностях») имели чин стольника (по Сибири в целом было всего чуть более 56 %) ³.

Круг полномочий казанского губернатора был широким. В наказе, составленном в 1717 г. в связи с отъездом казанского губернатора П.С. Салтыкова в Санкт-Петербург и адресованный ландрату К.Н. Акинфому и ландрихтеру С.М. Кашкадамову, перечисляются основные его служебные обязанности. В документе на первое место были вынесены фискально-финансовые составляющие. В наказе говорилось, чтобы все сборы были «в генваре месяце грядущаго [1]718 году выплачены, в указные места высланы». Исполняющим обязанности губернатора разрешалось для своевременного выполнения плана по сбору налогов высылать офицеров и урядников с солдатами к комиссарам и сборщикам для принуждения. Им рекомендовалось денежную казну по 15–20 тыс. руб. отправлять в Москву, Санкт-Петербург и другие надлежащие присутственные места. За несвоевременное исполнение указанных функций они налагались штрафом. Другой важной прерогативой губернатора были военные дела: подготовка провианта, взимание налогов и сбор недоимок, набор и отправление рекрутов в крепость Святого Петра и Астрахань, обеспечение военнотружущих подводами. А на счет суда строго оговаривалось: «над военными не касатца». Остальные пункты наказа регулировали вопросы решения челобитчиковых дел и вынесения по ним решений, выдачи жалованья, скрепления исходящих документов печатью губернской канцелярии⁴.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Кн. 306. Л. 19–22.

² Мрочек-Дроздовский П. Указ. соч. С. 61–62.

³ Редин Д.А. Указ. соч. С. 397.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 713. Л. 1–5.

Аппаратом управления губернатора являлась специальная канцелярия, состоявшая из штата приказных людей и военнослужащих. В 1710-х гг. канцелярия казанского губернатора называлась «Большой губернаторской». Например, в делопроизводственных документах можно встретить такие формулировки: «ис Казани из Большой губернаторской канцелярии» или «ис Казани из Губернской канцелярии»¹. Следует отметить, что исследователь В.Д. Димитриев связывает дату возникновения губернии не с моментом объявления указа от 18 декабря 1708 г., а со временем создания Канцелярии расправных дел. По его мнению, она была прообразом губернии и управляла понизовыми городами до 1709 г.² Так или иначе, Канцелярия расправных дел была поглощена властью губернатора.

В 1710-х гг. воеводы были заменены комендантами. М.М. Богословский показывает, что они появились в 1711 г.³ Например, в 1713 г. в Чебоксарах комендантскую должность справлял генерал-майор К.А. Ригемон, в Алатыре – князь Ю.К. Щербатов, в Свияжске – Л. Хрущов. В Симбирске оберкомендантом являлся И.Е. Бахметев⁴. В сентябре 1713 г. в Цивильске комендант и майор П.Г. Озеров сменил стольника С.П. Зиновьева⁵.

Деятельность губернской и комендантской власти можно проиллюстрировать примером их взаимодействия с Канцелярией городских дел – центральным учреждением, ведавшим организацией строительства Санкт-Петербурга.

С начала 10-х гг. XVIII в. в стране вводился постоянный налог на строительство Петербурга. Наряду с ним устанавливались особые сборы⁶. В 1712 г., например, органы власти Казанской губернии должны были собрать

¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 1 в. Л. 67 об., 97 об.; РГАДА. Ф. 16. Оп. Д. 712. Л. 4 об.; Ф. 796. Оп. 1. Д. 2. Л. 47; Ф. 887. Оп. 1. Д. 6. Л. 97.

² Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 324.

³ Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. С. 57, 68.

⁴ Доклады и приговоры... Кн. 1 в. Л. 53, 134, 264; Кн. 2 в. Л. 93, 169; РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Д. 306. Л. 19 об.–20; «От Петра губернии берем начало...» ... С. 33.

⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. Д. 712. Л. 6 об.; Ф. 248. Оп. 106. Д. 306. Л. 20.

⁶ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. С. 23–24, 28–29.

с населения 77675 руб. 5 денег, в 1713 г. – 80986 руб. 17 алтын 1 деньгу¹. В 1711–1715 гг. к таким сборам относились следующие статьи: «на работников», «на дело кирпича», «к городовому делу на покупку всяких припасов» и т.д. В Казанской губернии взимали дополнительный налог для содержания высланных в Петербург татар². Однако местным учреждениям в лице комендантов не удавалось обеспечить бесперебойный сбор финансовых средств. Следовательно, задолженность областных учреждений перед Канцелярией постоянно росла³. В сентябре 1712 г. казанская губернская администрация докладывала Сенату о том, что наряд по сборам за прошедший 1711 г. выполнен лишь в текущем году. В 1712 г. дела также шли с отставанием, заставив областных правителей указывать в отчетах, что «за татар деньги собираются и пришлются вскоре». Из более чем 77 тыс. руб. надлежало еще «дослать 57337 руб. 6 алтын 1 деньгу». К октябрю 1712 г. за Казанской губернией в недоимке числилась сумма более 67 тыс. руб.⁴

Немало хлопот губернаторам и комендантам приносили наряды по набору работных людей и доставке их в Петербург. В 1710 г. в Казанской губернии набирали 666 «мастеровых людей на вечное житье»⁵. В 1713 г. следовало выслать на трехмесячные работы 7686 чел., по 3843 чел. в две смены. Для их отправления также необходимо было собрать денег по 1 руб. в месяц на одного работника, то есть 23058 руб.⁶ В 1714 и 1715 гг. на строительство Петербурга из Казанской губернии планировалось отправить по 6024 чел.⁷ Соответственно, изменялись и величины, по которой комендантами осуществлялся наряд по набору работников⁸.

---

¹ Доклады и приговоры... Т. 2. Кн. 2. Год 1712-й. СПб., 1883. С. 221, 459.

² Там же. С. 219–220, 457.

³ Там же. Т. 3. Кн. 2. Год 1713-й. С. 1045–1046, 1242–1243.

⁴ Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 221, 279.

⁵ Там же. С. 455.

⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 1 в. Л. 18 об.

⁷ Салмин А.К. Санкт-Петербург XVIII века и чувашаи // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 60.

⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 1 в. Л. 30 об.–34 об., 53–69 об.; Кн. 2 а. Л. 305 об.

Для сбора и отправки финансовых и людских ресурсов областная администрация привлекала местных дворян¹. Приговор Сената от 26 декабря 1711 г. требовал от губернаторов и комендантов беглых работников с городского строительства разыскивать в губерниях, откуда они были высланы или «вместо них тож число послать». Местные власти были обязаны за больных, «дряхлах» и умерших нарядить в Петербург новых рабочих². Поэтому губернская администрация, наученная горьким опытом, набирала людей как можно больше, намного превышая предписанного по нарядам числа³.

Многие из перечисленных функций губернатора дублировались и исполнялись десятками административными учреждениями, сконцентрированными в уездных городах. Коменданты, кроме указанных выше полномочий, были наделены административными, финансовыми и судебными функциями. Так, в росписном списке Цивильска за 1728 г. приведена перечень делопроизводительной документации, позволяющая отследить деятельность коменданта⁴. По нему в 1713–1714 гг. цивильские коменданты С.П. Зиновьев и П.Г. Озеров занимались взиманием платежей посопного ясачного хлеба, разбирали челобитные, решали дела по крепостям, проводили учет дворян, рейтаров и др.⁵ Они были обязаны собирать для Рыбной канцелярии оброчные деньги, решать значительное количество дел⁶. Указом от 10 сентября 1713 г. из Казанской губернской канцелярии от комендантов требовалось «для збавки денежных доходов» выслать в Казань сотников и выборных людей Цивильского уезда. В октябрьском указе говорилось о переписи в Цивильске и уезде дворов попов, дьяков, причетников, дворян и др. В декабре 1714 г. Рыбная канцелярия просила выслать цивильского посадского человека И. Малафеева «с товарищи» «для платежу за государеву соль денег»⁷. В ука-

---

¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 1 в. Л. 19–19 об.

² Доклады и приговоры... Т. 1. Год 1711-й. СПб., 1880. С. 395–396.

³ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 1 в. Л. 19.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Д. 778. Л. 1–1 об.; Ф. 627. Оп. 1. Д. 12.

⁵ Там же. Ф. 627. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об., 5, 28.

⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 712. Л. 4 об., 10 об., 11, 12.

⁷ Там же. Л. 6 об., 7 об., 15 об.

зе нижегородского губернатора А.П. Измайлова, подготовленном в 1714 г. по случаю назначения на должность алатырского коменданта, подчеркивалось, чтобы И.С. Радилов старался «всякие Его великого государя дела управлять и зборы окладные и неокладные збирать бездоимочно, и градцких и уездных людей росправными делами ведать»¹.

На смену комендантам и на помощь губернаторам пришли ландраты. «Первой попыткой систематической организации местного управления с учетом европейских образцов, – как указывают М.В. и И.В. Бабичи, – стало введение в 1713–1715 гг. института ландратов»². Н.П. Ерошкин делает вывод, что в последующем ландрат превратился в губернского административного чиновника, наследника воеводы-коменданта³.

Действительно, основные функциональные обязанности коменданта и ландрата мало чем отличались друг от друга, разве что территорией управления и выборной составляющей. В 1713–1715 гг. уезды, созданные еще во второй половине XVI–XVII вв. как основные фискально-территориальные единицы, подверглись изменению. В годы дефицита казны в первой четверти XVIII в. дробление их на более мелкие единицы должно было повысить собираемость налогов. 14 октября 1710 г. были введены так называемые доли, равнявшиеся 5536 тягловым дворам. В Казанской губернии их было 21⁴. В 1715 г., взяв их за основу и немного изменив принцип формирования, уезды полностью были преобразованы в доли⁵. Ими управляли ландраты.

Доли создавались путем разделения крупных уездов и присоединения к другим мелким. Например, по определению нижегородского вице-губернатора и князя С.И. Путятина с начала 1716 г. Курмышская доля должна была состоять из населения Курмышского и 1348 дворов жителей Алатырского уездов⁶. По данным же М.М. Богословского, Курмышская доля

---

¹ «От Петра губернии берем начало...»... С. 33.

² Областные правители России... С. 726.

³ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 97.

⁴ ПСЗ–1. Т. 4. № 2305. 14 октября 1710 г. С. 580.

⁵ Там же. Т. 5. № 2879. 28 января 1715 г. С. 138–140.

⁶ РГАДА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 40. Л. 18–18 об.

насчитывала 3431 двор. Она была образована из 2643 Курмышского и 878 дворов Алатырского уездов¹. По состоянию на 1719 г. в Нижегородской губернии было 19 доль².

Чебоксарской доля имела статус «провинции»³. В коллективной монографии «Очерки истории СССР» находим следующее объяснение возникновения ландратской провинции. Еще в 1712–1715 гг. провинции стали открывать как промежуточное звено между губернией и уездом и ими управляли обер-коменданты. После очередной реформы ландраты заменили комендантов, и сложилось два типа организации управления провинциями. Для первого типа было характерно подчинение одному главному ландрату остальных ландратов, приписанных к данной провинции. Они находились и управляли долями в провинциальном городе, а не на местах. Второй тип отличался тем, что ландраты располагались на вверенных территориях и подчинялись провинциальному – главному ландрату⁴. Исходя из этого, Чебоксарская ландратская провинция, скорее всего, относилась ко второму типу управления. В 1715–1717 гг. ею руководил ландрат и стольник Канбар Никитич Акинфов⁵. Об особом статусе ландрата (провинциального) по сравнению с другими говорит тот факт, что К.Н. Акинфов в конце 1717 г. был исполняющим обязанности казанского губернатора⁶.

Ландраты переняли от своих предшественников – комендантов – их служебные обязанности. В 1716 г. в Курмышской доле ландратом князем А. Болховским была проведена перепись населения⁷. В Цивильской доле ее осуществил чебоксарский ландрат К.Н. Акинфов⁸. Ландраты занимались

---

¹ Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. С. 98–99.

² РГАДА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

³ Там же. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 15, 57–57 об.

⁴ Очерки истории СССР... Т. 7. С. 323–325.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 170; РГАДА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 15, 64 об.; Ф. 16. Оп. 1. Д. 713. Л. 1; Захаров А.В. Государев двор Петра I... С. 311.

⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 713. Л. 1–5.

⁷ РГАДА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1311. Л. 2 об.

⁸ НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Димитриева. Т. 16. Л. 25–26 об.; РГАДА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об.

взиманием различных денежных сборов («рекруцкие деньги», «на Котлин остров для строения домов»). По ним отчитывались перед губернской властью, высылая различные ведомости, например, о приходе и расходе «лантрацких и камисарских денег»¹. В 1716 г. от ландрата Чебоксарской провинции К.Н. Акинфова требовали проводников с подводами для сопровождения беглых солдат до Москвы. Губернской администрацией ландраты Чебоксарской и Свияжской провинций были уведомлены, что с посадских людей будут набираться плотники для Адмиралтейства «к прибавочным корабельным и иным» работам, и они должны были следить за ходом выполнения наряда. Из другого указа узнаем, что чебоксарскому ландрату вменялись взимание канцелярских налогов («мельничный, конский, банный, медовый») и прием ясачного окладного хлеба². Как показал М.М. Богословский, у ландратов, помимо финансовых обязанностей, были полицейские, судебные, хозяйственные и иные функции³. Так, курмышские ландраты исполняли различные указы, присланные из Нижегородской губернской канцелярии «за рукою» губернатора, комиссаров и ландратов⁴.

Ландраты, как и губернаторы, были ответственны за своевременное исполнение нарядов и сборов, предназначенных для строительства Петербурга⁵. За несвоевременное исполнение указов местных должностных лиц привлекали к ответственности. В 1719 г., к примеру, Нижегородская канцелярия вынуждена была направить к курмышскому ландрату поручика Г. Беклемишева для завершения работы по составлению приходно-расходных книг за 1716–1719 гг. Ему разрешалось держать основных исполнителей «в канцелярии скованных за караулом»⁶. Поручиком и «правителем» Нижегородской

---

¹ РГАДА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1311. Л. 8, 12 об., 13 об., 14, 23; Ф. 627. Оп. 1. Д. 12. Л. 8 об.

² Там же. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–10 об., 15, 57–57 об.

³ Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. С. 103–113.

⁴ РГАДА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 71, 75, 113, 283.

⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 19 а. Л. 388.

⁶ РГАДА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 6. Л. 75.

губернии Ю.А. Ржевским курмышская администрация за несвоевременное исполнение обязанностей неоднократно была оштрафована от 10 до 150 руб.¹

Особое внимание властей на местах уделялось к винокуренным предприятиям, приносящим казне большие доходы. В феврале 1715 г. Нижегородская губернская канцелярия назначила С. Гирина надзирателем винокурен в Алатырском уезде. В указе подчеркивалось, что ему надлежит следить за тем, чтобы «на Алаторе и в уезде у таможенного збору быть... и в уезде кто станет курить вино и на винокурнях винной ситки излишняго куренья и в неповеленные места в отдаче не было». Исполняя контроль и надзор за винным промыслом, в марте – мае 1715 г. местные учреждения провели учет всех винокуренных заводов в Алатырском уезде. Сведения о винопромышленниках для Нижегородской губернской канцелярии были собраны комендантом И.С. Радилковым и дворянином И.Т. Мاستининым. Симбирской гостиной сотни И. Андреев (с. Никольское Ключищи тож), московские купцы Симоновы (под с. Кадышево, д. Погибелка), «москвитин Садовой слободы» И.Т. Щепочкин (с. Богоявленское Веденцы тож) и ясачный крестьянин дворовой Троицкой волости Ф. Осипов (под с. Троицкое) объявили о ценах и качестве покупаемого хлеба для винокурения, выплатах пошлин, мощностях и расположении заводов. Местные органы власти интересовались вопросами о производимых объемах и подрядных поставках вина в различные питейные дворы, а также об издержках и ценах на продаваемое вино².

В 1710-х гг. наряду с комендантами и ландратами существовали должности комиссаров, которые в общем занимались финансами³, но решали и другие вопросы. Комиссары находились как при губернских, так и уездных учреждениях. Так, в 1712 г. в Казанской губернии комиссарами являлись князь Ф. Борятинский и Н. Кормилицын. В их компетенцию входила, помимо других, обязанность организации поставок амуниции в Казанский губер-

¹ РГАДА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 6. Л. 75, 158–158 об., 283–283 об.

² Кочетков В.Д., Басманцев Д.В. Винокуренные предприятия Алатырского уезда Нижегородской губернии в первой половине XVIII в. // Марийский археографический вестник. 2015. № 25. С. 180, 184–190.

³ Очерки истории СССР... Т. 7. С. 323.

ский полк и выдача на эти цели денежных средств¹. С момента учреждения ландратства в 1715 г. комиссары появились и в долях. Они находились при ландратских канцеляриях «для управления всяких сборов и земских дел»². Так, в 1716 г. в Чебоксарскую земскую избу был доставлен указ от комиссара В. Перепечина о сборе с 70 дворов посадского населения по одному рекруту³.

Городские учреждения еще до создания губернской системы управления получили в определенной степени обособленность в структуре местной власти. Реформа 1699 г. вывела городское управление из ведения воевод, дав возможность функционировать самостоятельно. С 1708 г. губернская власть постепенно стала центральной фигурой местного управления. Как справедливо указывает В.Р. Тарловская, губернская реформа 1708–1710 гг. подчинила местной администрации земские органы и лишила московскую Ратушу значения центрального органа городского управления. Следствием реформы стал нацеленный правительственный курс «на создание «пристойного приказа» для «ведения» городов»⁴. Важно обратить внимание на то, что городские власти сохранили за собой все права после проведенной реформы 1699 г. Они, несмотря на некоторую опеку со стороны комендантов, ландратов, подчинялись непосредственно губернатору.

Через земские избы осуществлялось управление городами, которыми руководили бурмистры. Им помогали другие выборные лица – целовальники, ларечные и т.д. Главной их задачей было решение фискального вопроса. Например, в 1716 г. по указу Казанской губернской канцелярии Чебоксарская земская изба была обязана собирать и по третям года высылать налоги⁵. В мае 1717 г. Кокшайская таможня прислала властям Чебоксар пошлинные и кабацкие сборы для дальнейшей пересылки в Казанскую канцелярию⁶.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Кн. 161. Л. 20–21.

² ПСЗ–1. Т. 5. № 2879. 28 января 1715 г. С. 138–139; Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. С. 122.

³ РГАДА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2. Л. 67 об.

⁴ Тарловская В.Р. Из истории городской реформы в России конца XVII – начала XVIII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 110.

⁵ РГАДА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.

⁶ Там же. Д. 4. Л. 1 об.

Правительственные указы и приговоры губернаторов принуждали городское население активно участвовать в строительстве Петербурга. 30 ноября 1713 г. в сенатском указе, к примеру, говорилось об очередной мобилизации и высылке рабочих со всех губерний «к городским делам». Они должны были явиться со строительными инструментами¹. В строительстве Петербурга были востребованы кузнецы, плотники, каменщики, столяры и др.²

Городская администрация также организовывала выборы в рекруты, проводила полицейско-розыскные мероприятия, осуществляла суд и т.д. Так, в 1716 г. из посадского населения Чебоксар было определено трое рекрутов, которые были доставлены в Казань земским старостой С. Халтуриным. 29 февраля 1716 г. был допрошен беглый рекрут М. Бочкарев. В том же году чебоксарскими бурмистрами отмечалось, что «посадских людей судом и расправою лантратом ведать не велено, и ни в какие дела не вступать»³.

В 1710-х гг. на местном уровне были введены должности фискалов. По времени учреждение института фискалитета совпало, как писал Г.Н. Анпилов, с реорганизацией центральных и местных органов власти, последовавшей после учреждения в 1711 г. Сената⁴. Процесс формирования фискальной службы, проводившийся с начала 1712 г.⁵, в основном завершился к 1713 г.⁶

В 1713 г. П.П. Нечаев был «у дел» в Алатыре на должности фискала⁷. Он был в числе 129 городских фискалов, которые подчинялись 24 провинциал-фискалам, а они в свою очередь – обер-фискалу (позже генерал-прокурору) при Сенате⁸ (с 1718 г. при Юстиц-коллегии⁹). Все они были наде-

---

¹ ПСЗ–1. Т. 4. № 2744. 30 ноября 1713 г. С. 72.

² Доклады и приговоры... Т. 2. Кн. 2. С. 217, 456; Салмин А.К. Указ. соч. С. 60; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 24. Л. 91, 102; Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6461. Л. 233.

³ РГАДА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, 53, 67 об.–68.

⁴ Анпилов Г.Н. Указ. соч. С. 63.

⁵ Там же. С. 66.

⁶ Серов Д.О. Указ. соч. С. 56.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Д. 306. Л. 21.

⁸ Серов Д.О. Указ. соч. С. 56.

⁹ Анпилов Г.Н. Указ. соч. С. 66.

лены широкими надзорными функциями¹, и контролировали губернские и иные местные органы управления.

Таким образом, в 1708–1718 гг. в ходе петровских преобразований на территории Чувашии, как по всей стране, произошли крупные административно-территориальные изменения. В процессе областных реформ 1699–1710 гг. воеводское управление, ставшее общероссийской формой местного управления в XVII столетии, было ликвидировано. В 1708 г. были учреждены губернии, объединявшие несколько уездных образований. Чувашские земли оказались в пределах Казанской и Нижегородской (1714 г.) губерний. Их возглавили губернаторы, являвшиеся центральной фигурой в местной (уездной) системе вертикали власти, представленной в лице комендантов, комиссаров, ландратов и городских выборных людей.

Функциональные обязанности губернаторов генетически были связаны с воеводскими полномочиями. Губернские и уездные учреждения организовывали и осуществляли сбор налогов, набор рекрутов и работников, контролировали несение ясачными крестьянами и горожанами различных повинностей, нацеленных на общегосударственные и военные нужды, строительство городов, крепостей и новой столицы. Строгое подчинение городских и уездных органов управления к губернской власти сделали местную систему управления более стройной, направленной в первую очередь на извлечение из губерний материальных и людских ресурсов. С возрастанием административной роли местных учреждений и их большой ролью в фискально-финансовой деятельности был организован фискалитет, контролировавший губернскую и уездную власть. Введение института губернаторства и ликвидация воеводского управления, новая организация местных учреждений стали новой вехой в развитии и становлении областного управления.

---

¹ См.: Анпилогов Г.Н. Указ. соч. С. 63–80; Серов. Д.О. Указ. соч. С. 54–81.

1.2. Учреждение провинций и функционирование органов воеводского управления в 1719–1727 гг.

В 1719 г. были учреждены должности воевод. Они управляли провинциями. В 1719 г. в России насчитывалось 45 провинций, позже – 50¹.

Территория Чувашии оказалась в Свияжской, Симбирской и Алатырской провинциях соответственно Казанской, Астраханской и Нижегородской губерний². В 1719–1722 гг. провинция с центром в Симбирске находился в ведении астраханского губернатора, а с февраля 1722 г. был переведен в Казанскую губернию³. По данным И.К. Кирилова Симбирская провинция находилась в составе Астраханской губернии вплоть до 1727 г.⁴

Из законодательных актов 1719–1720 гг. видно стремление правительства ввести специализированную систему управления. Для этого создавались условия перехода к более разветвленной сети учреждений. По ним воеводские и другие органы управления зависели от Сената и коллегий, к тому же они функционировали параллельно с губернскими учреждениями⁵.

Провинциальные воеводы, в отличие от прежних воевод XVII в., исполняли свои функции по единому наказу. В Наказе 1719 г. прослеживаются основные направления деятельности воевод и изменения, произошедшие в системе местных органов власти. Им руководствовались не только воеводы, но губернаторы и другие должностные лица местного управления. В инструкции дано следующее примечание: «В последствии, по определению Сената, велено было послать к губернаторам, воеводам и обер-комендантам копии с Воеводской Инструкции для управления по оной»⁶. «Воеводская инструкция» 1719 г. легла также в основу «Инструкции полковнику и астрахан-

¹ Очерки истории СССР... Т. 7. С. 326.

² ПСЗ–1. Т. 5. № 3380. 29 мая 1719 г. С. 709–710.

³ Областные правители России... С. 727, 787.

⁴ Кирилов И.К. Указ. соч. С. 236–238, 331–333.

⁵ ПСЗ–1. Т. 5. №№ 3294–3296. Января и 7 января 1719 г. С. 624–647; Т. 6. №. 3577. 4 мая 1720 г. С. 189–191; №. 3847. 10 ноября 1721 г. С. 452–453 и др.

⁶ Там же. Т. 5. № 3294. Января 1719 г. С. 624.

скому губернатору Волынскому об управлении вверенной ему губернии», составленной 19 июля 1720 г.¹ Изучив ее содержание, следует признать, что процесс оформления единого общероссийского наказа еще не завершился. Начиная с 50-го пункта, в инструкцию были внесены 29 дополнительных положений «ис прежних воевоцких наказов»². Поэтому, губернатор, получивший дополнительные прерогативы, проводил свою политику на вверенной ему территории. Исследователь Д.А. Ананьев отмечает, что «помимо общей печатной инструкции в распоряжении сибирских воевод были «наказы», выдававшиеся из Тобольской губернской канцелярии»³.

До издания в 1728 г. Наказа губернаторам и воеводам Инструкция 1719 г. оставалась для губернаторов и воевод основным законом, регламентирующим управление на местах. Они были наделены широкими административно-полицейскими, хозяйственными функциями, осуществляли надзор над деятельностью земских судей, комиссаров, городских властей.

Губернаторы и воеводы, присягая, брали на себя всю полноту власти и ответственность за соблюдение законов и интересов царской власти и государства, исполнение возложенных на них круг полномочий (п. 1). К числу первых были отнесены пункты инструкции, требовавшие от областных правителей бороться со шпионами, содержать города и крепости, находящихся в управляемой провинции, а в случае нападения, отразить неприятеля совместными усилиями военных и соседних воевод (пп. 2–3, 7, 10). Местные власти должны были печься о подданных, следить, чтобы они не отпали от православия (п. 4).

Отдельные пункты были связаны с размещением в провинциях войск, обустройством дорог, проведением переписи душ мужского пола (пп. 8, 15, 35, 45). В пунктах 16, 19–21 говорилось о слежении за мерами и весами, пресечении фальшивомонетничества, борьбе с «гулящими людьми» и просящими милостыню.

---

¹ ПСЗ–1. Т. 5. № 3622. Июля 1720 г. С. 223–229; РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 9. Л. 1–34 об.

² РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 9. Л. 22–34.

³ Ананьев Д.А. Указ. соч. С. 107–108.

В большинстве своем губернаторы и провинциальные воеводы были облечены надзорными функциями. Это объясняется тем, что наряду с воеводами в провинциях были введены новые должности и учреждения, подчинявшиеся различным коллегиям. Так, камерир, или надзиратель земских сборов, возглавлявший Контору камерирских дел, назначался Камер-коллегией. По утверждению Штатс-контор-коллегии определялся рентмейстер (казначей). Н.П. Ерошкин писал, что в каждой провинции существовали: контора рекрутских дел – учреждение, заведовавшее рекрутскими наборами; канцелярия вальдмейстерских дел, управляющая казенными, главным образом корабельными, лесами; провинатмейстерская контора; провинциальные и городские фискалы; канцелярия розыскных дел; канцелярия свидетельства душ и другие учреждения, должностные лица различных коллегий¹.

В инструкции содержались положения, позволявшие принять меры по отношению к чиновникам финансово-фискальных и иных структур. Например, без скрепления подписи провинциального воеводы камериры не могли выдавать приходные книги уездным земским комиссарам, собиравшим налоги в дистриктах (уездах) (п. 23). Воеводе вменялось перепроверять приходные книги, поступившие ему от казначеев, наблюдать за своевременным составлением ведомостей и отправкой их надзирателям, чтобы последние в свою очередь вовремя отсылали отчетную документацию в центральные учреждения (пп. 25, 26). При этом ему были подконтрольны земские комиссары (пп. 27–31), и они совместно должны были не допускать разорения населения, а в случае недоимок, выяснить их причины. Для этих целей в инструкции говорилось: «обыскивать и свидетельствовать... от чего оная пуста явилась» (пп. 31–32). В интересах казны контролировались управляющие казенными заводами и дворами, «ратушские чины» (пп. 9, 18, 22).

Губернаторам и воеводам давалось право смотреть за состоянием магазинов с хлебом, следить за охраной полезных ископаемых, дубового леса,

---

¹ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 98.

звероловства (пп. 37–39). Они обязаны были подсчитывать убытки, понесенные населением «от маршей и проходов войск» (п. 36).

Губернаторы и воеводы наблюдали за судебными органами, находившимися в подчинении Юстиц-коллегии. Они были учреждены в 1719 г. В октябрьском указе Нижегородской канцелярии, присланном в Курмыш поручику Ф.С. Аракчееву и комиссару Г. Спешневу, говорилось об открытии нижних и надворных судов¹. Во исполнение 5-го и 6-го пунктов инструкции, губернаторы и воеводы контролировали деятельность судей.

До 1720 г. действовали Канцелярии земских дел, рассматривавшие различные иски крестьян. В декабре 1719 г. в Симбирскую земских дел канцелярию бил челом чуваш Т. Пикмурзин из д. Норваш-Шигали Симбирского уезда о взыскании денег 2 руб. 2 января 1720 г. дело было прекращено в связи с тем, что стороны «поговоря меж себя... помирились»². 12 марта 1722 г. вышел указ о наделении провинциальных воевод и ассессоров правом суда «до 10 и до 20 рублей»³. Вскоре в некоторых городах воеводы с судебными комиссарами должны были разбирать иски до 50 руб.⁴

Принятые в 1719 г. нормативно-правовые акты изменили губернскую систему управления. В 1719–1720 гг. ландраты и комиссары были ликвидированы. Однако кое-где они еще продолжали действовать. Видимо, провинциальная администрация еще не до конца была сформирована, поэтому решение текущих дел в большей степени ложилось на штат губернского центра. Показательна в этом вопросе деятельность управленцев Курмыша и провинциального города Алатыря. Так, по сохранившимся документам, Курмышская ландратская канцелярия лишь в январе 1720 г. стала получать указы из Алатырской провинциальной канцелярии за подписью воеводы и князя М.Б. Мещерского⁵. К этому времени в Курмыше ландратом являлся поручик Ф.С. Аракчеев. Комиссарскую должность справлял Г. Спешнев, который в

¹ РГАДА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

² Там же. Ф. 991. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–4.

³ ПСЗ–1. Т. 6. № 3917. 12 марта 1722 г. С. 515.

⁴ Там же. № 3935. 4 апреля 1722 г. С. 524–525.

⁵ РГАДА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1311. Л. 111.

1720-х гг. работал земским комиссаром под управлением Алатырской земской конторы¹.

Огромным фискально-финансовым блоком ведала камерирская контора, которая, как и рентерея, была подконтрольна провинциальному воеводе. Воеводе отводились функции скрепления своей подписью финансовых документов², слежения за ходом сборов и требования исполнения указов центральных учреждений. Так, в июле-августе 1720 г. алатырский воевода просил курмышского земского комиссара Г. Спешнева собрать с доли различные налоги и прислать в провинциальный центр³. Фискальные учреждения, чтобы не попасть под штрафные санкции со стороны воеводы или губернатора, активно работали по исполнению плановых заданий. К примеру, в ноябре 1724 г. Алатырская земская контора послала комиссару I дистрикта Алатырской провинции П. Брюхову указ. В нем говорилось, что воеводе Л.Г. Исупову и камериру И.А. Болховскому дано поручение в сжатые сроки выслать денежную казну в Петербург⁴. В 1726 г. Свияжская камерирская контора напомнила Чебоксарской ратуше о том, что следует положенные «таможенные и канцелярские зборы збирать... радением и присылать... в рентереи», поставив ее в известность⁵.

До 1727 г. в камерирских конторах состояли писари и копиисты. На территории Чувашии в штате насчитывалось 15 чел. (см. табл. 1). В каждой конторе было по одному писарю и четыре копииста.

С 1719 по 1727 г. реформировалась налоговая система. Исследователь Е.В. Анисимов справедливо подчеркивает, что наряду с проведением податной реформы осуществлялся «цикл реформ государственного аппарата (образование коллегий, новой системы местного управления, разработка основных регламентов и инструкций). Создание центральных финансовых учреждений (Камер-, Штатс-, Контор-, Ревизион-коллегий) преследовало цель

¹ РГАДА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1311. Л. 80, 259; Д. 40. Л. 1, 13, 134, 280, 352.

² РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 24. Л. 61.

³ РГАДА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1311. Л. 124, 126.

⁴ Там же. Ф. 916. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2.

⁵ Там же. Ф. 796. Оп. 1. Д. 10. Л. 9–10.

унификации, централизации государственных доходов, проведения в порядок запутанной и архаичной системы финансов, что было бы невозможно осуществить без унификации системы налогообложения – основы финансов»¹.

Таблица 1.1

**Численность писарей и копиистов в камерирских конторах
Алатыря, Свияжска и Симбирска в 1726 г.²**

Города	Писари	Копиисты	Итого
Алатырь	1	4	5
Свияжск	1	4	5
Симбирск	1	4	5
Всего	3	12	15

До известных преобразований 1724 г. ясачные крестьяне Чувашии выплачивали казне ясак и несли различные натуральные повинности. Чувашские крестьяне ежегодно за один ясак отдавали деньгами около 6–8 руб., ржаной муки или ржи по осьмине, овса по чети или четверти³. К примеру, в ноябре 1722 г. крестьяне д. Климово Князь-Аклычевой сотни Свияжской провинции сообщали, что в течение года они собирали денег «по семи рублев по десяти алтын по четыре деньги, хлеба муки ржаной по две четверти, ржи по осмине, овса по четверти»⁴. В 1723 г. чувашаи д. Искеево Тугаевской волости Цивильского уезда сообщали, что они с 1707 г. с ясака платят денег по 6 руб. по 25 алтын, «ржаной муки по две четверти да и по осмине, овса по четверти»⁵. С 1710 по 1723 гг. в Курмышском уезде налог брали с 1521 двора (с 1375 ясаков), итог окладных и оброчных сборов с ясачных крестьян в год со-

¹ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. С. 35.

² Подсчитано по: Кирилов И.К. Указ. соч. С. 211, 220, 236.

³ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 172.

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2972. Л. 362.

⁵ Там же. Д. 4014. Л. 200.

ставил 6778 руб. 24 алтына 5 деньги¹. Русские и мордовские дворцовые крестьяне Алатырского уезда ежегодно выплачивали около 7060 руб.²

До конца 1723 г. посадские люди, например, Ядрина и Курмыша (по переписи 1710 г.), с одного двора платили следующие табельные (т.е. основные, постоянные) сборы: так называемые Военного приказу десятинные деньги, четвертичные стрелецкие, оброчные, на дачу армейским извозчикам. Церковно-монастырские и «помещичье-вотчинные» крестьяне, кроме сборов «Военного приказу десятинные деньги» и «на дачу армейским извозчиком», пополняли казну такими статьями налогов, как «в военной полуполтинных», «за лес низовых отпусков», «ямских и полонных», «Адмиралтейского приказу корабельных по 4 алтына 1 деньги», «по ведомости Дворцовой канцелярии на покупку конских комор по 5 алтын», «присланных из Монастырского приказу по окладу оброчных»³. Другую категорию налогов составляли «сверх табеля повсягодные» (т.е. дополнительные, где статьи и нормы ежегодно корректировались). Эта категория, преимущественно распространявшаяся на все население Чувашии, включала в себя «на наем подвод под артиллерийские припасы с десятыи деньги», «московского набору рекрутом с окладу десятыи деньги», «Хоненева полку на жалованье драгунам по 9 алтын по 4 деньги»⁴. Для Канцелярии городских дел, ведавшей строительством Санкт-Петербурга, на изготовление извести с одного ясака или двора взимались по 2,5 деньги, на кирпич и на покупку припасов – 2 алтына, «вместо иноверных санкт-петербургских работников» – 1 руб. 13 алтын 2 деньги, на армейские полки для дачи драгунам и солдатам на «мясоедные дни» – по 6 деньги⁵. Третья группа налоговых статей называлась «запросные по указам временные, а не повсягодные» (т.е. представляла собой разновидность вто-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 131. Л. 1122 об.

² Видяйкин С.В. Народ и власть: налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII – начале XVIII в. Саранск, 2011. С. 116.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 131. Л. 1119, 1120–1120 об., 1121 об., 1127, 1129.

⁴ Там же. Л. 1119–1119 об., 1120 об. – 1123, 1127 об., 1129 об. – 1130.

⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 24. Л. 136–17, 66–69; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 131. Л. 1119 об. – 1123, 1128, 1129 об. – 1130, 1131–1131 об.

рой категории налоговых сборов, отличавшаяся только тем, что их должны были собирать согласно указам и только в текущем году, хотя на практике она продолжала жить как «сверх табеля» в остальные годы). К этой группе относились налоги на кормовые для трехмесячных работников по 7 алтын, на провиант и фураж по 30 алтын, на отправку корабельных лесов по 11 алтын 4 деньги¹. Собранные с этих статей суммы направлялись в Санкт-Петербург. Заметим, что приведенные налоги ложились тяжелым бременем не только на городское население Чувашии, но и Марийского края² и всего региона Среднего Поволжья в целом.

Местные органы управления, ссылаясь на требования Инструкции 1719 г., осуществляли сборы по вышеуказанным статьям доходов. В октябрьском донесении 1722 г. сказано, что за 1721 г. собрано «на Алаторе в земской конторе и прислано в Алаторской провинции от камиссарств» для Канцелярии городских дел (в Санкт-Петербург) 269 руб. 33 алтына треть одной деньги, а в текущем году – 695 руб. 17 алтын 5 деньги. Документ был подписан провинциальным воеводой и подполковником Л.Г. Исуповым, комиссаром И. Болховским и земским писарем В. Протопоповым³. Аналогичная отчетная документация была составлена в Свияжске, где за январскую треть 1722 г. сумма равнялась 4253 руб. 21 коп. Она была собрана «з городов с купечество з десятой деньги с рубля, а с крестьянства з дворов, а с ясачников с одних русских с ясаков вновь положенных по 9 алтын по полу четвертей деньги, а с ясачников же иноверцов прежних положенных по табелю на известное зжение и за кирпич и вместо Санкт-Петербургских работников»⁴.

Уездные земские комиссары осуществляли сборы налогов на вверенной им территории. П.Н. Милюков отмечает, что в их распоряжении были выборные «из уездных обывателей» счетчики денежной казны, караульщики и рассыльщики, а также выступавшие в роли помощников и заместителей

---

¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 131. Л. 1128 об.–1129, 1130–1130 об., 1131 об.

² Иванов А.Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. С. 289–290.

³ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 24. Л. 61.

⁴ Там же. Л. 13 б.

подчиненные нижних комиссаров¹. В дополнение Инструкции 1719 г. вышел ряд нормативно-правовых актов, регулировавших налоговые сборы. С июля 1722 г. чувашаи наряду с другими «иноверцами», проживавшими на территории Чувашии и несшими корабельную повинность, были включены «в подушную перепись»². На ясачных крестьян Казанской и Нижегородской губерний сверх подушного оклада был положен сбор с каждой души мужского пола по четыре гривны³. С них же наравне с посадскими людьми должны были «собрать того четырехгривенного сбору на... [1]724 году две трети по 26 копеек с души»⁴. По Плакату 1724 г. указанные суммы собирались «комиссарами от земли» по третям года⁵.

В книге 1720 г., составленной для сбора оброчных статей по Чебоксарскому уезду и «за скрепою камиссара Наума Баракова», с государственных чувашских крестьян д. Первые Хормалы собирался налог за мельницу 2 руб. 93 $\frac{3}{4}$ коп.⁶ В указе Алатырской провинциальной канцелярии того же года говорилось, что курмышским властям следует произвести сбор денег с Курмышской доли на жалованье ландратам и комиссарам⁷. К октябрю 1722 г. земские комиссары в Чебоксарах и Цивильске с уездами сумели собрать и пополнить казну на 890 руб. 9 коп. с полу одной деньгой и 535 руб. 21 коп. соответственно⁸. Как выше было отмечено, земские комиссары и его аппарат управления находились под контролем провинциального воеводы и камерира, и собранные деньги с приходной документацией отсылались к казначеям.

Все делопроизводство ложилось на плечи канцелярских служителей. Например, в 1721 г. подьячий И.Н. Тарбеев по указу Свияжской земской конторы был определен «в Чебоксарех х камисарству для збору канцелярских

¹ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 465–466; Областные правители России... С. 728.

² ПСЗ–1. Т. 6. № 4065. 31 июля 1722 г. С. 754.

³ Там же. Т. 7. № 4332. 23 октября 1723 г. С. 137.

⁴ Там же. № 4390. 10 декабря 1723 г. С. 186.

⁵ Там же. № 4533. 26 июня 1724 г. С. 316.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 13. Л. 75 об.–76.

⁷ РГАДА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1311. Л. 124.

⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 24. Л. 66 об.–67.

доходов» и находился при земском комиссаре до 1725 г.¹ Все фискально-финансовые документы проходили через руки земских писарей камерирских (земских) контор. Д.А. Ананьев указывает, что городские воеводы и камериры были подотчетны камерирским конторам². Поэтому неудивительно, что земские писари не только были в курсе всех дел, но и в случае отсутствия воеводы и камерира могли скреплять своей подписью посылаемые в центральные учреждения документы. Так, в донесении по Алатырской провинции за 1722 г. видно, что земский писарь Алатырской земской конторы Василий Протопопов, отправляя налоговые поступления в центр, писал: «А сие доношение не за руками воевоцкою и камерирскую, понеж [воевода и камерир находятся] во отлучении в Москве»³. Таким образом, в решении финансовых вопросов на земского писаря возлагалась большая ответственность.

Какова была роль провинциального воеводы в фискально-финансовых делах города? Как известно, в 1699 г. в ходе городской реформы из ведения воевод были изъяты практически все права на властвование городом. За воеводами осталась лишь городская инфраструктура. В.Р. Тарловская пишет, что в 1721 г. «с образованием Главного магистрата земские избы в городах, подчинявшихся воеводам, перешли в его ведение, а в 1723–1724 гг. были реорганизованы в магистраты в крупных городах и ратуши – в мелких»⁴. О полном подчинении городских властей воеводам отмечал и М.М. Богословский. По его мнению, воеводы являлись агентами правительства, ответственными «за податную исправность» и выступавшими посредниками в сношениях центральной власти с городом⁵. Таким образом, в 1719–1721 гг. «ратушские чины», собиравшие различные сборы, были подотчетны воеводам. Скорее всего, эта функция воевод сохранилась и после 1721 г., так как за короткий срок нельзя было быстро переориентировать систему местного управления, а когда ратуши начали функционировать в составе Главного-

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 170–170 об.

² Ананьев Д.А. Указ. соч. С. 109.

³ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 24. Л. 12 об.

⁴ Тарловская В.Р. Указ. соч. С. 112.

⁵ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого... С. 115–116.

го магистрата, то нагрянула новая волна областных реформ, и в 1726–1727 гг. воеводы снова взяли под свою опеку городских учреждений. Следует добавить, что городские выборные люди так и не стали независимыми и самостоятельными, они постоянно испытывали притеснения и злоупотребления со стороны воеводской власти и центрального аппарата управления¹.

Н.В. Козлова, анализируя городскую реформу 1720-х гг., пришла к выводу о том, что еще при создании проекта регламента Главного магистрата правительство преследовало по отношению к посаду фискальный интерес, который выражался в стремлении к бездоимочным платежам посадского населения².

Сборы, производившиеся городскими выборными органами, учитывались отдельно («по ратушской ведомости»). Например, в Ядрине с 1710 г. собирались следующие окладные и неокладные сборы: таможенные, кабацкие, конские, с мельниц, бань, рыбных ловель, «ыноверных свадеб». Преимущественно каждая статья имела ряд подстатей. Так, фискальная статья, называвшаяся «конской», складывалась из пошлин, с перевозов, клейменных хомутов, «найма подвод с десятой доли», водопойных, подымных³.

В 1724–1727 гг., когда укоренялась система подушного сбора, произошли изменения в фискально-финансовом управлении. С учреждением Главного магистрата (1721 г.), штабных дворов и «комиссаров от земли» (1724–1725 гг.) провинциальная администрация в лице воевод немного утратила свои позиции, но в целом сохранила за собой часть прежних прерогатив. М.М. Богословский, анализируя преобразования 1724–1727 гг., отмечает, что введенные в 1724 г. «комиссары от земли» подчинялись напрямую Камер-коллегии, и поэтому «воеводская канцелярия становится... только передаточным пунктом, перестав быть инстанцией»⁴. Однако комиссары стали функционировать лишь в 1725 г. Их исключительные функции по сбору по-

---

¹ Козлова Н.В. Указ. соч. С. 235–238.

² Там же. С. 115.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 131. Л. 1131 об.–1134.

⁴ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого... С. 434.

душных денег временно выполняли уездные земские комиссары. По Инструкции 1724 г. выборные «комиссары от земли» (по Инструкции 1724 г. одноименные земские комиссары¹. – Д.Б.) были отнесены к ведомству штабного двора. При этом прежние уездные земские комиссары не были ликвидированы. Они, как и прежде, остались «в распоряжении воеводских канцелярий и камерирских контор»² и занимались взиманием косвенных налогов и недоимок с прямых сборов³. Следует отметить, что сентябрьский сенатский указ 1724 г. возложил на магистраты или бурмистров сбор налогов с купечества и разночинцев⁴. Таким образом, с введением подушины фискально-финансовое управление на местах усложнилось. Оно было разделено между воеводской администрацией и штабными дворами с одной стороны, между ними и городскими учреждениями – с другой.

Военные дела провинциальные воеводы решали совместно с губернской властью. Например, в 1719 г. Нижегородская канцелярия безотлагательно требовала от Курмышского присутствия исполнения указа по поводу рекрутских наборов. Для этой цели был выслан нарочный солдат Т. Хренов⁵.

Регулирование воеводскими органами власти правовых отношений в обществе проводилось через правоохранительную деятельность института нотариата (крепостных контор). Принцип жесткой централизации в ходе реформ 1719 г., должен был способствовать рациональному функционированию властных структур, в том числе отразиться на деятельности нотариальных учреждений⁶. По указу 1719 г. утверждение закладных, купчих, выводных, оформление подрядов и других крепостей должны были проходить в крепостных конторах, открытых при надворных судах. Все они находились в

¹ ПСЗ–1. Т. 7. № 4536. 26 июня 1724 г. С. 327–330. См. также: Т. 7. № 4533. 26 июня 1724 г. С. 310–311.

² Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого... С. 440.

³ Там же; Очерки истории СССР... Т. 7. С. 330.

⁴ ПСЗ–1. Т. 7. № 4565. 16 сентября 1724 г. С. 346–347.

⁵ Там же. Ф. 887. Оп. 1. Д. 6. Л. 78–78 об.

⁶ Балакирева Л.М. Указ. соч. С. 202–218.

подчинении Юстиц-коллегии¹. По подсчетам Л.Ф. Писарьковой, к середине 1720-х гг. в России действовали свыше 230 крепостных контор².

На территории Чувашии в крепостных конторах было занято 18 чел. (см. табл. 2). 5 чел. из них являлось надсмотрщиками, остальные 13 чел. находились на должности писцов. Характерным было то, что в провинциальных городах, таких как Алатырь, Свияжск и Симбирск, крепостные конторы состояли из одного надсмотрщика и четырех писцов. В уездных центрах крепостные учреждения комплектовались из надсмотрщика и одного писца, а в Цивильске вовсе был только один надсмотрщик. В Курмыше и Ядрине, видимо, крепостные конторы не были открыты.

Таблица 1.2

**Штат крепостных контор Алатыря, Свияжска, Симбирска,
Чебоксар, Цивильска, Ядрина и Курмыш в 1726 г.³**

Города	Надсмотрщик	Писцы	Итого
Алатырь	1	4	5
Свияжск	1	4	5
Симбирск	1	4	5
Чебоксары	1	1	2
Цивильск	1	–	1
Ядрин	–	–	–
Курмыш	–	–	–
Всего	5	13	18

Фискалы, учрежденные в 1713–1714 гг., играли ключевую роль в надзорном деле. Вплоть до 1729 г. они активно взаимодействовали с местными органами управления⁴.

¹ ПСЗ–1. Т. 5. № 3436. 20 октября 1719 г. С. 748–743.

² Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 208.

³ Подсчитано по: Кирилов И.К. Указ. соч. С. 211–212, 220–221, 236.

⁴ Анпилогов Г.Н. Указ. соч. С. 80.

Штат фискалов был неодинаков. Так, в 1727 г. чебоксарским и козьмодемьянским фискалом являлся «из шляхетства» Мин Михайлов¹. В Курмыше и Ядрине городскими фискалами соответственно были назначены Лука Муравьев и Семен Вашутин (Ватутин)². В подчинении у алатырского провинциал-фискала Афанасия Юрлова были, кроме ядринского и курмышского фискалов, так называемые «подчиненные фискалы», выбранные из среды посадских людей и несшие фискальскую повинность, – А. Щеглов, Т. Проухин и А. Моркин. Позже их сменили А. Сквориков и К. Воронин. В Алатырской провинции фискальную должность также исполнял (не «подчиненный фискал») И. Кирилов³. В Симбирской провинции фискальскую службу несли И. Вдонков (Данков) и Г. Неклюдов⁴.

По статусу фискалы, с одной стороны, были независимыми органами управления, связанные с центральными учреждениями, с другой – находились в подчиненном положении у воевод и губернаторов, особенно после реформ 1726–1727 гг. Это подтверждается следующими материалами, говорящими о том, что все хозяйственно-организационные вопросы решались через провинциального воеводу. Курмышский воевода обратился в Алатырскую провинциальную канцелярию с тем, чтобы разрешили ему исполнить требования городского фискала об отдаче подьячего, солдат для рассылок, съезжего и постоянного дворов, выдаче бумаг, свеч и дров⁵. Алатырскому провинциал-фискалу пришлось просить воеводу, чтобы тот подписал «послушной указ в города Алатырской провинции к воеводам и бурмистрам для смотрения по фискальной должности»⁶. Переписка между провинциальной воеводой и провинциал-фискалом осуществлялась через «доношения», а не промемориями, как это было принято между равными учреждениями⁷. Что касается ран-

¹ Кирилов. И.К. Указ. соч. С. 221.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 205. Л. 127; Кирилов. И.К. Указ. соч. С. 212.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 205. Л. 205–206 об.

⁴ Кирилов И.К. Указ. соч. С. 236.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 205. Л. 206 об.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 205. Л. 98 об.

⁷ Там же. Л. 96, 98–103, 107–113, 123, 127, 204–206 об.

га по Табели, то фискалы могли иметь лишь XIV-й класс, когда как воевод возводили в VII–VIII чины¹. К тому же, губернаторы и воеводы могли определять на должности фискалов сами, без участия центральной власти.

Главная задача фискала – охрана интересов казны. В связи с этим под наблюдением фискалов оказались различные сферы деятельности местных учреждений. В первую очередь они проверяли счета, предоставлявшиеся приказными служителями и другими выборными людьми. К примеру, в 1727 г. провинциал-фискал А. Юрлов представил алатырскому воеводе доношение о ревизии приходных счетов подканцеляриста И. Абакумова. Им же инициировано расследование дела «о взыскании интереса 500 руб.», которое было еще при прежнем воеводе М.Б. Мещерском и камерире И. Сухове². Фискалы проверяли деятельность счетчиков А. и И. Панфиловых, бурмистров и др.³

Доход казне приносили винокуренные заводы и произведенная на них винная продукция, поставляемая в различные кабаки. Поэтому неудивительно, что по доносу провинциал-фискала А. Юрлова к допросу о заведении под д. Алтышевой винокуренного завода вызывался алатырец И. Спасский, преследовались владельцы Новотроицкого кабака, построившие его «без указа» вблизи д. Селоусь Курмышского уезда⁴. К сыску и допросам были объявлены приказчик винокуренного завода Симонова о незаклейменных 12 казанах. Привлекались также к ответу бывшие алатырские фискалы А. Щеглов, Т. Проухин и А. Моркин для выяснения обстоятельств конфискации в «мордовских деревнях» неучтенных кубов⁵.

В поле зрения фискалов были борьба с беглыми, незаконными рубками заповедного леса, контроль над исполнением служителями провинциальных и уездных канцелярий дел (решенных и нерешенных)⁶. Особое место занимали судебно-следственные дела, которые порой рассматривались при фиска-

¹ Шепелёв Л.Е. Указ. соч. С. 137–138.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 205. Л. 98, 205 об.

³ Там же. Л. 112 об., 205 об.–206 об.

⁴ Там же. Л. 102, 205.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 205. Л. 204–205 об., 206 об.

⁶ Там же. Л. 98 об., 127, 205 об., 206 об.

лах. Например, в 1729 г. провинциал-фискал А. Юрлов и курмышский воевода И. Лачинов проводили допросы Д.Ф. Хохлина и И.С. Балашина, которые объявили «государево слово и дело»¹.

Несмотря на широкие полномочия фискалов, их деятельность была сопряжена с зависимостью от местной администрации и ограниченностью в функциях по сравнению с воеводами и губернаторами. При этом трудно судить об эффективности деятельности фискальных учреждений на местах по борьбе с казнокрадством и соблюдением законности. В то же время следует признать, что в 1713–1729 гг. была апробирована совершенно новая система надзора и контроля над представителями местной власти. Она явилась прообразом института прокуратуры.

Таким образом, административные и территориальные преобразования 1719 г. произвели разукрупнение губерний и их разделение на несколько составных частей – провинций. С одной стороны, правительство осознала всю трудность управления большими территориальными образованиями с учетом многочисленных местных особенностей. Поэтому часть губернской власти была переложена на провинциальных воевод, на финансовые, военные, судебные и нотариальные органы власти. Итогом областной реформы 1719 г. стало создание разветвленной сети местных учреждений. С другой стороны, введение различных ведомств на провинциальном уровне ослабило роль губернаторов и ограничило его власть в губернии. Правительственная политика была направлена на укрепление отраслевого принципа управления государственным хозяйством и оказание помощи губернскому центру. В целом специализированные местные органы власти продолжали находиться в непосредственном ведении губернаторов и провинциальных воевод. Они осуществляли свою деятельность в рамках своей компетенции, поддерживая связь с центральными учреждениями. Однако в рассматриваемый период преобразования оказались лишь попыткой повысить эффективность функционирования местной системы учреждений и управления населением.

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 7 об.

1.3. Реформы системы местного управления и правовое регулирование деятельности воеводских учреждений в 1727–1781 гг.

Известные перемены в развитии областного управления произошли при Екатерине I и верховниках, завершившиеся отходом от специализированной модели местного управления¹. По реформе 1726–1727 гг. в уездах были учреждены воеводы, а с управленческой сцены провинции ушли судебные, фискально-финансовые учреждения и другие конторы. В губерниях стала функционировать двухуровневая воеводская система управления – провинциальная и уездная. Согласно Наказу 1728 г. провинциальные и уездные воеводы, как и губернаторы, были наделены широкими административными, финансовыми, судебными, военными, полицейскими и хозяйственными полномочиями². В аппарате воеводских учреждений состояли канцеляристы, подканцеляристы, копиисты. При канцеляриях были рассыльщики, сторожи. В конечном результате была сформирована трехзвенная вертикаль местного управления: губернатор – провинциальный воевода – уездный воевода.

В территориальном отношении ландратские доли были ликвидированы, произошло возвращение к поуездному управлению. В некоторое время уезды и дистрикты³ существовали параллельно, первые оставались неизменными вплоть до 1780–1781 гг.⁴ – до новой волны реформы местного устройства 1775 г. По реформе 1726–1727 гг. современная территория Чувашии охватывала части Казанской (полностью Чебоксарский и Цивильский, частично Козьмодемьянский и Свияжский уезды Свияжской провинции; частично Казанский уезд⁵; частично Симбирский уезд Симбирской провинции)

---

¹ См.: ПСЗ–1. Т. 7. № 4929. 15 июля 1726 г. С. 677–678; №№ 5017, 5033, 5053, 5056. 24 февраля, 15 и 31 марта, 6 апреля 1727 г. С. 744–750, 759–761, 774–778.

² ПСЗ–1. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 94–112.

³ РГАДА. Ф. 441. Оп. Д. 48. Л. 83.

⁴ Димитриев В.Д. Указ. соч. С. 40; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века... С. 157–158.

⁵ К Казанскому уезду относилось население, проживавшее в освоенных районах бывшего дикого поля. В 1763 г. на территории современной Чувашии их насчитывалось около трех тысяч душ мужского пола (См.: Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 492–493).

и Нижегородской (полностью Ядринский, частично Курмышский и Алатырский уезды Алатырской провинции) губерний (см. приложение 1). В свою очередь уезды состояли из волостей (станов) или сотен. Чебоксарский уезд территориально превосходил другие уезды и включал в 1747 г. 9 волостей: Шерданскую, Сугутскую, Ишаковскую, Кинярскую, Кувшинскую, Чемуршинскую, Туруновскую, Алгашинскую, Ишлеевскую. Остальные уезды на территории нынешней Чувашии делились от 3 до 7 волостей (станов)¹.

Чувашия имела сложный этнический и социальный состав населения, как и в соседних территориях Мордовии и Марийского края². Из таблицы 1.3 видно, что в период деятельности воеводских органов управления в уездах Чувашии более 80 % население были чувашами. Русскоязычное население составляло выше 15 %, а татар и мордвы – всего не более 3 %.

Таблица 1.3

**Национальный состав сельского населения
Чувашии в 1723–1763 гг.³**

Национальность	1723 г.		1763 г.	
	чел.	%	чел.	%
Мордва	1450	1,2	1700	1,3
Русские	18045	15,4	20887	15,8
Татары	2900	2,4	3580	2,7
Чуваши	94889	81,0	106008	80,2
Всего	117284	100	132175	100

¹ Дмитриев В.Д. Чувашские материнские селения Свяжского, Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского, Курмышского и Симбирского уездов первой половины XVIII века. Чебоксары, 2006. С. 4–6.

² См.: Заварюхин Н.В. Очерки по истории Мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993. С. 49–59; Иванов А.Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. С. 36–38.

³ Подсчитано по: Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 44.

В.Д. Дмитриев, проанализировав основные социальные группы податного населения, пришел к следующему выводу: «Особенностью социального состава Чувашии являлось абсолютное преобладание государственных крестьян, составлявших более 4/5 населения, тогда как владельческие крестьяне, включая и дворцовых, составляли около 16 %»¹. Согласно данным, приведенным в таблице 1.4, воеводские канцелярии в основном управляли государственными крестьянами. Остальные категории податного населения были представлены небольшими социальными группами помещичьих, церковно-монастырских и дворцовых крестьян. В отличие от великорусских уездов на территории Чувашии абсолютное большинство составляли крестьяне из чувашей, незначительное число – из русских, татар и мордвы².

Таблица 1.4

Социальный состав сельского населения

Чувашии в 1723–1763 гг.³

Социальные группы	1723 г.		1763 г.	
	чел.	%	чел.	%
Государственные крестьяне, бывшие «ясачные»	96003	81,9	107738	81,5
Государственные крестьяне, бывшие «служилые»	2800	2,4	3250	2,5
Помещичьи дворовые люди и крестьяне	8600	7,3	12145	9,2
Церковно-монастырские крестьяне	6614	5,6	7392	5,6
Дворцовые крестьяне	3267	2,8	1650	1,2
Всего	117284	100	132175	100

¹ Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 48.

² Там же. С. 44, 492–493.

³ Подсчитано по: Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 44.

В религиозном отношении русские и часть нерусского населения являлись христианами. В соседстве с ними проживали татары-мусульмане и язычники. По заключению казанского историка А.И. Ногманова, для российского правительства религиозная проблема в Казанском крае всегда стояла остро: «Этническая и конфессиональная неоднородность населения Среднего Поволжья и Приуралья рассматривалась правительством как потенциальная опасность для русского господства. Поэтому христианизация и русификация коренных народов края на многие десятилетия стали основой проводимого здесь политического курса, определяя характер большинства процессов, протекавших на данной территории, и наложив отпечаток на значительное число законодательных документов эпохи»¹.

В середине XVIII в. чувашаи, большинство своем язычники, и другие нерусские народы были подвергнуты массовой христианизации. С этого времени основная их часть считалась принявшей православное исповедание, хотя это было формальным явлением. Чувашаи в XVIII и XIX вв. продолжали сохранять традиционные верования и обряды. При этом в период активной христианизаторской политики многие чувашаи отатарились². Чтобы избежать христианизации тысячи чувашей переселились в Уфимский, Оренбургский, Ставропольский, Самарский, Саратовский и другие уезды³. В целом воеводским органам управления приходилось учитывать сложный этнический, социальный и религиозный состав населения на территории Чувашии.

Определенную сложность для местного управления представляли раскинувшиеся внутри уездов населенные пункты близлежащих уездов. Они образовывали своеобразные «островки», создавая чересполосицу⁴ (см. рис. 1). История их возникновения связана с заселением и колонизационной полити-

---

¹ Ногманов А.И. Самодержавие и татары... С. 177.

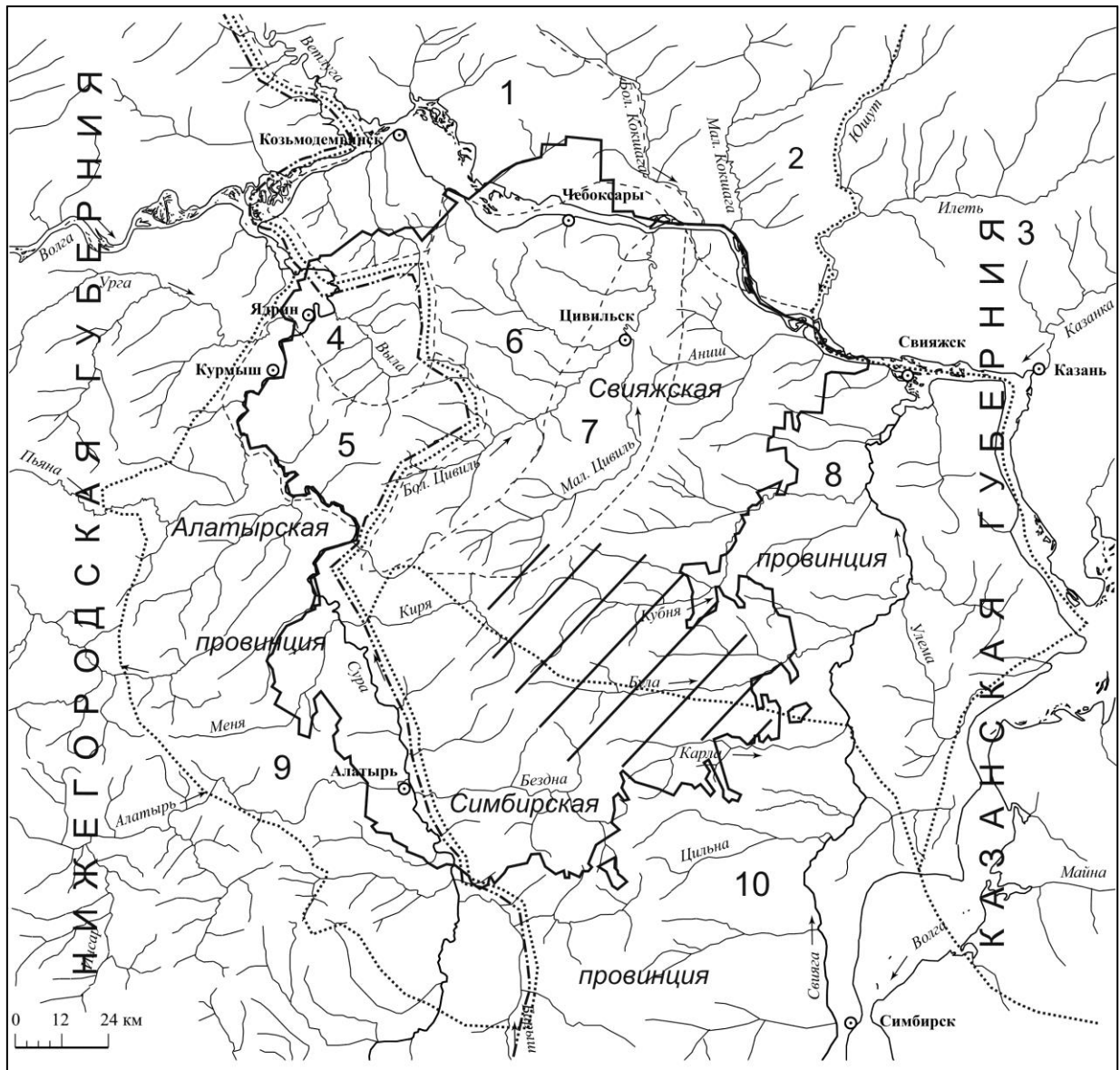
² Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005. С. 184–190; Ногманов А.И. Самодержавие и татары. С. 114–115.

³ Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 46; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия)... С. 165–182.

⁴ Подробнее об этом см.: Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 41.

кой Дикого поля, которая охватывала почти половину территории Чувашии, в особенности южные районы.

Рисунок 1. Карта-схема административно-территориального устройства на территории Чувашии в 1719–1781 гг.

- — — — — - современные административные границы Чувашской Республики
- · - · - · - границы губерний
- · · · · - границы провинций
- - - - - - границы уездов

Уезды: 1 - Козьмодемьянский, 2 - Кокшайский, 3 - Казанский, 4 - Ядринский, 5 - Курмышский, 6 - Чебоксарский, 7 - Цивильский, 8 - Свияжский, 9 - Алатырский, 10 - Симбирский

- //// - зона населенных пунктов смешанного административного подчинения

Сложившуюся картину достаточно четко иллюстрирует административная принадлежность в первой половине XVIII столетия населенных пунктов, например, современного Ибресинского района Чувашской Республики. Деревни Первые Хормалы (с. Хормалы) и Яндова что на реке Хоме (д. Хом-Яндоба) соответственно относились к Шерданской и Ишаковской волостям Чебоксарского уезда. В Свияжский уезд разных волостей и сотен входили деревни Айбечи и Андреево Камыева Поле (д. Андреевка), Климово, Кляшево, Чурашево (с. Новое Чурашево). Рядом с землями д. Климово начиналась территория д. Тойси Паразуси Казанского уезда. К Казанскому уезду также относились деревни Тойси (д. Кошмас-Тойси) и Кубня. С ними соседствовали деревни Хомпоси Кукшум (д. Кукшум), Хомпоси (с. Хомбось-Батырево) и Кошлауш Симбирского уезда¹.

Составными частями уездных административно-территориальных единиц выступали сотни, пятидесятни и десятни, получившие названия от количества управляемых дворов и душ. Соответственно выбранные из среды общины сотники, пятидесятники и десятники, а также старосты, составляли низшее управленческое звено местной власти. Они являлись неотъемлемой частью как при коменданской и ландратской, так и воеводской администрациях².

В 60-е гг. XVIII в. правительством был принят ряд нововведений, связанных с административными и территориальными изменениями. В 1763 г. в штат уездных воеводских учреждений был включен помощник или, иначе, заместитель воеводы («товарищ воеводы»)³. В 1764 г. воеводы в некоторых

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 648–649; Оп. 3. Д. 1. Л. 1–3; Димитриев В.Д. Чувашские материнские селения... С. 18, 19, 25, 28–29, 44, 50, 52, 53.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2972. Л. 362, 364, 368, 369; Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 89; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 16 об.; Ф. 2. Оп. 2. Д. 41. Л. 12, 44; Д. 53. Л. 99 об.

³ Должность товарищ воеводы («воеводской товарищ») введена по Штатам 1763 г. (ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отдел 4. № 11991. 15 декабря 1763 г. Таблица VIII. С. 69). В провинциальных воеводских канцеляриях товарищи воевод появились еще до Штатов 1763 г. Например, в Алатыре в 1753 г. воеводским товарищем являлся И. Репин (ГА УО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 4. Л. 1).

городах были заменены комиссарами¹. Такое же укрупнение затронуло Казанскую и Нижегородскую губернии. По этому поводу в 1767 г. в отчете казанского губернатора сообщалось, что в Свияжской провинции имеются города «уничтоженные»: Царевосанчурск, Кокшайск и Василь (Васильсурск)². По указу 1764 г. управленческий персонал названных городов был подчинен воеводской администрации Яранска и Царевококшайска. По указу казанского губернатора А.Н. Квашнина-Самарина при слиянии уездов к Чебоксарской воеводской канцелярии было приписано 59 душ³. Уездный город Ядрин Алатырской провинции Нижегородской губернии был подчинен близлежащему городу Курмышу⁴.

В правовых актах, изданных верховной властью в 1727–1781 гг., отразились административные и юридические основы организации и функционирования провинциальных и уездных воеводских органов управления.

Законодательством регламентировались общие организационные вопросы, связанные со вступлением воевод на должность и налаживанием ими деятельности всей системы управления. В руки воеводы на время несения службы передавались «город, и городовые ключи и уложения и регламенты и всякие указы и дела... служилых людей списки, артиллерию, амуницию со всякими к ней принадлежностями... и наличную сборную денежную казну, и все, что к их управлению надлежит»⁵. В сенатских указах областным правителям приводился 2-й пункт Наказа 1728 г. «О приеме дел и о росписном списке и о хранении старых дел». В указах чебоксарским воеводам 1730, 1738 и 1747 гг. говорилось, что вновь прибывший воевода должен принять от предыдущего «прежде посланные указы, город и городовые ключи и канцелярию со всеми делами и послужителми и прочее... что к ведомству надле-

---

¹ ПСЗ–1. Т. 16. № 12259. 11 октября 1764 г. С. 926–932.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 720. Л. 16 об.

³ Енин Г.П. Документ о выводе Кокшайска из штата городов Казанской губернии // Мадригский археографический вестник. 1991. № 1. С. 58.

⁴ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. С. 116–117.

⁵ ПСЗ–1. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 95–96.

жит»¹. Еще до издания наказа 1728 г. чебоксарский воевода А. Заборовский 27 апреля 1727 г. получил «из Высокого Сената печатный указ», в котором ему было велено «учиня по примеру прежних воеводских росписных списков, не отходя... [подготовить] со всяким обстоятельством опись»².

Составление росписных списков уходит своими корнями в XVII столетие. В наказах 1611, 1613, 1649, 1686 и 1701 гг. видим схожее содержание и способы подготовки указанных списков³. Характерно, что в XVII в. в них важно было указывать состояние вооружений и военных припасов, так как многие понизовые города являлись крепостями. В XVIII столетии, когда военный статус городов упал, составителями росписных списков большее внимание уделялось поступившим указам и их исполнению, численности штата канцелярских служителей, солдат и сторожей, реестру колодников и др. (см. приложения 3–7).

В 1735 г. росписной список подготовили между собой алатырские воеводы стольник Ф.Г. Ляпунов и майор А.В. Потемкин, а в 1738 г. Н.П. Остафьев по описи принял управление Алатырской провинциальной канцелярией после смерти воеводы подполковника Г.С. Фефилова⁴. В документах отражены полученные указы, делопроизводственная документация, а также денежная казна. О завершении приема-сдачи управления свидетельствовали скрепленные подписи старого и нового воевод⁵. Исходя из 2-го пункта Наказа 1728 г., при обнаружении растраты денежной казны или «ежели чего на лицо не явится», новый воевода не подписывал росписной список и взыскивал с ответственных лиц, в первую очередь с предыдущего воеводы. К примеру, в феврале 1738 г. администрация Свияжской канцелярии обратилась к новому чебоксарскому воеводе А.Я. Квашнину-Самарину с вопросом,

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 228; Д. 24. Л. 78 а–78 а об.; Д. 39. Л. 214–214 об.

² Там же. Д. 7. Л. 443 об.

³ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 234. Инв. № 583. Л. 2; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Стб. 526–528; Димитриев В.Д. Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 21. С. 285–287; Его же. «Царские» наказания казанским воеводам XVII века. С. 290–315, 370–414.

⁴ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–336; Д. 910. Л. 1–835 об.

⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 168. Л. 336 об.

почему тот с 1 января того же года экс-воеводе Г.М. Воейкову «росписного списка не подписывает»¹.

Копии составленного росписного списка и различных описей направлялись в вышестоящие учреждения. Они высылались в Сенат, к подведомственному губернатору², приходно-расходные счета представлялись в Ревизион-коллегию³. В наказах воеводам XVII в. предписывалось росписные списки «прислать к Великому Государю к Москве и велеть подать Приказе Казанского дворца»⁴.

Воеводы в практике управления руководствовались законодательными нормами предшествующего времени и новыми присылавшимися указами, т.е., как говорилось в сенатских указах, «поступать по Уложению, по инструкции и по указам»⁵. В них ставились воеводам стратегические задачи фискально-финансового, полицейского, военного, судебного плана.

Среди них магистральным было управление сельским населением и горожанами, точнее, обеспечение своевременного сбора доходов с них. Остальные прерогативы были лишь сопутствующими в реализации этой главной задачи. Еще в наказах XVII в. подчеркивалось, чтобы воеводы имели смотрение за «государево казной книгами о приходе и расходе» и «во всем великим государем искать прибыли, которая б прибыль вперед была прочна и стоятельна, а людям не в тягость»⁶. Более четко и всеобъемлюще задачи по исполнению налоговых поступлений в казну были разработаны в Наказе губернаторам и воеводам 1728 г. В нем представлены ответы на следующие вопросы: как поступать с уездными людьми в сборе подушных денег, каким образом губернаторам и воеводам содержать приходные и расходные книги,

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 78 а–78 а об.

² НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Дмитриева. Т. 14. Л. 6; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 443 об.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34. Л. 270–279 об., 960–961.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 234. Инв. № 583. Л. 4.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 228; Д. 24. Л. 78 а–78 а об.; Д. 39. Л. 214–214 об.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 234. Инв. № 583. Л. 9; Дмитриев В.Д. Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков. С. 285; Его же. «Царские» наказания казанским воеводам XVII века. С. 386. Подробнее о «прибыльной» деятельности воевод XVII в. см.: Вершинин Е.В. «Прибыльная» деятельность сибирских воевод в XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1989. № 3. С. 60–70.

чинить расход и сочинять счета (пп. 20–23). В этот же перечень следует отнести пункты «О доходах...» (п. 24), «О прибылых сборах сверх окладной книги» (п. 25), «О сборах положенных на посадских людей» (п. 26), «О сборах в приписных городах к губерниям и провинциям» (п. 27), «Об отправлении денег в указные места и о взыскивании отписей» (п. 28), «Об откупках и подрядах» (п. 29) и ряд косвенных статей¹. Все это говорит о том, что для царской короны формирование механизма взимания налогов, организация контроля и строгой фискально-финансовой отчетности были главными составляющими в политике правительства.

Местного управленца без военных функций трудно себе представить. Согласно Наказу 1728 г. провинциальные и уездные воеводы и с ними штаб-офицеры ведали «над собою ближнюю команду», а губернаторам указывалось, чтобы «во всяких случаях им Воеводам помогали» с командой гарнизонных полков². Штатные команды и другие войсковые части, расквартированные на подведомственной территории, были своего рода исполнителями распоряжений указанной администрации. Такая традиция была известной, и она в то же время была обусловлена многонациональным и поликонфессиональным составом населения Среднего Поволжья. В допетровское время сбор ясачных денег и хлеба осуществляли команды стрельцов при участии дворян, детей боярских, приказных людей. Они кроме выполнения военно-сторожевой функции выступали вспомогательным персоналом по проведению политики самодержавия. Поэтому правительство неоднократно устраивало проверки личного состава служилых людей, организовывая «разборы»³.

Параллельно с военными функциями воеводы несли ответственность за полицейские полномочия. Меры, которые должны были предпринимать местные администраторы XVIII в., сводились в поимке беглых людей и шпионов, в пресечении волнений среди населения, в сохранении спокойствия на

---

¹ ПСЗ–1. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 100–106.

² Там же. С. 96–97.

³ Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... С. 326–383.

управляемой территории¹. Об аналогичной важности дел говорили пункты Наказа 1728 г., регламентировавшие подачу челобитен и исков, своевременное вынесение решений, порядок апелляции дел².

Воеводы брали на себя также обязательства по организации и осуществлению пожарной безопасности, а самое главное – «как градским жителям, так и уездным людям обид и налог отнюдь не чинить, и никаких взятков нападками и утеснением не имать»³. Последняя формулировка была актуальна и в наказах воеводам Чебоксар, Курмыша и Казани XVII в.⁴

На протяжении 1727–1781 гг. правительством издавались законодательно-правовые акты, корректировавшие те или иные функциональные положения воеводских ведомств и нормы проведения политики правительства.

С 1733 г. отобранные Сенатом кандидатуры воевод должны были пройти процедуру их рассмотрения в Кабинете императрицы⁵. О воеводах наводились различные справки, например, «не касается ль до них каких дел и не имеется ль на них начетов»⁶. Эта процедура с января 1734 г. была отменена. Кадровая политика областных правителей осталась в ведении Сената⁷.

Решение кадрового вопроса всегда было в центре внимания верховной власти. Она всячески пыталась упорядочить критерии отбора, назначения и порядка несения службы воевод. Сенатский указ от 24 января 1735 г. объявлял, что для назначения воевод нет необходимости приезжать в Санкт-Петербург и нести определенные финансовые издержки. Впредь они назначались герольдмейстером Сената на основе именных списков, составленных из претендентов на воеводскую службу⁸. С 19 марта 1762 г. кандидатура но-

¹ ПСЗ–1. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 98, 100, 110, 111.

² Там же С. 97, 98–100.

³ Там же. С. 109–110, 112.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 234. Инв. № 583. Л. 9–10; Димитриев В.Д. Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков. С. 286; Его же. «Царские» наказы казанским воеводам XVII века. С. 314, 367, 412–413.

⁵ ПСЗ–1. Т. 9. № 6384. 30 апреля 1733 г. С. 101.

⁶ Там же. № 6522. 31 декабря 1733 г. С. 248.

⁷ Там же. № 6538. 22 января 1734 г. С. 259–260; № 6553. 12 марта 1734 г. С. 283–285; Т. 12. № 8865. 22 января 1744 г. С. 16.

⁸ Там же. Т. 9. № 6679. 24 января 1735 г. С. 476.

вого воеводы должна была быть известной за год до истечения срока исполнения воеводской должности старого¹. Губернаторам разрешалось определять вместо умерших во время воеводства управленцев из «людей достойных и безподозрительных» и ждать указа из Сената². Будущие воеводы перед вступлением на должность проверялись на причастность «к какому-либо следственному делу»³. О находящихся под следствием и умерших воеводах должны были следить и рапортовать в Сенат губернаторы⁴. Сенатский указ, изданный 13 августа 1774 г., также обязал губернаторов вовремя присылать ведомости о находящихся в их подчинении воеводах⁵.

Претенденты на воеводство, согласно Табели о рангах (1722 г.), должны были быть в чине VIII класса⁶. Именной указ, объявленный 24 февраля 1727 г. из Верховного тайного совета, разрешал провинциальным воеводам дать полковничий ранг и быть в этом чине, «пока воеводою будут». Наделение воевод из провинций чином полковника было связано со стремлением достичь ситуации, при которой у них со штаб-офицерами «не было... распри»⁷. Повторно об изменении положения провинциальных воевод встречаются в текстах указов именного от 15 марта и сенатского от 6 апреля 1727 г.⁸ Что касается уездных воевод, то им во время службы в городах полагался чин майора⁹.

Срок службы воевод неоднократно менялся. 20 марта 1730 г. императрица распорядилась «во всех городах воеводам быть с переменою по два года». В указе отмечалось условие, по которому смененный воевода мог продолжить службу. Для этого после его смены за год не должно было поступать

¹ ПСЗ–1. Т. 15. № 11476. 22 марта 1762 г. С. 743–744.

² Там же. Т. 10. № 7328. 19 июля 1737 г. С. 221.

³ Там же. Т. 15. № 11223. 22 марта 1761 г. С. 670.

⁴ Там же. Т. 19. № 13815. 5 июня 1772 г. С. 519.

⁵ Там же. № 14175. 13 августа 1774 г. С. 998–999.

⁶ Там же. Т. 6. № 3890. 24 января 1722 г. С. 487–488.

⁷ Там же. Т. 7. № 5017. 24 февраля 1727 г. С. 745.

⁸ Там же. № 5032. 15 марта 1727 г. С. 759; № 5056. 6 апреля 1727 г. С. 776–777.

⁹ Там же. № 5053. 31 марта 1727 г. С. 775; № 5056. 6 апреля 1727 г. С. 777.

обращения от подданных о злоупотреблениях¹. С другой стороны, царское правительство могло идти навстречу обывателям, желавшим оставить прежнего порядочного воеводу на следующее двухлетие². Сенатский указ от 26 октября 1760 г. увеличил срок пребывания в должности воеводы до пяти, а по предложению помещиков и граждан («на сколько пожелают») их местопребывание продлевалось на неопределенное время³.

Правительство гарантировало правовое обеспечение условий несения службы воевод. По Наказу 1728 г. воеводы должны были жить в воеводских и прочих свободных казенных дворах⁴. В указе из Сената от 13 июля 1775 г. говорилось, что в случае отсутствия казенных домов воеводам «давать квартиры»⁵. Жалованье провинциальным воеводам выплачивалось «от дел канцелярских денег». Они накапливались за счет судебных дел, при которых взималось «с правого по алтыну, а с виновного – по гривне с рубля»⁶. По Штату 1763 г. провинциальному воеводе, имевшему по Табели о рангах VI класс, полагалось 600 руб. в год, а уездному в чине майора – 375 руб.⁷

С помощью аппарата управления воеводы воплощали в жизнь законодательно-нормативные установки правительства. Согласно Наказу 1728 г. воеводская канцелярия состояла из так называемых столов и повеитей (отделов) со штатными служащими⁸. Ими руководил секретарь воеводской канцелярии. Контроль над исполнением секретарской должности осуществлял Сенат, и без его одобрения воеводы не могли их отстранить от дел⁹. Помощниками воевод выступали также его заместители или, как в то время их называли,

---

¹ ПСЗ–1. Т. 8. № 5522. 20 марта 1730 г. С. 259–260.

² Там же. Т. 12. № 9084. 5 декабря 1744 г. С. 284.

³ Там же. Т. 15. № 11131. 26 октября 1760 г. С. 549.

⁴ Там же. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 111.

⁵ Там же. Т. 20. № 14349. 13 июля 1775 г. С. 184.

⁶ Там же. Т. 7. № 4671. 2 марта 1725 г. С. 431.

⁷ Там же. Т. 16. № 11991. 15 декабря 1763 г. С. 468; Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отделение 4. № 11991. 15 декабря 1763 г. С. 69.

⁸ Там же. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 96.

⁹ Там же. Т. 11. № 8550. 3 мая 1742 г. С. 599–600.

«воеводские товарищи». Они были учреждены по Штату 1763 г.¹ Кроме них основными исполнителями поручений воевод были рассыльщики. Указом «Об определении рассыльщиков по провинциям...», подписанным 1 апреля 1726 г., предписывалось провинциальным властям принять в штат рассыльщиков для «караула и для посылок»². С июля 1731 г. правительство издало очередной указ, гарантировавший рассыльщикам провинций и уездов жалованья за службу³. Их численность зависела от управляемой территории. Например, в уездах их количество было от 20 до 30 чел., а в провинциях – от 30 до 84. В 60-е гг. XVIII в. штатная команда, пришедшая на смену рассыльщикам, в уездных городах комплектовалась из 29 чел., в провинциальных – 57 чел.⁴

Фискально-финансовые, военные, полицейские, административно-хозяйственные, судебные и иные функции провинциальных и уездных воевод регламентировались многочисленными правовыми актами.

С восстановлением должности воевод в городах Российской империи сборы с населения перешли к ним⁵. В пункте 5 сенатского указа 1736 г. говорилось, что подушной сбор подпадает под юрисдикцию воевод провинций и уездов. В качестве помощников к провинциальным воеводам присылались отставные военные в чине майора и капитана, а к уездным – из обер-офицерских чинов⁶. В последующем военные были подчинены Главному комиссариату⁷. Переход функций указанных сборщиков подушной подати к воеводам произошел 22 апреля 1764 г., когда именным указом провозгласил передачу сбора подушных денег к губернаторам и воеводам⁸.

---

¹ ПСЗ–1. Т. 16. № 11991. 15 декабря 1763 г. С. 468; Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отделение 4. № 11991. 15 декабря 1763 г. С. 69.

² Там же. Т. 7. № 4865. 1 апреля 1726 г. С. 599.

³ Там же. Т. 8. № 5801. 13 июля 1731 г. С. 515.

⁴ Там же. Т. 8. № 6233. 19 октября 1732 г. С. 955–956; Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отделение 4. № 6233. 19 октября 1732 г. С. 22–24; № 11991. 15 декабря 1763 г. С. 70.

⁵ Там же. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 100–106.

⁶ Там же. Т. 9. № 6872. 26 января 1736 г. С. 727–728.

⁷ Там же. Т. 15. № 11432. 31 января 1762 г. С. 907.

⁸ Там же. Т. 16. № 12138. 22 апреля 1764 г. С. 720.

Военные и полицейские дела для провинциальных и уездных воевод также были не последними в их административной работе. Начиная с сентября 1733 г. воеводы начали контролировать штаб-офицеров, занимавшихся рекрутскими наборами. Они должны были следить за тем, чтобы «от офицеров и их подчиненных в тех рекрутских наборах, не порядков и народных отягощений и взятков и в приеме продолжений не было»¹. Кроме слежения за порядком солдатских наборов, воеводы исполняли ликвидацию недоимок по отдаче рекрутов². Что касается полицейских функций, то воеводы особенно усердно должны были бороться с разбойниками и ворами³. Изданный 22 марта 1762 г. указ подчинил воевод по полицейским вопросам Главной полиции⁴. Вскоре обязанности сыщиков были переданы воеводам⁵. Им же сенатским указом от 12 сентября 1763 г. было определено ловить беглых военно-служащих и передавать их военным органам⁶.

В Сенат стекались все сведения о деятельности воевод, там же проходила процедура сдачи ими воеводской должности⁷. Для ускорения процесса в проверке отчетной документации воеводских учреждений Сенату помогали Камер- и Юстиц-коллегии, Штатс-контора⁸. С 1732 г. губернаторы и воеводы при смене сдавали отчеты по сенатскому указу «О свидетельствовании отчетов... по камер-коллежской инструкции»⁹.

Несмотря на четкую регламентацию деятельности воевод, им приходилось взаимодействовать и координировать свои действия с различными подведомственными и высшими инстанциями, что происходило на основе особых распоряжений и норм законодательства. Ю.В. Готье, анализируя законодательные установки воеводам, указывает, что право надзора высших гос-

---

¹ ПСЗ–1. Т. 9. № 6490. 24 сентября 1733 г. С. 218.

² Там же. Т. 14. № 10736. 6 июня 1756 г. С. 774–775; Т. 15. №№ 10794, 10826. 18 января и 13 апреля 1758 г. С. 155–156, 191–192.

³ Там же. Т. 12. № 9025. 7 сентября 1744 г. С. 214–216; Т. 14. 19 ноября 1756 г. С. 664–674.

⁴ Там же. Т. 15. № 11477. 22 марта 1762 г. С. 744.

⁵ Там же. Т. 16. № 11672. 2 октября 1762 г. С. 73–74.

⁶ Там же. № 11919. 12 сентября 1763 г. С. 371–372.

⁷ Там же. Т. 8. № 5598. 25 июня 1730 г. С. 303.

⁸ Там же. № 5725. 23 марта 1731 г. С. 403–404.

⁹ Там же. № 6009. [Между 24 и 29 марта] 1732 г. С. 739–740.

ударственных учреждений над органами местного управления выражалось, прежде всего, общим напоминанием о том, что все областные органы обязаны исполнить указы, присылаемые из Сената и коллегий¹. Об этом вскользь было сказано выше. Однако на местном уровне существовали особые тонкости во взаимодействиях с разными органами управления. Это в основном касается уездных воеводских и городских учреждений. Например, смотрение за сборами в городах воеводам предписывал 1-й пункт именного указа от 20 марта 1737 г.² При накапливании недоимок за магистратами и ратушами губернаторы и воеводы предпринимали активные меры по ликвидации задолженности перед казной³.

Вплоть до ликвидации воеводских учреждений в 1780–1781 гг. действовали десятки других законодательных актов как общероссийского, так и локального характера. Поэтому наряду с общими нормативно-правовыми актами важно рассмотреть законы, непосредственно относящиеся к чувашским государственным крестьянам, составлявшим большинство среди населения в приблизительных границах территории современной Чувашии.

С учетом сложного этнического, социального и религиозного состава населения правительством разрабатывались особые законодательные нормы, предписания для воевод, управлявших уездами современной Чувашии. Они прослеживаются в процессе христианизации, с помощью которой местные органы управления должны были проводить поливариантную политику царского правительства в области фискально-финансовой, судебной, военной, полицейской деятельности.

Подобно подушному обложению царское правительство дополнительно взимало хлеб с русских крестьян по одному четверику с души, а с «инородцев» – вдвое больше⁴. Провинциальным и уездным воеводам были посланы указы из Сената от 12 января 1738 г. о поставке хлеба государственными

---

¹ Готье Ю.В. Указ. соч. Т. 1. С. 52.

² ПСЗ–1. Т. 10. № 7207. 20 марта 1737 г. С. 87.

³ Там же. Т. 12. № 9149. 22 апреля 1745 г. С. 373.

⁴ Там же. Т. 10. № 7244. 10 мая 1737 г. С. 136.

крестьянами, где им следовало «иметь крепкое смотрение»¹. Следующий сенатский указ от 3 августа 1750 г. приказывал воеводам переписать свободные земли и наложить налог на их владельцев с каждой четверти по гривне².

Особое отношение к бывшим крещеным людям сохранилось в ряде законодательных бумаг. Из сенатского указа 26 февраля 1735 г. узнаем, что правительством был составлен проект по открытию школ для «обучения некрещеных и новокрещеных детей». По нему предполагалось открыть школу и в Цивильске³. 18 сентября 1740 г. Сенат принял решение о не взыскании с чувашей и других «инородцев» по судебным делам «проестей и волокит»⁴.

Законодательная база позволяла воеводам активно вмешиваться в конфессиональную среду местного населения. Религиозная составляющая была удобным инструментом поощрения или наказания обывателей управляемой территории, орудием реализации политики правительства. В 19-м разделе Наказа 1728 г. они должны были принимать меры по недопущению перехода чувашей-язычников в ислам⁵.

Крестившимся «иноверцам» правительство обещало различные льготы⁶. 6 апреля 1764 г. было удовлетворено прошение новокрещен Чебоксарского, Козьмодемьянского и Казанского уездов о сложении недоимок⁷. Аналогичные меры губернаторы и воеводы должны были предпринимать в области рекрутских наборов. Указ императора от 2 ноября 1722 г. гласил отпускать крестившихся солдат-«иноверцев» из Казанского гарнизона домой⁸. По сенатскому указу, вышедшему в свет 11 марта 1747 г., «с новокрещеных иноверцов и которые впредь православную веру примут... рекрут... и в рекрут-

---

¹ ПСЗ–1. Т. 10. № 7480. 12 января 1738 г. С. 384–385.

² Там же. Т. 13. № 9790. 3 августа 1750 г. С. 341–342.

³ Там же. Т. 9. № 6695. 26 февраля 1735 г. С. 483.

⁴ Там же. Т. 11. № 8245. 18 сентября 1740 г. С. 263–265.

⁵ Там же. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 100.

⁶ Там же. Т. 8. № 5737. 3 апреля 1731 г. С. 447–448; Т. 9. № 6518. 17 декабря 1733 г. С. 243–244; Т. 11. № 8792. С. 916.

⁷ Там же. Т. 16. № 12126. 6 апреля 1764 г. С. 704–707.

⁸ Там же. Т. 6. № 4123. 2 ноября 1722 г. С. 792.

ские складки денег ... не спрашивать»¹. По сути своей этот указ повторял закон от 10 декабря 1756 г.² Однако в 1770-х годах среди крестившихся чувашей многие покидали свои дома и переселялись из Казанской губернии в Оренбургскую губернию. Основную причину правительство видело в том, что они «ко избежанию рекрутской отдачи» уезжали на заводы Оренбургского, Сибирского и других уездов. Поэтому в указе 10 сентября 1773 г. губернским властям предписывалось пресекать побег³.

Представители местной власти должны были учитывать положение крестившихся чувашей также в судебно-следственных и других вопросах. «Иноверцы», совершившие убийства и другие тяжкие преступления, по Высочайшей резолюции освобождались от смертной казни за переход в православную веру⁴. Но в конце того же 1741 г. это решение было отменено⁵. Что касается «обид» и разорений, причинявшихся новокрещенам со стороны чиновников и духовенства, Сенат указывал на принятие мер по недопущению указанных в законе злоупотреблений⁶. Более детально эти меры были прописаны в сенатских указах от 31 мая и 9 июня 1760 г.: «о не причинении обид и утеснений новокрещеным; о не требовании их в судебные места по делам, до них касающимся, без сношений с определенным к их защите чиновником; об удовлетворении их претензий на русских и на некрещеных людей по всей справедливости; о рассмотрении дел о взаимных их новокрещен претензиях выборным людям из их же сословия, знающим русский язык»; «о не отягощении домов новокрещен двойными постояями и другими полицейскими должностями»⁷. В ноябре 1760 г. правительством разрешалось новокрещенам судиться между собой по мелким делам на простой бумаге и по «следствию»,

---

¹ ПСЗ–1. Т. 12. № 9379. 11 марта 1747 г. С. 669.

² Там же. Т. 14. № 10666. 10 декабря 1756 г. С. 693–694.

³ Там же. Т. 19. № 14037. 10 сентября 1773 г. С. 819–821.

⁴ Там же. Т. 11. № 8349. 11 марта 1741 г. С. 369–370.

⁵ Там же. № 8482. 15 декабря 1741 г. С. 549.

⁶ Там же. Т. 12. № 8929. 1 мая 1744 г. С. 89–96.

⁷ Там же. Т. 15. №№ 11064 и 11068. 31 мая и 9 июня 1760 г. С. 476–477, 478–479.

отменялась процедура рассмотрения таких дел на гербовой бумаге согласно «суду по форме» (1723 г.)¹.

Чуваши-язычники, не принявшие православную веру, находились под определенным давлением со стороны местной администрации. Сенатский указ от 19 ноября 1742 г. гласил, чтобы губернская и епархиальная администрации совместно принимали меры по недопущению строительства мечетей в Казанской губернии и перехода «идолопоклонников» в ислам. Здесь же отмечалось, чтобы местные власти разведывали и наблюдали за иноверцами, штрафовали их за непринятие христианства². Согласно другому указу воеводы взимали государственные сборы только с язычников³. Указ 1749 г. предписывал местным властям чувашей-мусульман «возвратить по-прежнему в чувашу» и проследить, «чтоб они впредь магометанского закона отнюдь не держали»⁴. Интересен указ Сената от 30 марта 1761 г.: «провинциальным и городовым канцеляриям на... иноверческие земли купчих и закладных отнюдь не писать... а которые крещеные тем... продавать не запрещать»⁵. По нему запрещалась купля-продажа земельных угодий и главной причиной выступала «иная» религиозная приверженность.

Таким образом, в 1726–1727 гг. правительство ликвидировало уездные и провинциальные специализированные органы управления, заменив их воеводскими учреждениями. Воеводы, введенные в уездах и провинциях (с 1719 г.), подчинялись губернаторам и сконцентрировали в своих руках широкий круг функциональных обязанностей – административное, фискально-финансовое, полицейское, судебное, военное и хозяйственное управление. Их деятельность обеспечивалась развитой правовой базой и регламентировалась законодательством с учетом локальных особенностей, связанных, в первую очередь, со сложной этнической, социальной и конфессиональной составом населения на территории Чувашии.

¹ ПСЗ–1. Т. 15. № 11138. 6 ноября 1760 г. С. 559.

² Там же. Т. 11. № 8664. 19 ноября 1742 г. С. 719–720.

³ Там же. Т. 11. № 8792. 28 сентября 1743 г. С. 916–917.

⁴ Там же. Т. 13. № 9631. 14 июня 1749 г. С. 82–85.

⁵ Там же. Т. 15. № 11231. 30 марта 1761 г. С. 683–685.

Опираясь на правительственные указы о христианизации чувашей-язычников и других нерусских народов, воеводы и губернаторы обязаны были подходить к политике управления дифференцированно. С одной стороны, они должны были обеспечить, чтобы чувашаи-новокрещены не отпали от православия, и в то же время «защитить» их от ислама. С другой стороны, провинциальные и уездные воеводские органы управления взыскивали с чувашей-язычников, отказавшихся принять христианство, большие налоги, в том числе за соплеменников-христиан, брали вдвое больше рекрутов и т.д.

Итак, проходившие в 1708–1719 гг. на территории Чувашии административно-территориальные изменения, связанные с сужением функций воевод и ликвидацией их в последующем, учреждением института губернаторства в пределах новых территориальных образований – губерний, шли в общероссийском русле преобразовательной политики верховной власти. Губернаторы, как и воеводы в XVII в., сконцентрировали в своих руках практически все отрасли управления государственным хозяйством, что было оправданно в условиях военного времени и строительства новой столицы государства. Губернскому центру приходилось держать уездные органы управления в строгой подчиненности, аккумулируя правительственные задачи по извлечению материальных и людских ресурсов на территории Чувашии.

Областной реформой 1719 г. в губерниях вводились провинции – промежуточные между губернией и уездом территориальные единицы, управлявшиеся воеводами. Для облегчения управления Казанской губернией было проведено ее разукрупнение, что снизило нагрузку на губернскую власть. Одновременно с унификацией местных властных структур и децентрализацией губернаторских полномочий была организована разветвленная специализированная вертикаль государственных учреждений, отвечавших за финансовые, судебные, военные, нотариальные и надзорные отрасли управления. Административные и территориальные реформы должны были улуч-

шить деятельность местной системы управления и повысить ответственность региональных чиновников в целом.

В период с 1726 по 1781 г. уезды и провинции управлялись воеводами, что явилось результатом ликвидации в 1726–1727 гг. отраслевой местной системы власти и передачи функций новым областным правителям. Строгая централизация учреждений от уездного воеводы к провинциальному воеводе, от последнего – к губернатору, способствовала к усилению бюрократического контроля. Правительством создавалась развитая правовая основа, позволяющая местным государственным структурам активно взаимодействовать между собой и решать поставленные задачи проведения политики абсолютизма.

При этом на территории Чувашии, в отличие от великорусских уездов, управление населением усложнялось в связи с его сложным этноконфессиональным и социальным составом. Специфика функционирования провинциальных и уездных воеводских учреждений заключалась в том, что кроме исполнения своих прерогатив на них дополнительно была возложена миссия по христианизации нерусских народов. Воеводы, используя административные, полицейские и экономические меры давления, прописанные в законодательстве 1727–1781 гг., проводили политику инкорпорации чувашей-язычников и других нехристиан в орбиту общероссийского общества.

ГЛАВА 2. СОСТАВ И СЛУЖБА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО И УЕЗДНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В 1727–1781 ГГ.

2.1. Состав провинциальных и уездных воевод

С принятием в 1722 г. Табели о рангах произошли существенные перемены в бюрократической вертикали Российской империи. Табель вводила принцип личной выслуги, последовательного продвижения по служебной лестнице¹. По нему на высшей бюрократической лестнице воеводской администрации оказались воеводы, товарищи воевод и подьячие с приписью (секретари). Они составляли «присутствие» воеводских учреждений и исполняли свои должностные функции в канцеляриях.

Для изучения состава воеводской администрации за 1727–1781 гг., управлявшей территорией Чувашии, использованы материалы провинциальных и уездных канцелярий Алатыря, Свияжска, Симбирска, Чебоксар, Цивильска, Ядрина и Курмыша. Несмотря на то, что из указанного числа не все города находились на территории Чувашии, они частично (а провинциальные воеводские канцелярии контролировали уездные учреждения и являлись апелляционной инстанцией по судебным делам) управляли ее многотысячным населением.

По нашим данным, на территории Чувашии прошли службу 104 воеводы (см. приложения 8–14), 18 исполняющих обязанности (и.о.) воевод и 38 товарищей воевод², то есть всего 160 высших представителей воеводского

¹ ПСЗ–1. Т. 6. № 3890. 24 января 1722 г. С. 486–493.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 847. Л. 368; Кн. 898. Л. 689 об.; оп. 106. Кн. 1068. Л. 1, 2; Ф. 286. Оп. 1. Кн. 910. Л. 1–1 об.; Оп. 15. Кн. 601. Л. 176, 216–224; Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 297; Д. 87. Л. 19; Д. 88. Л. 8 об., 13 об., 164–164 об., 375–429; Д. 92 а. Л. 427, 480; Д. 93. Л. 251–297, 338; Д. 646. Л. 5 об.; Ф. 443. Оп. 3. Д. 7. Л. 1 об., 5 об.; Ф. 814. Оп. 1. Д. 49. Л. 8 об., 233 об.; ГА УО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 125; Д. 3. Л. 1; Ф. 2. Оп. 1. Д. 135. Л. 51 об.; Д. 147. Л. 2; Оп. 2. Д. 6. Л. 14; Ф. 3. Оп. 1. Д. 196. Л. 39 об.; Ф. 545. Оп. 1. Д. 6. Л. 16; ОР РНБ. Ф. 1305. Ед. хр. 6. Л. 2 об.; Областные правители России... С. 177, 195, 411, 466, 556–557, 579, 597, 647, 650; Сенатский архив. 1741 г. СПб., 1890. Т. 3. С. 534; Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1765. СПб., [Б. г.]. С. 108, 110, 112; Адрес-календарь ... 1766. СПб., [Б. г.]. С. 143, 145–146; Ад-

управления. Из них в уездах воевод было 57, и.о. воевод – 11, товарищей воевод – 12. В провинциальном управлении нами их выявлено соответственно 47, 7 и 26. В процентном отношении провинциальная и уездная администрации составляли по 50 %.

Основная доля местных управленцев приходилась на воевод. Такая ситуация объясняется тем, что в 1727–1762 гг. заместители воевод несли службу только в провинциальных воеводских канцеляриях, а в уездах они появились лишь по Штатам 1763 г. В 1764 г. в некоторых городах, например, в Ядрине, их не было в связи с упразднением воеводства и введением должности комиссара. Другая небольшая группа, представляющая высшие эшелоны областных правителей, состояла из исполняющих обязанности воевод. На самом деле их количество было намного больше, учитывая такие обстоятельства, как замещение должности в связи с приездом нового воеводы или проведением следствия по отношению правителей, служебные командировки в провинциальные и губернские города, болезни и т.д. Однако таких сведений сохранилось мало.

Отбор кандидатов и назначение их на воеводство были возложены на особую Герольдмейстерскую контору при Правительствующем сенате. Централизованный учет кадров-управленцев должен был способствовать процессу организации государственной службы и контроля в делах управления. Для этого была разработана законодательная основа, на которой, в частности, держалась система продвижения чиновников-управленцев по Табели о рангах 1722 г. Основной задачей, стоявшей перед герольдмейстерами, был поиск и утверждение по чину кандидата на соответствующую должность в государ-

---

рес-календарь ... 1767. СПб., [Б. г.]. С. 155, 157–159; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1772. СПб., [Б. г.]. С. 187–189, 191; Месяцослов ... 1773. СПб., [Б. г.]. С. 172–174, 176; Месяцослов ... 1775. СПб., [Б. г.]. С. 201, 203, 205; Месяцослов... 1777. С. 278, 285, 288, 291; Месяцослов... 1778. С. 311, 314, 317; Месяцослов... 1779. С. 383, 384, 388; Месяцослов... 1780. С. 415, 416, 420; Месяцослов... 1781. С. 384; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 102–103, 106, 131–132, 166, 179, 193, 205, 212, 218, 290, 378, 398, 406, 407, 413, 417, 429.

ственных структурах. Не являлось исключением и определение потенциальных управленцев на гражданскую службу в губерниях.

В Чувашии из 104 воевод, за исключением 22 (21,2 %), 78,8 % имели классные чины по Табели о рангах (см. таблицу 2.1). Обращает на себя внимание то, что воеводами из гражданских служащих назначались всего 29 чел. (35,4 %), а из военных – 53 (64,6 %). Выходцы из военных служб соответственно были пожалованы рангами штаб- и обер-офицеров – 27 и 26 чел. К числу не имевших табельных чинов были отнесены 8 князей, 7 стольников и граф, у 6 воевод отсутствовала информация о чине и социальном происхождении. Приведенные сведения в основном совпадают с данными о ранговом составе уездных воевод на территории Марийского края¹.

Руководителями провинций чаще всего назначали чиновников VI–VII классов (соответственно 10 и 9 случаев из 47, то есть 40,4 %). Отдельно следует отметить, что 7 воевод обладали VIII рангом по Табели о рангах. Остальные провинциальные воеводы имели следующие чины: IV класса – 1, V – 4, IX – 3 и XII – 2. Уездные канцелярии по статусу были ниже провинциальных учреждений, поэтому из них 47,4 % находились в VIII–IX классах (27 из 57 чел.). На уровне провинциальных воевод были 9 уездных воевод с чинами VI–VII классов. Другие 10 воевод числились в XII–XIV классах. Что касается 16 воевод, имевших «старые» чины, то князей определили в уездах и провинциях одинаковое количество раз – по 4, стольников – 3 и 4 соответственно. При этом в провинции воеводой также был граф.

Возраст вновь заступивших на свои должности воевод был неодинаков (см. таблицу 2.2). Из 47 воевод 28 чел. (меньше половины всех анализируемых) были от 51 до 65 лет, причем 50 % из них составляли категорию от 51 года до 55 лет. Эти сведения о среднем возрасте воевод имеют сходство с общероссийскими данными. Ю.В. Готье, обработав данные 185 провинци-

---

¹ См.: Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков... С. 94; Кузьмин Е.П. Воеводская власть и управление в Марийском крае в XVIII веке. С. 85–86.

альных и уездных воевод, показал, что около 35 и 32 % областных правителей были в возрасте 50–60 и 40–50 лет соответственно¹.

Таблица 2.1

Состав воевод Чувашии по Табели о рангах за 1727–1781 гг.²

Классные чины по Табели о рангах (1722 г.)		Провинциальные воеводы	Уездные воеводы	Итого
<i>Гражданские и генеральские чины</i>				
IV	Действительный статский советник	1	–	1
<i>Гражданские и штаб-офицерские чины</i>				
V	Бригадир	4	–	4
VI	Коллежский советник	4	1	5
	Полковник	6	–	6
VII	Надворный советник	5	5	10
	Подполковник	4	3	7
VIII	Коллежский ассессор	4	7	11
	Майор	3	3	6
	Секунд-майор	–	3	3
	Премьер-майор	–	1	1
<i>Гражданские и обер-офицерские чины</i>				
IX	Титулярный советник	–	2	2
	Капитан	3	11	14
XII	Поручик	1	3	4
	Унтер-лейтенант флота	1	–	1
XIII	Подпоручик	–	3	3
XIV	Прапорщик	–	4	4
Без классных чинов		11	11	22
ВСЕГО		47	57	104

¹ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 218.

² Подсчитано по: см. приложения 9–15.

Возрасты воевод провинций и уездов отличались незначительно. Следует сказать, что 11 уездных воевод были назначены в возрасте от 30 до 50 лет. Средний возраст, например, царевokokшайских воевод, как и на территории Чувашии, составлял 48–49 лет¹. Такое положение вещей можно объяснить тем, что в провинциальные учреждения старались утверждать более опытных воевод и с соответствующим высшим чином. Скорее всего, для начинающих управленцев уездные воеводские канцелярии становились своеобразной «площадкой» для приобретения опыта воеводского управления, что позволяло продвинуться дальше к вершинам губернской администрации.

Таблица 2.2

**Возраст чиновников при поступлении на воеводство
в Чувашии в 1727–1781 гг.²**

Возраст воевод	Провинциальные воеводы	Уездные воеводы	Итого
от 30 до 35 лет	–	3	3
от 36 до 40 лет	–	3	3
от 41 до 45 лет	2	2	4
от 46 до 50 лет	1	3	4
от 51 до 55 лет	7	7	14
от 56 до 60 лет	4	4	8
от 61 до 65 лет	4	2	6
от 66 до 70 лет	1	3	4
от 71 года и выше	–	1	1
ВСЕГО	19	28	47

¹ Иванов А.Г. Царевokokшайск в конце XVI–XVIII веков... С. 94.

² Подсчитано по: см. приложения 9–15.

При выдвижении в кандидаты и назначении на воеводскую должность возраст, чины, даваемые за время службы, и другие составляющие имели определенное значение в процедуре отбора и утверждения воевод. Она проходила в несколько этапов. Первоначально Герольдмейстерская контора Сената подбирала кандидатуры на вакантные должности воевод. Будущих управленцев выявляли при так называемых «смотрах», когда чиновники приходили на переосвидетельствование пригодности к службе. Например, в 1744 г. капитан флота Иван Новиков «в Герольдмейстерскую кантору явился и по смотру в Сенате написан к делам»¹. Аналогичное сенатское заключение было вынесено по отношению отставного подполковника А.А. Ходырева, получившего в 1745 г. воеводскую должность в Симбирске².

Еще одним способом попасть в состав областных правителей была подача прошения об определении к службе. В 1738 г. воеводой Цивильска желал стать майор Рогинский³. В 1743 г. И.Т. Камынин, впоследствии сви-яжский воевода, «в Сенате просил, чтоб ево определить к делам»⁴. Иногда в роли ходатаев выступали губернаторы, лоббируя в пользу своего кандидата. В 1777 г. нижегородский губернатор Ступишин предлагал на пост алатыр-ского воеводы подполковника М.С. Белокопытова, указывая на его способ-ности в деле управления⁵. В исключительных случаях на воеводство утвер-ждали высшие сановники. Например, во время Крестьянского войны под предводительством Е.И. Пугачева назначение воевод зависело от графа и главнокомандующего войсками и карательными командами П.И. Панина. По его указанию в декабре 1774 г. полковник А.Я. Плюсков был определен симбирским воеводой⁶.

В Герольдмейстерской конторе наводились различные справки о буду-щем воеводе. Например, в 1733 г. о вновь назначенном на цивильское вое-

---

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 228. Л. 93.

² Там же. Л. 87 об.

³ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 216.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 228. Л. 82.

⁵ Там же. Ф. 286. Оп. 15. Кн. 617. Л. 31–32.

⁶ Там же. Л. 68–68 об.

водство князе М.М. Козловском были собраны следующие сведения. Он родился в 1693 г., был «испомещен в Московском, Углицком, Костромском и Луховском уездах», владел 377 душами. Помещичья резиденция находилась в Московском уезде в сельце Архаповке, а также имелась квартира в Санкт-Петербурге на Васильевском острове в доме С. Свиньина¹. Далее узнаем, что его отец князь М.А. Козловский был стольником. В 1712 г. Михаил был «в службу написан из недорослей» в Устюжский пехотный полк, служил в Угличском пехотном полку, где и был зачислен в унтер-офицеры. В 1713–1714 гг. он награжден чинами подпоручика и поручика, в 1728 г. стал капитаном. В 1731 г. М. Козловский «за ранами и болезнями» получил отставку от военной службы. У него были сыновья Михаил (20 лет) и Семен (6 лет)². В документах 1771 г., адресованных в Герольдмейстерскую контору, находим сведения о воеводе Свияжской провинции И.Н. Гневашеве. На свияжское воеводство он заступил в 1769 г. в возрасте 51 года³. Иван Никитич был выходцем их дворянской семьи, владел имением в Вологодском уезде с 45 крестьянами. Свою служебную карьеру начал в 1732 г. кадетом и завершил ее в 1768 г. в полковничьем ранге⁴.

Такие биографические сведения собирались о каждом из кандидатов на пост воеводы, на который могли претендовать от трех и более лиц. Например, в 1729 г. на воеводство в Алатырскую провинцию рассматривались кандидатуры Я.Н. Остафьева, И.Д. Бахметева и Т.Ю. Суходольского. В конечном счете выбор пал на майора Ивана Дмитриевича Бахметева⁵. После отбора на должность воеводы следовало издание сенатского указа. К примеру, капитан А. Заборовский в своем донесении писал, что велено было ему «быть в Свияжской провинции в городе Чебоксарех воеводою и апреля 27 дня про-

---

¹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 520.

² Там же. Ф. 248. Кн. 134. Л. 543–543 об.

³ Корсакова В.Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии. С. 10; РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 646. Л. 5 об.

⁴ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 646. Л. 5 об.

⁵ Там же. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 730. Л. 98 а, 100, 102.

шлого 1727 г. дан мне о том из Высокого Сената печатной указ»¹. В 1733 г. М.М. Козловскому был вручен указ, предписывающий управлять в Цивильске. Свою новую должность он получил лишь после присяги² и утверждения в Кабинете Ее Императорского Величества³.

При изучении воеводского управления нельзя оставить без внимания их и.о. воевод. Основная роль их заключалась в том, чтобы во время отсутствия воеводы или при иных обстоятельствах, временно исполнять воеводские функции. При огромном документопотоке и широких полномочиях значение и.о. воевод возрастало, особенно в уездных воеводских канцеляриях, где должность заместителя воеводы отсутствовала до 1763 г. Как правило, на должности и.о. воевод назначала губернская власть или сами воеводы. Поводами являлись несвоевременное прибытие воеводы на место службы, регулярные служебные командировки и т.д.

В 1727–1728 гг. свияжский дворянин В. Бурцов и цивильский помещик Д.И. Завадский были «правлящими должности воевод» в Чебоксарах и Цивильске и замещали воевод А.Е. и В.В. Заборовских⁴. В 1751 г. секунд-майор Д. Кайсаров принял от воеводы и надворного советника Ф. Шахмамеева управление уездом. Он, являясь и.о. воеводы, дожидался приезда на чебоксарское воеводство князя А.А. Путятин⁵. В течение 1762 г. секунд-майор В. Юрлов и цивильский дворянин А.С. Арцыбышев неоднократно заменяли в Цивильске воеводу и коллежского асессора А. Всеволожского. Так, 29 января 1762 г. по заданию Камер-коллегии последний был вынужден оставить свою должность («для свидетельства за целовальниками, состоящих в Цивильском уезде к продаже при кабаках питья»)⁶. В июне и октябре 1762 г. А. Всеволожский выезжал в Казань, к примеру, «для некоторых... необходимых

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 438.

² РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 580.

³ Сб. ИРИО. СПб, 1899. Т. 106. С. 429, 431.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 28, 41, 443 об.; Областные правители России... С. 332; РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 788. Л. 520.

⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 387. Л. 5; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 52. Л. 31 об.; Д. 54. Л. 26; Д. 55. Л. 14 об.–15.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 28, 34–40.

нужд»¹. С 24 августа по 4 октября 1775 г. и.о. свияжского воеводы был товарищ воеводы И.С. Ильин. В это время воевода А.П. Чириков проводил расследование в отношении козьмодемьянского воеводы Раславлева². 10 июля 1779 г. скоропостижно скончался чебоксарский воевода А.Г. Копылов, и его функции перешли к товарищу воеводе П.Е. Троенкову³.

Нередко и.о. воевод являлись следователи. Они проводили следствие в отношении отстраненного от дел воеводы и управляли уездом или провинцией. К примеру, с сентября 1730 г. по январь 1731 г. на И.Ф. Чирикова были возложены обязанности чебоксарского воеводы. Одновременно он руководил следственной комиссией о воеводе А.Е. Заборовском⁴. В 1733–1737 гг. обязанности воеводы исполнял И.И. Немков – глава следственной комиссии о воеводе Симбирской провинции С.Д. Гурьеве⁵.

Каков же был состав и.о. воевод? Исходя из того, что не всех и.о. воевод удалось выявить и общая картина выглядит неполной, для нас важно было выяснить общую тенденцию их назначения на должности (см. приложение 15). Из 18 и.о. воевод 10 (55,6 %) были в ранге VII–VIII классов по Табели о рангах, а 5 чел. состояли в чинах IX–XIV классов. Чиновничий статус и социальное происхождение 3 оставшихся и.о. воевод отыскать не удалось. В итоге при сравнении данных состава провинциальных и уездных воевод видно стремление губернской власти и центральных учреждений заменить воевод равными по статусу провинции и уезда чиновниками. Если в провинциальных учреждениях воеводами становились служащие с чинами VI–VII классов, а в уездных – VIII–IX рангов, то, сопоставив их, можно заключить, что назначение на должности и.о. воевод было закономерной и соответствующей требованиям местной власти.

Заместители («товарищи») воевод и подьячие с приписью (секретари), как и и.о. воевод, занимали ключевые посты в местной бюрократической

¹ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 169–186, 206, 315–355.

² РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 88. Л. 375–429.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 53. Л. 17; Д. 54. Л. 99 об.

⁴ Областные правители России... С. 686–687.

⁵ Там же. С. 492–493.

вертикали власти. Их руководящее положение было закреплено законодательством, и лишь дворяне могли состоять в чиновниках. Регулирование в сфере гражданской службы ложилось на сотрудников Герольдмейстерской конторы Сената. Товарищи воевод и секретари проходили процедуру учета, отбора и утверждение на должности, аналогичную воеводам.

В 1776 г. в Сенат с челобитьем обратился капитан П.Е. Троенков с тем, чтобы после военной службы трудиться на чиновничьем поприще. Свое желание он мотивировал ухудшением материального положения¹. Будущий чебоксарский товарищ воеводы П.Е. Троенков начал службу в 1761 г. рейтаром в рядах конного полка. За период с 1766 по 1771 гг. он дослужился от ранга «ефрейт-капрала» до чина поручика. 22 сентября 1775 г. был «от военной службы отставлен... с награждением капитанского чина»². Просьба отставного капитана П.Е. Троенкова была удовлетворена, и 19 декабря 1776 г. он вступил на должность товарища воеводы в Чебоксарах³. В послужном списке товарища воеводы А.Н. Меркозина, бывшего в Свияжской провинциальной канцелярии в 1764–1773 гг., указано, что он является выходцем из дворян и за ним числится 8 душ. А вступил на военную службу в 1740 г. и за 19 лет получил военный чин VIII класса по Табели о рангах – секунд-майора, а через год его наградили гражданским рангом коллежского асессора⁴.

Определение на должности секретарей было в компетенции губернаторов и воевод. Они, основываясь на указе Верховного тайного совета от 20 марта 1727 г., осуществляли порядок трудоустройства на должности руководителей канцелярий воеводских учреждений «по своему рассмотрению». Так, в 1728 г. в Чебоксары по указу казанского губернатора на секретарскую должность был определен И. Гривцов⁵. Губернская власть в 1747 г. сменила чебоксарского подьячего с приписью Ф. Перепечина из-за «подозрения и не-

---

¹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 15. Кн. 601. Л. 215–215 об.

² Там же. Л. 215, 216.

³ Там же. Л. 224.

⁴ Там же. Ф. 441. Оп. 1. Д. 646. Л. 5 об.–6.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 142–142 об.

порядочные поступки», отправив в Соликамскую канцелярию. На его место предполагалось поставить козьмодемьянского секретаря И. Сергеева¹.

Должность секретаря была ответственной, поэтому кандидатуры проходили определенный отбор и процедуру утверждения. Секретари должны были иметь большой опыт на делопроизводственном поприще. Так, в 1747 г. в Казанскую губернскую канцелярию с челобитьем вышел канцелярист Цивильской воеводской канцелярии Н. Чеадаев. В заявлении он указал, что «прошлого [1]718 году со определения ево к делам был в разных городех в канцеляриях». За его плечами была работа канцеляристом у судебных и розыскных дел, «во многих годех» у прихода и расхода «прихотчиком и росхотчиком», у Генералитетской переписи и «по камиссии следственных дел». В связи с болезнью в 1746 г. Н. Чеадаеву пришлось бросить секретарскую должность и поселиться в родовом гнезде в Цивильске. Через год после выздоровления он «просил, чтоб ево за оные ево приказные труды определить... в Кузьмодемьянск с приписью подьячим». Его просьба была удовлетворена².

За назначениями товарищей воевод и секретарей строго следил Сенат. Например, 23 апреля 1741 г. вышел сенатский указ, говоривший о смене заместителя свияжского воеводы ассессора Ф. Кухарского дворянином С.Г. Мякишевым³. В 1744 г. Сенат был обеспокоен тем, что губернские и воеводские власти не всегда ответственны при отборе на секретарские должности и не соблюдают существующие требования. В указе говорилось: «в губерниях... обретаютца протоколисты и нотариусы, которые те чины производятся только одними определениями губернаторов и воевод без доклада в Правительствующий сенат. Они ж определяются же и к правлению секретарской должности»⁴. Оказалось, что в Симбирской провинциальной канцелярии в секретари были назначены протоколисты В. Белоусов и

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 211.

² Там же. Л. 211–211 об.

³ Сенатский архив. Т. 3. С. 533–534.

⁴ РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 49. Л. 396.

С. Попов. Они, согласно статусу должности, не имели права быть подьячими с приписью («в губерниях и провинциях протоколистов, актуариусов и регистраторов не положено»)¹.

Сенатская герольдмейстерская контора проводила учет руководителей канцелярий и их продвижение по служебной лестнице, а при определенных заслугах старались награждать чинами. К примеру, секретарь Свияжской провинциальной канцелярии Ф. Горемыкин, из дворян, в 1751 г. получил чин титулярного юнкера Коммерц-коллегии, а в 1757 г. – коллегии-юнкера. В 1758 г., получив ранг коллежского секретаря, был определен на вакантную секретарскую должность в Свияжске. Через 10 лет «за добропорядочную и беспорочную его службу награжден Правительствующим сенатом титулярным советником»². Коллега Ф. Горемыкина И.Г. Ильин (1730 г. р.) находился в должности секретаря в воеводских канцеляриях Алатыря и Ядрина. Он, как и многие канцелярские работники, начинал гражданскую службу с низших должностей. В 1741 г. его определили в копиисты, в 1746 г. он получил работу канцеляриста. Судьба была благосклонна к выходцу из приказных людей. В 1759–1776 гг. Ивана Григорьевича наградили очередными чинами регистратора (актуариуса), коллежского секретаря, титулярного советника³.

Итоговым результатом деятельности местной администрации являлось время службы чиновника. Этот показатель вбирал в себя деловые качества, опыт, профессиональные, возрастные и другие составляющие. Следует оговориться, что законодателем сроки службы неоднократно менялись. В 1730 г. вышел указ о двухлетнем, в 1744 г. – при условии одобрения населения о бессрочном сроке службы воевод⁴. В 1760 г. было решено о пятилетнем исполнении должности провинциального или уездного управленца⁵. Поэтому здесь необходим дифференцированный подход. Следует отметить, что в Ма-

¹ РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 49. Л. 396 об.

² Там же. Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 287.

³ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 197. Л. 11 об.–12; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 604. Л. 91.

⁴ ПСЗ–1. Т. 8. № 5522. 20 марта 1730 г. С. 259–260; Т. 12. № 9084. 5 декабря 1744 г. С. 284.

⁵ ПСЗ–1. Т. 15. № 11131. 26 октября 1760 г. С. 549.

рийском крае, как показали в своих работах исследователи А.Г. Иванов и Е.П. Кузьмин, за 1728–1781 гг. воеводы служили от одного до десяти лет¹.

В 1727–1760 гг. продолжительность службы провинциальных и уездных воевод была устойчивой и в среднем доходила двух-трех лет. Например, в Алатырской провинции воеводами были П.Я. Левашов (1727–1729), И.Д. Бахметев (1729–1730), Д.Д. Лукин (1731–1732), Ф.Г. Ляпунов (1732–1735), А.В. Потемкин (1735–1737), Г.С. Фефилов (1737–1739), Н.П. Остафьев (1739–1741), И.А. Волчков (1741–1743), И. Новиков (1745–1747), Ф.Г. Шишкин (1746–1747)². В Курмыше правили уездные воеводы И.В. Лачинов (1727–1730), И.М. Шипилов (1730–1731), В.М. Ресин (1731–1733), А.С. Извеков (1733–1736), Я.М. Долбилов (1736–1738), И.Ю. Бахметев (1738–1740), И.Т. Ергольский (1740–1742), Я.Б. Еропкин (1744–1745), А.А. Трегубов (1750–1754)³.

Сроки прохождения прерывались в связи со смертью воеводы или продлевались на следующее двухлетие ввиду ходатайства населения и согласно букве закона. Из приведенного выше списка, например, алатырские воеводы П.Я. Левашов (в «[1]729-м году умре») и Г.С. Фефилов (умер 4.01.1739) скончались на своих служебных местах⁴. Продление срока службы по просьбе населения происходило очень редко, тем не менее, порядочные администраторы в Чувашии все же были. В их числе чебоксарский воевода П. Матюшкин, который управлял уездом с 1742 по 1744 гг. Ему «по прошению обывателей велено быть воеводой до 1746 г.», и он находился на этой должности до конца продленного срока⁵. Сенатский указ от 5 декабря 1744 г. гласил, чтобы воевод Свияжской провинции И.Т. Комынина и Ядринского уезда

¹ Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков... С. 94; Кузьмин Е.П. Воеводская власть и управление в Марийском крае в XVIII веке. С. 87–88.

² Областные правители России... С. 198, 256, 418–419, 434, 440–441, 513, 541, 657; Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Провинциальные и уездные городские воеводы по данным ведомости 1745 года // Марийский археографический вестник. 2013. № 23. С. 124.

³ Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Указ. соч. С. 116, 124, 126; Областные правители России... С. 199, 299–300, 319, 347, 418, 557, 703.

⁴ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 1028; Кн. 910. Л. 1. об.

⁵ Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Указ. соч. С. 122.

А.И. Львова служить «еще по два года». Такое решение Сенат вынес на основании челобитен жителей управляемых воеводами территорий¹.

С 1760-х по 1780 г. воеводы находились у руля управления от пяти и более лет. К примеру, пятилетнюю службу несли симбирский воевода А.Я. Плюсков (1774–1778) и воевода Чебоксар Д.Н. Чуфаровский (1769–1773). Около шести-семи лет свияжскими воеводами являлись И.Н. Гневашев (1769–1774) и А.П. Чириков (1774–1780), чебоксарский и курмышский воеводы А.Г. Копылов (1774–1779) и Д.Я. Насакин (1775–1780), ядринский комиссар И.Д. Стечкин (1768–1773)². По девять лет Ядринским и Курмышским уездами правили комиссар Л.И. Лихутин (1773–1781) и воевода И.М. Завалишин (1765–1773), а Симбирской провинциальной канцелярией руководил воевода Н.В. Панов (1765–1773)³.

Сенат, как и в случае с приемом на гражданскую службу, рассматривал челобитные чиновников об отставке. Например, в марте 1742 г. бил челом свияжский воевода и коллежский советник Б.И. Ярцов. Он просил, чтобы «от штатских дел оставить вечно, ибо чрез продолжительную... службу пришел в совершенную слабость»⁴. В 1773 г. комиссар Ядринского уезда И.Д. Стечкин в челобитной писал, что 21 декабря 1768 г. он был определен для несения

¹ ПСЗ–1. Т. 12. № 9084. 5 декабря 1744 г. С. 284.

² РГАДА. Ф. 286. Оп. 15. Кн. 617. Л. 68–68 об.; Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 297, 379; Д. 87. Л. 1, 61, 63–554; Д. 92 а. Л. 1, 163–304, 427; Д. 646. Л. 5 об.; Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 11 об.; Ф. 2. Оп. 1. Д. 133. Л. 22; Д. 134. Л. 7; Д. 135. Л. 3, 12; Оп. 2. Д. 6. Л. 28; Д. 53. Л. 17; Д. 54. Л. 99 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 155. Л. 30; Месяцослов ... 1772. СПб., [Б. г.]. С. 186, 188–189; Месяцослов ... 1773. СПб., [Б. г.]. С. 171, 174; Месяцослов ... 1775. СПб., [Б. г.]. С. 203, 205; Месяцослов ... 1777. СПб., [Б. г.]. С. 285, 288; Месяцослов ... 1778. СПб., [Б. г.]. С. 314; Месяцослов ... 1779. С. 383–384; Месяцослов ... 1780. СПб., [Б. г.]. С. 415; Корсакова В.Д. Указ. соч. С. 10; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 132, 135, 142, 179, 234, 267–268, 426.

³ ЦА НО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 57. Л. 1–2 об.; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 406. Л. 3; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 930. Л. 7; Адрес-календарь ... 1765. СПб., [Б. г.]. С. 112; Адрес-календарь ... 1766. С. 143, 146; Адрес-календарь ... 1767. С. 155, 159; Месяцослов ... 1772. С. 187, 191; Месяцослов ... 1773. С. 172, 176; Месяцослов ... 1775. С. 201; Месяцослов ... 1777. С. 286; Месяцослов ... 1778. С. 312; ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 195. Л. 152; Д. 246. Л. 2 об.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 796. Л. 68.

«воеводской должности». Далее указал: «за старостию и слабым... здоровьем правящей воеводской должности быть не желаю»¹.

На протяжении существования воеводского управления сроки службы и.о. и товарищей воевод, секретарей были различными. Однако наиболее полную картину можно восстановить по документальным материалам 1760–1780 гг. По ним в Алатырской, Симбирской и Свияжской провинциальных канцеляриях товарищами воевод были от 1 до 2 лет четверо, 4 года служили трое, 9 лет – двое, 10 лет – один². Секретарями трудились 1 год 3 чел., 2 года – 5, 3 года – 3, 6 лет – 3, 7 лет – 2, 10 лет – 1³. В уездных канцеляриях Чебоксар, Курмыша, Цивильска и Ядрина заместители воевод и секретари работали от 1 до 9 лет. При этом товарищей воевод со сроком службы 1 год насчитывалось 2 чел., 2 и 3 года – по 2, 6 лет – 2, 8 и 9 лет – по 1⁴. Секретарскую должность в уездах от 1 года до 2 лет занимали пятеро служащих, 6 лет – двое, от 7 и до 8 лет – по одному⁵. Исключением из общей канвы является

¹ РГАДА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

² ОР РНБ. Ф. 1305. Ед. хр. 6. Л. 2 об.; РГАДА. Ф. 286. Оп. 15. Д. 601. Л. 176; Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 297; Д. 87. Л. 19; Д. 88. Л. 375–429; Д. 92 а. Л. 427, 480; Д. 646. Л. 5 об.; Адрес-календарь ... 1765. С. 108, 110, 112; Адрес-календарь ... 1766. С. 143, 145, 146; Адрес-календарь ... 1767. С. 155, 157, 159; Месяцослов ... 1772. С. 187, 188, 191; Месяцослов ... 1773. С. 173, 174, 176; Месяцослов ... 1775. С. 201, 203, 205; Месяцослов ... 1777. С. 288, 285, 291; Месяцослов ... 1778. С. 311, 317; Месяцослов ... 1779. С. 383, 388; Месяцослов ... 1780. С. 415, 420; Месяцослов ... 1781. С. 384; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 398, 406, 413, 429; ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 196. Л. 39 об.; Ф. 545. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

³ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 287–287 об.; Ф. 615. Оп. 1. Д. 95. Л. 13 об.; ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 197. Л. 11 об.–12; Ф. 545. Оп. 1. Д. 6. Л. 21 об.; Адрес-календарь ... 1765. С. 108, 110, 112; Адрес-календарь ... 1766. С. 143, 145, 146; Адрес-календарь ... 1767. С. 155, 157, 159; Месяцослов ... 1772. С. 187, 188, 191; Месяцослов ... 1773. С. 173, 174, 176; Месяцослов ... 1775. С. 201, 203, 205; Месяцослов ... 1777. С. 288, 285, 291; Месяцослов ... 1778. С. 311, 317; Месяцослов ... 1779. С. 383, 388; Месяцослов ... 1780. С. 415, 420; Месяцослов ... 1781. С. 384.

⁴ РГАДА. Ф. 286. Оп. 15. Кн. 601. Л. 215–224; Ф. 441. Оп. 1. Д. 88. Л. 8 об., 13 об., 164–164 об.; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 125; Д. 3. Л. 1; Д. 4. Л. 57 об.; Ф. 2. Оп. 1. Д. 135. Л. 51 об.; Д. 147. Л. 2; Оп. 2. Д. 6. Л. 14; Адрес-календарь ... 1765. С. 108, 110; Адрес-календарь ... 1766. С. 143, 145; Адрес-календарь ... 1767. С. 155, 158; Месяцослов ... 1772. С. 187, 189; Месяцослов ... 1773. С. 172, 174; Месяцослов ... 1775. С. 201, 203; Месяцослов ... 1777. С. 285, 288; Месяцослов ... 1778. С. 314; Месяцослов ... 1779. С. 384; Месяцослов ... 1780. С. 416; Месяцослов ... 1781. С. 384; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 131–132, 166, 193, 205, 212, 218, 290, 378, 417.

⁵ Адрес-календарь ... 1767. С. 158; Месяцослов ... 1772. С. 187, 189; Месяцослов ... 1773. С. 172, 174; Месяцослов ... 1775. С. 201, 203; Месяцослов ... 1777. С. 285, 286, 288; Меся-

пример службы подьячего с приписью Александра Кудрявцова, посвятившего 18 лет жизни работе в Ядринской воеводской (комиссарской) канцелярии¹.

При внимательном рассмотрении показателей видно, что наравне с теми, кто исполнял свои должности несколько лет, были и те, которые удерживались на высоких должностях всего год или два. Причинами, как и в случае с воеводами, выступали личные качества, непрофессионализм, переход на другую более престижную должность, болезни, смерть и т.д. Приведем следующие примеры. В 1729 г. Казанская губернская канцелярия, основываясь на донесении чебоксарского воеводы А.Е. Заборовского о «подозрениях», сняла с должности подьячего с приписью И. Гривцова². По приказу Герольдмейстерской конторы от 13 августа 1729 г. на место товарища воеводы Свияжской провинциальной канцелярии Ф. Секерина определен капитан М. Анчиков. Увольнение первого было связано с «старостию и дряхлостию»³. В 1774 г. во время Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева чебоксарский и цивильский товарищи воевод Вельяминов и Колбецкий были отстранены от должностей «в силу повеления... графа П.И. Панина»⁴.

Таким образом, процедура назначения, увольнения со службы, чиновного производства руководящих должностных лиц провинциальных и уездных администраций проходила согласно общероссийским нормам. Чиновничий состав воеводских учреждений на территории Чувашии отличался неоднородностью, зависящий от уровня управляемой территории – провинции или уезда. Соответственно, провинциальными воеводами становились 5 представителей сановной бюрократии (I разряд – I–V классы по Табели о рангах) и 26 обладателей VI–VIII рангов (II разряд), а в III разряде (IX–XIV класс) бы-

---

цослов ... 1778. С. 312, 314; Месяцослов ... 1779. С. 384; Месяцослов ... 1780. С. 416; Месяцослов ... 1781. С. 384; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 57 об.; Ф. 2. Оп. 2. Д. 53. Л. 242; Ф. 3. Оп. 1. Д. 197. Л. 11 об.–12;

¹ Месяцослов ... 1772. С. 186; ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л. 3, 5, 10; Д. 96. Л. 2.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 90 об.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 730. Л. 257–258.

⁴ Там же. Ф. 441. Оп. 1. Д. 88. Л. 8 об., 13 об.

ли всего 5 чел.¹ В уездах на воеводство заступали только из II–III разрядов (по 23 раза соответственно).

На территории Чувашии управлять провинциями и уездами дворян направляли из различных уголков империи. Причиной такой необходимости служило и то, что на указанной территории дворян было мало², и они не могли сформировать «местный» кадровый резерв управленцев, как это было в Сибири³ или других великорусских регионах. В основе своей воеводы являлись отставными военными, нежели выходцами из гражданских чинов. Опытных воевод старше 50 лет старались назначать в провинциальные канцелярии, а на уездное воеводство – в возрасте от 30 до 50 лет. Срок службы воевод, заместителей воевод, секретарей и и.о. воевод определялся деловыми качествами, опытом работы и различными критериями оценки служебной деятельности.

2.2. Приказные люди: численность, состав и структура

Аппарат органов воеводского управления составляли канцелярские служители и низшее звено служащих – рассыльщики (штатная команда) и сторожи. В многонациональной среде Чувашии нельзя было обойтись без штата толмачей, которые играли важную роль в системе воеводского управления.

На протяжении XVIII в. неоднократно менялись штаты служащих как центральных, так и местных учреждений. В 1763 г. царская власть, определила без учета размера управляемой территории и плотности населения при-

---

¹ Деление на разряды по С.М. Троицкому: См.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. ... С. 170–175.

² По приблизительным данным, на территории Чувашии проживало не более 200 чел. обо-его пола (См.: Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 46).

³ См.: Ананьев Д.А. Указ. соч. С. 179–192.

близительно одинаковое число служащих в соответствующих уровнях местного управления.

Численный состав уездных и провинциальных воеводских канцелярий был различен. Законодательные акты регламентировали численность, состав и функции канцелярских служащих. До утверждения Штатов 1763 г. действовало ранее принятое штатное расписание местных государственных служащих (1732 г.)¹. Так, в декабре 1762 г. согласно указу Сената велено в Ядринской канцелярии в «приписных городах по штату быть приказных служителей по десети человек»². В июле 1764 г. присутствие данного учреждения ознакомилось с другим законодательным актом. В нем было сказано: «по вновь определенным штатом... надлежит быть по Ядринской канцелярии канцеляристом трем, подканцеляристом четырем, копеистом четырем же»³. В итоге в уездных воеводских канцеляриях Чувашии штат состоял из 11 чел., а в провинциальных – из 16 (1 протоколист, 1 регистратор, 4 канцеляриста и по 5 подканцеляристов с копиистами)⁴.

По имеющимся архивным материалам, численность в уездных воеводских органах управления, например, Чебоксарах, Цивильске и Ядрине была непостоянной. По подсчетам в Чебоксарской воеводской канцелярии среднестатистическое число приказных служащих равнялось 10,5 чел., в Цивильской – 9,5 чел., в Ядринской – 9,0 чел., а соотношение канцеляристов, подканцеляристов и копиистов составляло соответственно 9 (31 %) и по 10 чел. (по 34,5%)⁵. Эти данные мало чем отличались от штатной численности приказных людей в Царевококшайской воеводской канцелярии (в 1750–1781 гг. их количество варьировалось от 6 до 14 чел.)⁶.

---

¹ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 277.

² ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 231.

³ Там же. Д. 135. Л. 17 об.

⁴ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 277.

⁵ Басманцев Д.В. Уездные воеводские канцелярии на территории Чувашии в 1727–1781 годах: численность служащих, их состав и функции // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Чебоксары, 2013. Вып. 2. С. 27.

⁶ Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков... С. 58–59.

В провинциальных воеводских канцеляриях была иная картина. По данным И.К. Кирилова, к 1727 г. в канцеляриях Алатыря, Симбирска и Свияжска было по 9 приказных служителей¹. В 1730-е гг. в Алатырской провинциальной канцелярии, кроме штатных работников, многие оказались «не у дел». Однако показатели постоянно менялись то вниз, то вверх. Если в 1735 г. в Алатырской канцелярии было 3 канцеляриста, 8 подканцеляристов и 5 копиистов, то в 1738 г. их количественный состав изменился. За три года на 3 чел. стало больше канцеляристов, но в то же время наполовину сократился штат подканцеляристов. Количество копиистов резко возросло до 11 чел., пятеро из них были приняты, видимо, сверх штата, «за умалением приказных служителей»². Все же тенденция к снижению сохранилась и оставалась и во второй половине XVIII в. В 1767 г. в провинциальной воеводской канцелярии Алатыря служило всего 18 приказных³. В Свияжской провинциальной канцелярии, например, в 1772 г., по сравнению с общим количеством штатного расписания 1730–1740-х гг., число приказных служителей значительно уменьшилось (с 37 до 17 чел.)⁴. Во второй половине XVIII столетия состав приказных людей изменился в сторону убыли. В 1754 г. численность свияжских приказнослужителей составляла 26 чел., в том числе канцеляристов было 9, подканцеляристов – 6, копиистов – 11. Их соотношение выглядело следующим образом: 1,6 : 1 : 2⁵. В 1767 г. в Симбирской воеводской канцелярии было 6 канцеляристов и по 5 подканцеляристов с копиистами⁶.

В провинциальных учреждениях количественный состав был больше, чем в уездных воеводских канцеляриях. Это объяснялось тем, каким количеством уездных центров они управляли. К примеру, к Свияжской провинции были отнесены 8 городов, а в ведомстве Алатырской и Симбирской канцеля-

¹ Кирилов И.К. Указ. соч. С. 211, 221, 236.

² РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 168. Л. 313–314; Кн. 901. Л. 829–830 об.

³ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 774. Л. 8.

⁴ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 326; РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 297–297 об.; Д. 181. Л. 1 об., 5 об.–8, 13–17 об.

⁵ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 1 об., 5 об.–8, 13–17 об.

⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 930. Л. 7.

рий находилось всего по 2 города¹. Соответственно, чем выше был по статусу орган местного управления, тем более возрастал груз делопроизводства у канцелярских работников. В комплексе они играли большую роль не только в определении численности аппарата воеводских учреждений, но и формировании структуры канцелярии и исполнении функций должностными лицами.

По Наказу 1728 г. воевода должен был вести основные направления деятельности учреждения при помощи канцелярии, которая делилась на столы и повытья. Обязанности приказных людей распределялись на «судные и розыскные дела или счета и прочее им подобное»². Видимо четких регламентаций по поводу того, на какие столы и повытья необходимо разделить делопроизводственные дела в канцелярии, не существовало. Свои коррективы в этом вопросе вносили сами воеводы, ежегодно перераспределяя должностные обязанности приказных. В канцеляриях столы и повытья назывались по-разному: приходно-расходный и прочих сборов, судный, протокольный, камер-коллежский, соляной, провиантский и т.п.³

Эффективность работы канцелярии во многом зависела от количества канцелярских служащих и их профессиональной подготовленности. Ответственность по определению на канцелярскую службу ложилась на плечи местной власти, отчасти нехватка кадров восполнялась за счет центральных учреждений. Отсюда социальный состав приказных людей, в отличие от большинства областных правителей и других представителей воеводской администрации, был неоднороден. Вплоть до 1764 г. правительством целенаправленный учет работников канцелярий не проводился, поэтому сохранились лишь послужные списки отдельных делопроизводителей. В 1764–1781 гг. канцелярии ежегодно отчитывались перед Герольдмейстерской конторой Сената.

---

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 720. Л. 16 об.

² ПСЗ–1. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. Пункты 4, 21–23. С. 96, 102–104.

³ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 168. Л. 313–314; Кн. 910. Л. 829–830; Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 5 об.–8, 13–17 об., 20–22, 34–35, 58–59; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 54. Л. 79–79 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 284–284 об.; Д. 195. Л. 152.

Для зачисления на статскую службу необходимо было обратиться с просьбой к представителям власти. Так, в 1731 г. в Чебоксарскую воеводскую канцелярию поступила челобитная от подьячего И.И. Турченинова. В своем обращении он указывал, что его отец был «приказной человек». Приказному делу обучался в Московской полицмейстерской конторе, в 1727 г. был оставлен в ее штате копиистом. В 1729 г. из-за болезни ему пришлось уйти с работы. В 1731 г. он обрелся в Чебоксарской воеводской канцелярии «праздно» и просил о зачислении в канцеляристы. Воеводская администрация, исходя из нехватки рабочих рук, приняла И.И. Турченинова в штат канцелярии¹.

Одним из главных критериев при определении на тот или иной ответственный пост в канцелярии выступал опыт делопроизводства. К примеру, у 25-летнего канцеляриста Чебоксарской воеводской канцелярии Андрея Рыбенского (1704 г. р.) была богатая трудовая биография. Выходец из старых подьячих успел с 1717 по 1720 г. быть «пищиком» в доле ландрата Ф. Норманского, в 1720–1722 гг. – копиистом Казанской губернской канцелярии, где определен «был при делах у щету таможенных и кабацких бурмистров». В 1722 г. его взяли в Переписную канцелярию для переосвидетельствования душ мужского пола. Получив должность подканцеляриста в 1723 г., продолжил свою деятельность в канцелярии до 1725 г. В последующем А. Рыбенский, будучи земским писарем, был переведен в Чебоксарский дистрикт на штабной двор Казанского драгунского полка (1725–1727 гг.) и в Свияжскую провинциальную канцелярию (1727–1729 гг.) для сбора подушных денег. В 1729 г., до поступления в Чебоксарскую канцелярию, его наградили очередным приказным чином канцеляриста². Схожая служебная карьера сложилась у коллег А. Рыбенского – канцеляристов Ф.И. Кокшайского и И. Петрова, подканцеляриста И.Н. Тарбеева³. Продвижение канцелярских служителей по карьерной лестнице и передача канцелярской профессии из поколения в по-

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1. Л. 33.

² Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 154–154 об.

³ Там же. Л. 155–155 об., 170–170 об., 185–185 об.

коление прослеживаются в послужных списках и различных учетных материалах (см. приложения 16–19).

С канцелярской службы можно было уйти по собственному желанию, имея на то веские причины. Так, канцелярист Свияжской провинциальной канцелярии Я.И. Зиновьев решил уволиться. В своем заявлении указал, что в рядах приказных людей состоял с 1740 г. и постепенно дослужился до канцеляристского чина. В июне 1758 г. с ним случилась беда – он находился «в превеликой тяжкой горячке». Через год после медицинского освидетельствования лекарем Казанского губернского магистрата Лотгансом он оставил работу¹. Из-за болезней на положении Я.И. Зиновьева оказались свияжские канцеляристы А.Д. Денисов и В.Н. Зубарев. Со слов В.Н. Зубарева видно, что он у приказного дела был в 1724–1762 гг. и по причине болезни («по прошению моему») Сенатом был отпущен «на свое пропитание»².

Не только просьбы об отставке влекли за собой изменения в личном составе приказных служащих воеводских канцелярий, но и ряд других важных причин. В XVIII в. была распространена практика перевода приказных людей из одной канцелярии в другие местные учреждения «в не продолжительное время» для выполнения текущего делопроизводства, разбора архива, сбора подушных податей и т.д.³

Восполнение канцелярских служащих вышестоящих учреждений за счет нижестоящих порождало в последних нехватку рабочих рук. В меньшей степени на общем составе служащих сказывались выезды канцелярских чиновников в центральные и другие вышестоящие инстанции, нахождение под следствием, привлечение их к суду, увольнения. Нередко должностным лицам приходилось выезжать по делам канцелярии в губернские канцелярии и центральные учреждения. Причиной нехватки служащих воеводских канцелярий являлись и следственные действия в отношении них, чаще всего по расходам денежных средств, за различные «подозрения» и т.п. Старость, бо-

¹ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 304. Л. 1–2.

² Там же. Д. 646. Л. 20, 21.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 127; Д. 31. Л. 216; Ф. 3. Оп. 1. Д. 235. Л. 63.

лезни и естественная убыль должностных лиц также создавали дефицит чиновничьих кадров. Эти и ряд других факторов порождали определенные делопроизводственные издержки в канцеляриях, заставляя воевод неоднократно обращаться в вышестоящие инстанции¹.

Как уже можно было заметить, социальный состав служащих канцелярий был неоднороден. Если в секретари, не говоря о руководящем составе, назначали из дворян, а в штатную команду и сторожи – из «прежних служб» и отставных солдат, то социальное происхождение местных приказных служителей не до конца выяснено, и изучение этого вопроса вызывает большой интерес.

Нами изучен социальный состав 41 канцелярского служителя воеводских канцелярий Свияжска, Цивильска и Чебоксар за 1753 г. (см. приложение 20). Выяснилось, что 75,6 % из них являлись детьми из подьяческих семей. Остальные 24,4 % делили между собой выходцы из однодворцев, солдат, священно- и церковнослужителей, даже из толмачей. В штате провинциальной канцелярии практически все были из корпорации приказных людей (95,8 %), а в уездных канцеляриях они составляли всего 47,1 %. Выявленная нами тенденция прослеживается повсеместно, например, как и в Марийском крае², и имела сходства с общероссийскими показателями. В 1755 г. в местном управлении, по данным С.М. Троицкого, свыше 85 % из 4075 чел. были из недворян. Из них более 58 % отнесли себя к выходцам из приказных людей, около 7 % – солдат, рейтар и драгун, по 6 % – разночинцев и церковников. Оставшиеся социальные группы не превышали 1–2 % от общей численности чиновников не из дворян (однодворцы, купцы, посадские люди, казаки и т.д.)³.

Все эти наблюдения наводят на мысль, что к середине XVIII столетия местная чиновничья среда была на стадии формирования. Этот процесс

---

¹ Басманцев Д.В. Уездные воеводские канцелярии на территории Чувашии в 1727–1781 годах... С. 25–26.

² Кузьмин Е.П. Воеводская власть и управление в Марийском крае в XVIII веке. С. 105–106.

³ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. ... С. 213–214.

начался еще в первой четверти XVIII в. и постоянно пополнялся новым содержанием вплоть до известных реформ Екатерины II в 1775 г. Приведем обзор имеющейся в нашем распоряжении совокупности архивных материалов.

В 1729 г. приказные служители Чебоксарской воеводской канцелярии подали вновь прибывшему воеводе А.Е. Заборовскому сказки о возрасте, награждении приказными чинами, социальном происхождении, детях. В должности канцеляристов, подканцеляристов и копиистов были служители из «старых подьячих», рейтар, солдат, пушкарей¹. В 1748 г. был составлен реестр подьячих по Свияжской провинции, положенных в подушной оклад. Среди них оказались представители бобылей, «недействительных подьячих, пищиков»².

Важно отметить, что сказки давались самими должностными лицами канцелярий и, в связи с отсутствием централизованного учета приказных людей, «вчерашние» неподьяческие дети легко проникали в среду канцелярских служителей. А их отпрыски в сказках старались не указывать прежнее социальное положение отца или деда и записывались как «ис подьяческих детей». Нередко информация о социальном происхождении искажалась или вообще была недостоверной, а порой, по стечению обстоятельств, потомственные канцелярские работники оказывались в числе представителей «крапивного семени». Например, в послужном списке 1753 г. чебоксарский канцелярист В.П. Рязанов причислил себя к числу «изстари приказных чинов». Однако в реестре 1748 г. В.П. Рязанов был показан выходцем из «чебоксарских городских бобылей». В связи с этим его определили в состав чебоксарского купечества³. После смерти ядринского канцеляриста И.С. Коровина остались его малолетние дети. Они были «положены подушной оклад обще города Ядрина с салдатскими детьми»⁴. Цивильские подьячие Чеадаевы уже к сере-

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 154–155 об., 169–170 об., 185–186.

² Там же. Д. 40. Л. 188–189 об., 379–380.

³ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 34–35, 58–59; НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Димитриева. Т. 20. Л. 10 об.–11; Т. 48. Л. 44; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 188, 379.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 421–422.

дине XVIII в. стали считать себя подьяческими детьми¹. При генеалогических изысканиях становится явным, что их дед Илья Чеадаев был одним из состоятельных посадских людей Цивильска².

Центру становилось известно, что в сказках канцелярские служители не всегда указывали точные сведения о своем социальном происхождении. Поэтому без базы данных о чиновниках нельзя было осуществить контроль в области государственной службы. Так, в указе, поступившем в Свияжскую провинциальную канцелярию 9 мая 1771 г. читаем: «некоторые [канцелярские служащие] положенные в подушной оклад не только под разными подлогами выключая себя из оного присвояют дворянское достоинство, да и других подобных себе, исключая [из подушного оклада], записывают в приказной чин»³. Основываясь только на том, что у служащего был приказной чин, невозможно было ни определить его социальное происхождение, ни разобраться вопросом о включении его в подушной оклад. Так, И. Поляков, по национальности «из малороссиян», был в «шведскую войну великорусскими людьми взят», видимо, в плен и оказался в 1721 г. в Чебоксарах. В 1733 г. его зачислили в «действительные канцеляристы». До 1740-х гг. он и его сын писчик Чебоксарской воеводской канцелярии Василий были положены в подушной оклад в д. Вторая Турунова Чебоксарского уезда. В деревне они владели усадебной и пашенной землями и санными покосами⁴.

Централизованный учет канцелярских служащих начал претворяться в жизнь еще с 1764 г. Для этой цели был создан типовой формуляр⁵. Из формулярного списка 1774 г. узнаем, что канцеляристу С. Лукину 32 года, по социальному – являлся из подьяческих детей. В июне 1761 г. занимал должность копииста, в 1762 г. был повышен приказным чином подканцеляриста, а 10 марта 1771 г. стал канцеляристом. Однако в 1774 г. за несвоевременное

¹ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 20 об., 22.

² Там же. Ф. 248. Оп. 106. Кн. 439. Л. 142–142 об.

³ Там же. Ф. 441. Оп. 1. Д. 646. Л. 1.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 59. Л. 61, 100–100 об.; Д. 75. Л. 2–4.

⁵ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII–XX века. М., 2000. С. 43; ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 197.

исполнение заданий «наказан сперва палкою, а потом батожем». По мнению комиссарской администрации, С. Лукин, несмотря на наказания палкой и батожем, «к продолжению статской службы способен и к повышению чинам достоин»¹. Сын подьячего 38-летний Николай Дьяконов пошел по стопам отца, став в 1751 г. писчиком, а в 1769 г. – подканцеляристом Ядринской воеводской канцелярии².

Интересен анализ динамики численности низших служителей воеводских канцелярий – рассыльщиков (см. приложение 21) и сторожей. По реформе 1727 г. рассыльщики появились в провинциях, а в 1732 г. и в уездных городах Российской империи³. Согласно Штатам 1732 г. число рассыльщиков в уездных городах, как показано в приложении 10, доходило до 25–30 чел. В провинциальных канцеляриях их было больше в несколько раз⁴. Обращает на себя внимание то, что в уездных канцеляриях количество военного персонала было практически одинаковым с численностью их в провинциальных городах. Количественный состав рассыльщиков Симбирска и Свияжска равнялся 84 и 72 чел. соответственно. В Алатыре их насчитывалось всего 30. Здесь учитывался, видимо, фактор размеров управляемой территории, точнее, сколько было подведомственных провинциальному центру уездных городов. Так, Алатырская канцелярия управляла всего двумя уездными центрами, что в количественном отношении уступала Свияжску и Симбирску с пригородами.

В 1763 г. рассыльщики вошли в состав штатных команд⁵. По Штатам 1763 г. общая численность воинских команд в провинциальных городах должна была составить 57, а в уездных – 29 чел. Уездные штатные команды укомплектовывались из подпоручика и сержанта, 2 капралов, 24 рядовых

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 197. Л. 12 об.–13.

² Там же. Л. 17 об.–18.

³ ПСЗ–1. Т. 8. № 6233. 19 октября 1732 г. С. 955–956.

⁴ Там же. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отдел 4. № 6233. 19 октября 1732 г. С. 22–24.

⁵ Готье Ю.В. Указ. соч. Т. 1. С. 319.

солдат и барабанщика¹. Руководящий состав воинской команды в провинции был выше и состоял из поручика, 2 сержантов и 4 капралов. Им подчинялись 48 солдат и барабанщик.

Одинаковый штат рассыльщиков упростил процедуру дифференцированного определения численности служащих. Поэтому, например, в Алатыре количество служащих воинской команды возросло с 30 до 57. Незначительный рост произошел и в уездах. По данным на 1767 г., общая численность канцелярских штатных военных в Алатырской провинции составляла 114 чел., то есть «военных чинов при канцелярии» Ядрина и Курмыша было 29 и 28, а в Алатыре – 57². В аналогичный период в Симбирской воеводской канцелярии также служили 57 сотрудников. Однако количественный состав немного отличался. В данном случае, кроме поручика, 2 сержантов, 4 капралов, 48 рядовых и барабанщика, в штате был медицинский работник – «фелшер»³. Из ведомости 1768 г.⁴ видно, что «военных в штатной роте» Алатырской провинциальной канцелярии числилось всего 51 чел. (1 капитан, 2 сержанта, 1 сержант на капральской должности, 4 капрала, 42 рядовых, 1 барабанщик).

Численность штатных команд Чувашии не соответствовала предъявляемым законом нормам. Наглядно об этом можно убедиться, обратившись к материалам уездных канцелярий. В 1747 г. из 30 рассыльщиков Чебоксарской воеводской канцелярии «выбыло в подушной оклад и померло 10 человек»⁵. Дефицит рассыльщиков был устранен с помощью сверхштатных служащих Цивильска, которые продолжали служить еще в 1750-х гг.⁶. Число штатной команды Ядринской воеводской канцелярии в декабре 1763 г. равнялось 25 чел. вместо требующихся 29. Нехватка военнослужащих наблюда-

¹ ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отдел 4. № 11991. 15 декабря 1763 г. Таблица IX. С. 70.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 774. Л. 8.

³ Там же. Д. 930. Л. 7.

⁴ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 725. Л. 2; Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 326.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 270–270 об.

⁶ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 387. Л. 10; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 49. Л. 494 об.

лась и в Чебоксарской и Цивильской штатных командах. Например, в 1773 г. штатная команда г. Цивильска была доведена до 25 чел., а в Чебоксарах в 1774 г. и 1778 г. она оставалась в количестве 26 и 27 чел.¹ В 1775–1778 гг. число солдат в штатных командах в уездных городах Чувашии доходило до 29–32 чел.²

Среднестатистическое число военных в 1762–1778 гг. в Чебоксарах равнялось 28 чел., Цивильске – 26 чел., Ядрине – 24 чел.³ В них нехватка военнослужащих с учетом штатов 1763 г. составляла от 1 до 5 чел. (в основном из рядового состава). Для сравнения: численность рассыльщиков при Царевококшайской воеводской канцелярии все-таки приблизительно соответствовала предусмотренному 1763 г. штатному расписанию⁴.

Штат рассыльщиков в основном набирали из отставных солдат. Специальный учет и отбор рассыльщиков не проводился. Конечно, были отдельные случаи составления ведомостей штата воинской команды для губернской или центральной власти. По указу 1732 г. разрешалось в штат «ввести отставных из службы, кои ныне есть и в подушной оклад не положены и живут в городах и уездах»⁵. Дети рассыльщиков состояли «на вакансии», чтобы по достижении возраста их можно было определить в штатную команду. К примеру, в 1748 г. детей рассыльщиков «на вакансии» в Чебоксарах было 15. Отставных солдат и солдатских детей на штатную должность рассыльщика определял воевода⁶. Набор солдат в штатные команды кроме воевод осуществляли также губернские и центральные военные учреждения⁷.

¹ Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 326; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 57–58 об.; Ф. 2. Оп. 2. Д. 6. Л. 28; Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 452 об.

² ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 57–58 об.; Ф. 2. Оп. 2. Д. 41. Л. 298; Ф. 3. Оп. 1. Д. 199. Л. 30; НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Дмитриева. Т. 58. Л. 27 об.

³ Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 326; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 29; Д. 4. Л. 57–58 об.; Ф. 2. Оп. 2. Д. 6. Л. 28; Д. 41. Л. 298; Д. 54. Л. 99 об.–100 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 192 об., 288, 357, 452 об.; НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Дмитриева. Т. 58. Л. 27 об.

⁴ Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков... С. 59–60.

⁵ ПСЗ–1. Т. 8. № 6233. 19 октября 1732 г. С. 956; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 36.

⁶ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 387. Л. 10; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 77, 90;

⁷ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 19. Л. 63–63 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 192 об.

Руководящий состав штатной команды состоял из отставных военных, имевших обер- или унтер-офицерские чины. В послужных списках военных записывались сведения о времени поступления на службу, получении военных званий, участии в боевых действиях и т.д. Так, в формулярном списке сержанта штатной команды Чебоксар Е.А. Киселева осталась подробная информация о его служебной деятельности. Он родился в 1696 г., 2 декабря 1727 г. встал в ряды военнослужащих, участвовал в военных кампаниях против Турции, Швеции, был ранен. До перехода в 1760 г. на статскую службу рассыльщиком Чебоксарской воеводской канцелярии Киселев дослужился до звания каптенармуса (1744 г.) и «в бытность свое при той канцелярии в 765 году июня 5 числа награжден сержантом». Дополнительно в послужном списке указано, что он женат, грамоте «не умеет», в наказаниях, штрафах и подозрениях не бывал¹. Другой сотрудник штатной команды Чебоксарской воеводской команды Иван Целышев был 1716 г. рождения, выходцем из дворцовых крестьян. Он вступил на военную службу 15 сентября 1742 г., в последующем в 1760-х гг. стал участником боевых сражений в Пруссии, где был ранен «в обе ноги на вылет пулями»². Подпоручик К. Санинский, зачисленный в штат чебоксарских рассыльщиков, до отставки был военным и служил в пограничном батальоне в Санкт-Петербурге. В формулярном списке указана следующая информация: 1737 г. рождения, из обер-офицерских детей, вступил на службу 27 декабря 1754 г. и служил ротным писарем. За всю порядочную служебную карьеру дослужился до чина подпоручика, «грамоте умеет»³.

Причинами недостатка военных, как для всего состава воеводского аппарата управления, служили старость, естественная убыль и т.д.⁴

Основными функциями рассыльщиков наряду с выполнением поручений воеводской администрации являлись полицейский надзор, сбор подуш-

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 2, 4, 6.

² Там же. Оп. 2. Д. 19. Л. 63–63 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 142. Л. 74–80.

⁴ Там же. Д. 13. Л. 68.

ной подати. Из указа 1732 г., например, явствует, что рассыльщики свою службу должны были нести в воеводских канцеляриях на караулах, в «посылках за казною и для других дел»¹. Так, в мае 1734 г. Свияжская провинциальная канцелярия просила чебоксарского воеводу дать рассыльщиков «для отводу на Закамскую линию работников»². В январе 1738 г. Чебоксарской воеводской канцелярией было решено поручить капралу А. Лаптеву с двумя рассыльщиками взять под караул бургомистра «с товарищи» Чебоксарской ратуши. При этом капралу с рассыльщиками велено было «понуждать» их в составлении ведомостей и счетов. В 1747 г. в Алатырской провинциальной канцелярии было 18 рассыльщиков. Их служебные функции были распределены следующим образом. В караулах при канцелярии и денежной казне находилось 4 чел., при тюрьме – 8, «для охранения воеводского двора» – 3. Остальные 3 чел. болели и не могли нести караульную службу³. В 1751 г. рассыльщики И. Ершов и Д. Беспалов были отправлены Чебоксарской канцелярией для сыска и поимки чебоксарского канцеляриста Н. Семенова, сбегавшего с денежной казною канцелярии⁴.

Обязанности штатной команды не отличались от функций прежних рассыльщиков и других воинских отрядов. Из ведомости военных чинов Чебоксарской штатной команды за 1774 г. следует, что в компетенцию прапорщика входило содержание караулов; сержант с одним солдатом находился в Чебоксарском уезде для «постановлении виселиц, глаголей». Другой сержант, состоящий на капральском окладе, был определен при воеводской канцелярии; каптенармус, капрал и три солдата были назначены для взыскания недоимок, подушных и оброчных денег, сыска рекрутов. Остальные солдаты находились в различных командировках, в караулах, на почтовом дворе при содержании постовых лошадей, препровождении заключенных. Под барабанный бой оглашались царские указы, приводились в исполнение публич-

---

¹ ПСЗ–1. Т. 8. № 6233. 19 октября 1732 г. С. 956.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 29.

³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 269. Л. 10 об.–11.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 15 об.; Д. 73. Л. 7, 8.

ные наказания по судебным решениям, происходило этапирование колодников в тюрьмы, на каторжные работы в Сибирь¹.

Штат сторожей уездных воеводских канцелярий в Чувашии состоял из одного человека, а провинциальных – из двух. Например, по свидетельству И.К. Кирилова, в 1727 г. в Свяжске, Симбирске и Алатыре сторожей числилось по 2 чел.² Указанный количественный состав сторожей просуществовал на протяжении деятельности воеводских учреждений. Повторное закрепление их численности получило в Штатах 1763 г.³ Личный состав сторожей был представлен в основном отставными солдатами. Например, на протяжении многих лет должности канцелярских сторожей в Чебоксарах исполняли А. Тяпкин, Ф. Кирилов (Курилов), в Цивильске и Ядрине сторожевую службу несли И. Кислов, А. Новокрещенов, М. Шашков и др.⁴ Их штат пополнялся за счет престарелых солдат штатной команды. Они также несли караул в будках при городских пикетах. Так, из материалов Ядринской воеводской канцелярии видно, что 31 декабря 1771 г. сторож А. Новокрещенов как «человек здоровей и салдатскую службу нести может» должен был уступить свое место штатному солдату М. Шашкову, так как последний «лет престарелых и тое должность править может». В апреле 1779 г. присутствие Ядринской канцелярии заслушало обращение городничего С. Алофриева о том, что в одном из пикетов Ядрина, расположенного вблизи воеводской канцелярии, караульщиками состояли отставной солдат Т. Горшков и мещанин Васильев. Городничий докладывал, что солдат Т. Горшков «весьма стар, глух и глазами почти не видит, а другой мещанин Василев престарелой же и совсем слаб»⁵.

Чувашия, как и все Среднее Поволжье, отличалась многонациональным составом населения. По сравнению с великорусскими уездами здесь

¹ ГИА ЧР. Оп. 2. Д. 6. Л. 27; Д. 41. Л. 196 об.

² Кирилов И.К. Указ. соч. С. 211, 221, 236.

³ ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отдел 4. № 11991. 15 декабря 1763 г. Таблица IX. С. 70.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 58; Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 38; Оп. 2. Д. 13. Л. 45 об.; Д. 41. Л. 298 об.; Д. 54. Л. 100; Д. 61. Л. 220; Ф. 3. Оп. 1. Д. 155. Л. 33; Д. 199. Л. 23 об.

⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 155. Л. 33; Д. 234. Л. 11.

представителям воеводской власти приходилось сталкиваться с языковым барьером, который создавал определенные затруднения проведения политики правительства и исполнения возложенных на них функциональных обязанностей. В связи с этой причиной еще во второй половине XVI–XVII вв. при государственных учреждениях постепенно был введен штат толмачей, исполнявший важную роль в управлении Казанской землей¹. Исследователь И.П. Ермолаев справедливо отмечал, что толмачи в XVII столетии были наиболее распространенными и постоянными официальными приказными должностями низшего звена воеводского управления².

На протяжении XVIII в., из-за сложившейся специфики управления на территории Чувашии в каждом уезде состояло 3–5 толмачей-переводчиков. Их выбирали крестьяне, утверждали в воеводских канцеляриях³. В марте 1728 г. чуваши из д. Большое Тябердино Свияжского уезда сообщали в провинциальную канцелярию о выборе толмача М. Яшкова вместо его отца А. Яшкова (из-за «старостию и за дряхлости»)⁴. В 1730 г. в Симбирскую провинциальную канцелярию от крестьян поступило обращение. Они «для толмачества нашего иноверческого языка» выбрали Г.Б. Годенова⁵. В 1769 г. волостной сотник И. Яковлев (Толика) от имени крестьян различных сел и деревень Шерданской волости Чебоксарского уезда ходатайствовал перед воеводской администрацией, чтобы разрешили Н. Власову быть толмачем, т.к. «отставной» школьник «чуваской разговор» знает и является порядочным гражданином. Чебоксарская воеводская канцелярия утвердила выбор мирян⁶.

Несмотря на важность института толмачества в деле управления нерусскими народами, правительство внимание на его развитие уделяло мало. Толмачи-переводчики не состояли в штате местных учреждений, их содержали крестьянские общины. Лишь по Штатам 1763 г. в Казанской губернии

---

¹ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... С. 52.

² Ермолаев И.П. Указ. соч. С. 140.

³ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 326.

⁴ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 48. Л. 38.

⁵ Там же. Ф. 443. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–1 об.

⁶ Там же. Д. 135. Л. 86.

ской канцелярии были открыты должности переводчика («для переводу иноверческих языков с рангом регистраторским») и двух толмачей. Толмачи были также при нижегородском губернаторе¹. По сведениям из ведомости 1767 г., в Казанской губернской канцелярии несли службу по одному переводчику и толмачу². В 1769 г. была сделана первая попытка организации подготовки профессиональных кадров переводчиков в Казанской губернии в татарском классе при Казанской гимназии³.

Очевидная необходимость диктовала воеводским учреждениям и толмачам действовать в одной «упряжке». Они привлекались для решения практически всех вопросов, связанных с управлением нерусским населением. Толмачи по роду своей деятельности являлись переводчиками. С одной стороны, удовлетворяли потребности «иноверцев» в подготовке челобитен, в составлении сказок во время ревизий и т.д. С другой – выступали проводниками воеводской власти (оглашение указов, участие в допросах, судах и т.д.). Толмачей приводили к присяге. В 1730 г. императрице Анне Иоанновне присягали более 11 тыс. чел. г. Чебоксар и Чебоксарского уезда, в том числе два толмача⁴.

Воеводы, зная о ключевой роли толмачей в их деятельности, старались утверждать их из числа своих приближенных. Порой воеводы, игнорируя процедуру выборов, сами назначали толмачей. Например, в 1751 г. по сенатскому указу с должности толмача Чебоксарского уезда был отрешен Барашков. Его толмачом незаконно определил воевода Ф. Шахмаметев («словесным ево воеводским приказом без выбору уездных людей и без всякого определения самовольно»)⁵. Тесное соприкосновение воеводской власти с институтом толмачества рождало многочисленные злоупотребления. Так, в

---

¹ ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отдел 4. № 11991. 15 декабря 1763 г. Таблица VIII. С. 67–68.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 720. Л. 17.

³ Хайрутдинов Р.Р. Переводчики в структуре местного управления Казанской губернии в конце XVIII – первой трети XIX века // История и культура Волго-Вятского края (90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994. С. 136.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 49.

⁵ Там же. Д. 54. Л. 2–3 об.

прошениях чувашей Курмышского и Ядринского уездов, составленных в 1751–1753 гг., указываются о противоправных действиях толмачей И. Полякова, И. Форты, С. Васильева, Брызгалова¹. Особенно отличился стрелецкий сын Илья Форт, который в 1749–1752 гг. был причастен к ряду злоупотреблений. Крестьяне жаловались на то, что он толмачил «без мирского выбору», входил в тесные круги с воеводой А. Трегубовым и, пользуясь его покровительством, занимался вымогательством². В 1761 г. чувашские и марийские крестьяне Козьмодемьянского уезда в своей челобитной указывали, что воевода В.И. Бахметев «с начала вступления в правление воеводской должности согласясь с кузьмодемьянским толмачом Рубачевым по приметкам чинят нам новокрещеном всякие обиды и разорении и вымогательно збирали со всех нас... денежные зборы хлебом и дровами и протчим»³.

Таким образом, структура воеводских учреждений, подразделявшихся на «присутствие» и его аппарат, формировалась в зависимости от внутренних потребностей функционирования канцелярий и от исполнения воеводами фискально-налоговых, судебных, нотариальных и других полномочий. Приказные люди, занятые ведением дел в повытьях и столах, находились в строгой подчиненности и бюрократической отчетности перед руководителями воеводских органов управления.

Изучение социального происхождения канцелярских служителей показало, что основная доля являлась выходцами из приказных чинов. На протяжении рассматриваемого периода на территории Чувашии шел постепенный процесс формирования местной прослойки канцелярских людей, в которой участвовали также выходцы из неприказнослужителей (дети солдат, священно- и церковнослужителей, рассыльщиков, пушкарей, бобылей и т.д.). Отли-

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 224. Оп. 1. Д. 94. Л. 4, 5 об.; Материалы и документы // Практикум по истории Чувашской АССР «Чувашия в середине XVIII века». (1740–1760-е годы). С. 23, 27, 29–47.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 35. Д. 277. Л. 1–4 об., 51, 53–54.

³ Иванов А.Г. Прощение марийских и чувашских крестьян Козьмодемьянского уезда 1761 года // Марийский археографический вестник. 1991. № 1. С. 49.

чительным явлением было то, что доля служителей в провинциальных канцеляриях из подьяческой корпорации была выше, чем в уездах.

По штатному расписанию 1763 г. количество должностных лиц в провинциальном уровне было выше по сравнению с составом уездной администрации. Персонал провинциальных канцелярий Свияжска, Алатыря и Симбирска численно равнялся 189 штатным единицам, а в уездных воеводских учреждениях Чебоксар, Цивильска, Ядрина, Курмыш – 172 чел. Всего в семи городах общий количественный состав чиновников и приказных людей с остальными штатными должностями доходил до 361 чел. Однако вплоть до конца 1770-х гг. штаты на территории Чувашии, как и в период с 1727 по 1760-е гг., оставались неукomплектованными, что являлось одним из факторов, порождавших неэффективность воеводских учреждений.

В штаты воеводских учреждений условно можно занести заштатных работников и толмачей. Толмачи находились в роли должностных лиц, выступавших одним из каналов взаимодействия воевод с нерусским населением и способствовавших проведению политики абсолютистского государства в многонациональной среде региона Среднего Поволжья в целом.

2.3. Условия службы воевод и канцелярских служителей

Деятельность аппарата органов воеводского управления невозможно представить без таких условий службы, как материальное вознаграждение за работу на занимаемой должности, создание жилищно-бытовых и других мотивирующих составляющих. Они напрямую сказывались на ценностных ориентациях руководящего состава и служащих воеводских учреждений, а в иной раз являлись следствием злоупотреблений.

После административной реформы 1726–1727 гг. условия службы провинциальных и уездных воевод были изложены в Наказе 1728 г. За время службы воеводы со своими семьями должны были размещаться в казен-

ных домах с дворовыми строениями или «на монастырских городских подворьях»¹. Воеводы обеспечивались и служебными помещениями. Воеводский двор, как правило, состоял из дома воеводы и различных хозяйственных построек. К примеру, в росписном списке 1731 г., составленном при назначении на симбирское воеводство, говорилось, что земля под воеводский двор отведена в черте городской крепости. В нем были 2 светлицы, сени, «люцкие 4 избы», поварня, ледник, амбар, караульня и т.д.² По сведениям на 1733 г. воеводский двор в Ядрине располагался вблизи крепостной башни, называемой Орловой. В нем были 3 сосновые горницы, имевшие 5 дверей, 17 окошек и 3 печи; чуланы, сени, баня с предбанником, конюшня, сараи, клетки³. Из описи 1779 г. чебоксарского воеводского дома со строениями видно, что в жилом здании были 7 покоев с 19 окошками, сени, чулан; во дворе располагались баня с предбанником, два хлева, амбар для кладки хлеба, конюшня и т.д.⁴ Несмотря на государственную опеку, воеводы обзаводились землями в городе, где проводили службу. Так, в 1779 г. в Алатыре продавалось дворовое место канцеляриста И.П. Фурсова. Владельцем земельного участка стал воевода и полковник Алатырской провинции М.С. Белокопытов, купивший его за 5 руб.⁵

Пункт наказа о предоставлении служебных домов на приказных служащих и других должностных лиц воеводских учреждений не распространялся. Поэтому они в городе, в котором служили, покупали землю с избами, дворовыми постройками, огородом и садом⁶.

Наличие и состояние казенных зданий были одними из условий службы и главной насущной проблемой для представителей местной власти. Должностные лица воеводских учреждений размещались в канцеляриях, ар-

¹ ПСЗ–1. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 111.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Кн. 1068. Л. 5.

³ Там же. Кн. 1178. Л. 91 об.–92.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 89–90; Оп. 2. Д. 53. Л. 136–137.

⁵ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 98. Л. 18 об.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 95; Д. 59. Л. 85, 135–135 об., 138, 141; Д. 157. Л. 22; РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.–6; Д. 15. Л. 6–6об., 7 об.–8; Д. 18. Л. 1 об.–2.

хиве, счетной, караульной и колодничей избах¹. Например, в описи Чебоксарской канцелярии, составленной в 1780 г., зафиксировано, что ее здание разделено на шесть «покоев»². Внутри были самые необходимые инструменты и предметы служебного обихода³. Руководителям воеводской канцелярии не раз приходилось решать вопросы по ремонту и постройке новых казенных строений. Например, из описи Чебоксарской воеводской канцелярии 1729 г. узнаем, что «оная канцелярия ветха: нижние бревна и в омшениках потолки погнили и подставлены под нижним потолком подпоры. И вместо ветхаго на строение надобно на канцелярию... 204 руб. 30 коп.». Для восстановления всего комплекса воеводских зданий Чебоксар необходимо было выделить 791 руб. 10 коп.⁴ В 1738 г. сторож тюремного двора К. Романов обратился с сообщением в Чебоксарскую воеводскую канцелярию о плачевном состоянии казенных зданий⁵. В 1742 г. Чебоксарская канцелярия находилась в каменном здании Чебоксарского магистрата («в одной связи и под одною крышею»)⁶. В 1754 г. чебоксарские воеводские чины «по усилию» заняли «светлицы» Чебоксарского магистрата⁷.

Аналогичное положение вырисовывается из донесения властей Алатырской провинции в Камер-коллегию. Город нуждался в постройке нового тюремного острога, и на эти цели была необходима сумма в размере 112 руб. 25 коп.⁸ Из доклада подканцеляриста С. Лукина, подготовленного в 1763 г., явствует, что в 1736 г. здание воеводской канцелярии в Ядрине сгорело, и оно находится «в обывательском доме»⁹. Ядринские власти еще в 1754 г. при воеводе И. Братцове пытались улучшить свои условия службы. Они неодно-

¹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 387. Л. 7 об.; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 516 об., 517 об.–518; Димитриев В.Д. Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков. С. 310.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 100.

³ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 387. Л. 7–7 об., 8 об.; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 100 об., 101 об.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 516 об.–517.

⁵ Там же. Д. 30. Л. 8–8 об.

⁶ Димитриев В.Д. Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков. С. 310.

⁷ Наказ от купечества города Чебоксар // Сб. РИО. Т. 107. С. 599.

⁸ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 30566. Л. 1–2.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 361.

кратно обращались в вышестоящие учреждения, чтобы были выделены финансовые средства на возведение двух каменных палат. Главной проблемой для воеводской власти была нехватка средств не только на новую постройку, но и на текущее содержание казенных зданий¹.

Неудовлетворительное состояние служебных помещений заставляло воевод, а также подчиненный ему персонал, находить пути по улучшению условий несения службы и проживания. Яркие примеры такого явления сохранил опись чебоксарского воеводского дома 1779 г. Она была составлена по случаю смерти воеводы и надворного советника А.Г. Копылова. Из нее выясняется, что воевода за время службы с 1774 по 1779 г. за свой счет сделал ремонт служебного дома и ряда хозяйственных построек. Так, по свидетельству жены воеводы А.И. Копыловой, в комнатах казенные обои были «обиты бумашками», старая печь разобрана и сделана новая на «собственные мужа ее деньги». Далее указано: «Да вновь построено из собственного бывшего воеводы Копылова кошту: баня возле хором с предбанником новая, в ней печь кирпичная; анбар для клажи хлеба о дву жилиях, в нем две двери, одна лесница; баня-землянка для людей, в ней печь ис кирпича, одна дверь, бес предбанника и одно окошко волоковое да для запираения коров зделаны из новых бревен хлев»².

Количество дней и часы работы должностных лиц учреждений Российской империи были узаконены Генеральным регламентом 1720 г.³ Воеводы и товарищи воевод начинали работу обычно в седьмом-восьмом, иногда в шестом, девятом или десятом часу. Рабочее время доходило до 5–6, иногда до 7–9 часов⁴. Присутственных дней в среднем за месяц выходило 15–21, а выходных и праздничных – 8–13 дней⁵. Например, в 1756 г. в Чебоксарской во-

¹ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 30592. Л. 1–3 об.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 89–90.

³ ПСЗ–1. Т. 6. № 3534. 28 февраля 1720 г. С. 141–160.

⁴ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 92 а. Л. 1, 197 об., 198, 346, 347 об., 348, 350 об., 355; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 14–14 об., 15; Д. 2. Л. 125; Ф. 2. Оп. 2. Д. 54, Л. 73, 99, 100, 145 об.; Д. 66. Л. 1; Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 153. Л. 3; Д. 221. Л. 3.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 4, 5, 7, 8, 10, 12–13 об., 14, 15, 17, 18; Д. 224. Л. 4 об., 15, 20, 26, 69.

еводской канцелярии была составлена ведомость для Казанской губернской канцелярии. Она предназначалась «к прокурорским делам». По ней в первом полугодии воевода и в последующем его и.о. отработали 117 календарных дней. Они приходили на работу в 5-м часу 1 раз, в 6 – 37, 7 – 29, 8 – 18, 9 – 21, 10 – 11, а уходили в 1-м часу 46 раз, во 2 – 53 и в 3 – 18. Суббота и воскресенье считались выходными днями. Иногда они трудились и в выходные, как, например, 20 января и 2 февраля. Всего за полгода они отдыхали 63 дня, в которые, кроме выходных, входили праздничные дни и отпуска по болезни. К примеру, с 14 апреля по 20 апреля была «неделя Святой Пасхи», а 25 числа – «коронование Ее Императорского Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы Всероссийской»¹. В Свияжской канцелярии, как и во всех государственных учреждениях, нерабочими днями считались 1 и 2 января 1780 г. («для Новава года»), 26 сентября – «праздник св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова»² и т.д.

Рабочий день приказных людей начинался по-разному. В указе, поступившем в Ядринскую воеводскую канцелярию в 1764 г., говорится, что «приказным служителям чинить вход в канцелярию по первому часу дни». Рекомендовалась подканцеляристам и копиистам «прежде повытчиков, а повытчиком прежде секретаря и подчиненным повытьям у повытчиков быть»³. Следовательно, секретарь приступал к своей работе раньше товарищ воеводы и самого воеводы. Часто товарищ воеводы «вступал в присутствие» раньше воеводы и уходил позже. Приказным чинам приходилось трудиться сверх положенных часов, иногда без выходных. Все служащие воеводской канцелярии работали «безотлучно», за исключением отсутствия по служебным и другим подобным причинам⁴.

Выплата жалованья сотрудникам воеводских учреждений играла ключевую роль в организации и несении государственной службы. Однако лишь

¹ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 197. Л. 21–23 об.

² Там же. Д. 92 а. Л. 1, 355.

³ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 135. Л. 18 об.

⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 41. Л. 193; Д. 54. Л. 449; Ф. 3. Оп. 1. Д. 141. Л. 19, 239, 265; Д. 155. Л. 40.

по указу 1763 г. гражданские служащие на местах стали регулярно получать денежное вознаграждение. До этого времени личные имения, крестьяне и занятие предпринимательством являлись для воеводских служащих главными источниками существования.

Уездные и провинциальные чиновники владели имениями. Они их получали от правительства, родителей по наследству. Были и те, кто приобретал их на свои средства¹. Вотчинные земли, например, чебоксарских служилых людей были выделены за городом Чебоксары на речках Кувшине и Малой Кувшине². Размеры пашенной земли с лесными и санными угодьями зависели от социального статуса и занимаемой должности чиновника. В некоторых случаях земельные участки доходили до 200 четвертей³.

В среде местной бюрократии семья Трушен(н)иковых относилась к числу известных чебоксарских приказных людей⁴. Их родовое имение располагалось «за Волгою рекою ниже города Чебоксар на реке Кувшине». Здесь имелись мельница, жилые и надворные постройки. В 1739 г. в хозяйстве держали «корову, телец, быков четыре, молодых телят три, свиней больших шесть, зимняков тож число, лошедь». В 1740–1760-х гг. кроме крупного рогатого скота стали разводить уток, русских кур, значительно увеличилось поголовье свиней⁵. По разным источникам, домашний скот и птица оценивалась от 16 руб. 48 коп. до 50 руб. Основной доход Трушенниковым приносила мельница на р. Кувшин. По свидетельству владельца бывшего подканцеляриста Чебоксарской воеводской канцелярии Ф.Н. Трушенникова, в год Кувшинская мельница за помол зерна приносила доход 90 руб., видимо, это без учета выплаты годовых оброчных денег в размере 4 руб. 59½ коп. За отдачу санных покосов можно было выручить около 16 руб.⁶ Ф.Н. Трушенни-

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 2, 20; Д. 133. Л. 2 об.; Оп. 2. Д. 53. Л. 368–369; Ф. 3. Оп. 1. Д. 221. Л. 1 об. –2.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 2, 20; Д. 133. Л. 2 об.

³ Там же. Д. 77. Л. 2–2 об.; Д. 145. Л. 6, 22 об.–23, 38 об.–40 об.; Оп. 2. Д. 53. Л. 368–369.

⁴ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма... С. 358.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 2 об., 11, 19 об. –20.

⁶ Там же. Л. 2–2 об., 9 об.

ков владел крепостными, различными строениями, землями и мельницей в Чебоксарском уезде на р. Шатьме¹.

Воеводские служащие на арендных началах пользовались также крестьянскими землями и мельницами². У сотрудников воеводских канцелярий для ведения хозяйств в имениях были крепостные крестьяне³. На усадьбах воевод числились от десятка до несколько сот крестьян. Например, в 1740-х гг. за ядринским воеводой А.И. Львовым было 50 душ, чебоксарским воеводой П. Матюшкиным – 60, за воеводами Цивильска и Симбирска И.И. Хотьинцевым и А.А. Ходыревым – соответственно 200 и 311. Этот список возглавляли алатырский воевода И. Новиков (472 чел. в Вологодском, Галицком и Вяземском уездах) и правитель Свияжской провинции И.Т. Камынин (521 чел. в Козельском и др. уездах)⁴. В 1768 г. воевода Ядрина И.Д. Стечкин продал крепостную за 7 руб.⁵ В 1771 г. надворный советник В.П. Обресков, будучи алатырским воеводой, купил двух дворовых людей за 100 руб.⁶ В 1774–1775 гг. у ядринского воеводы Л.И. Лихутина в Алатырском уезде с. Медяны учтено всего 15 крепостных⁷.

Многие из приказных людей также использовали труд крестьян. В 1730-х гг. у ядринского подьячего М. Федорова было 10 ревизских душ⁸. В 1745 г., к примеру, копиист Цивильской воеводской канцелярии Л.Н. Выдрицкий женился на дочери драгуна М. Тимофеевой. В качестве приданого была «поступная запись» на владение 5 крепостных крестьян⁹. В середине XVIII в. у служащего Чебоксарской воеводской канцелярии А.Н. Казанцова

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 19 об.

² Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 67–68, 70–78.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 59. Л. 59 об., 100, 103 об.; Д. 79. Л. 1–14; Д. 134. Л. 17; Д. 135. Л. 50 об. –51; Д. 147. Л. 2–4; Д. 155. Л. 2–3; Д. 157. Л. 5; Оп. 2. Д. 41. Л. 480 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 195. Л. 35–35 об., 125–125 об.; РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 19. Л. 3 об., 12.

⁴ Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Указ. соч. С. 121–125; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 228. Л. 83 об.

⁵ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 80. Л. 21 об.

⁶ Там же. Д. 88. Л. 49.

⁷ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 197. Л. 3 об.–4, 11–11 об., 21 об.–22.

⁸ РГАДА. Ф. 601. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

⁹ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

были крестьяне в Чебоксарском уезде в д. Злецовой Аристово тож¹. В 1769 г. секретарем Цивильской воеводской канцелярии Н. Поповым было приобретено шесть крестьян. Бывшими владельцами выступали алатырские помещики д. Ручья А.И. Шалимов и И.П. Брюхов². По состоянию на 1770 г. у коллежского регистратора В.Н. Зубарева было 15 душ³. В 1779 г. за секретарем воеводской канцелярии Чебоксар И.В. Апехтиным в Свияжском и Курмышском уездах числилось 35 душ м.п. У его брата провинциального регистратора А.В. Апехтина было 4 крепостных крестьянина⁴. Кроме крестьян у местных чиновников трудились временные работные люди⁵.

Полученные доходы всегда находились в обороте. Денежные средства канцелярские служители выдавали под проценты и заклад или, наоборот, брали в долг, пускали в торгово-промышленную деятельность⁶. В 1770 г. коллежский советник Д.Н. Чуфаровский взял в долг 2000 руб. у капитана М.М. Языкова до 1774 г. Для этого он заложил 106 душ м.п. и пашенной земли 300 четвертей⁷. В 1773 г. к канцеляристу Алатырской провинциальной канцелярии П.Д. Фурсову обратился алатырец А.Я. Локатков за 25 руб.⁸ Алатырский воевода М.С. Белокопытов предоставил кредит нижегородскому купцу С.В. Жукову в размере 2000 руб. Последний заложил два дворовых места в Нижнем Новгороде⁹.

Особенно было выгодно заниматься различными промыслами, в частности винным¹⁰. До 1727 г. у ядринского канцеляриста М. Федорова в д. Малое Чурашево Ядринского уезда имелась оброчная мельница, где про-

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 2–20 об.; Д. 101. Л. 6.

² ГА УО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 48. Л. 2–4 об.

³ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 646. Л. 21.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 53. Л. 368–369.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1030. Инв. № 4115; РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 14. Л. 21 об.

⁶ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. ... С. 318–364; Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 133–134, 267, 293; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 155. Л. 2–2 об.

⁷ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 87. Л. 27 об.

⁸ Там же. Д. 90. Л. 1 об.

⁹ Там же. Д. 98. Л. 13 об.

¹⁰ Волков М.Я. Очерки истории промыслов России (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.). Винокурное производство. М., 1979. С. 291–313.

изводилось вино¹. В последующем его владельцами стали купец И.Т. Коротов и канцелярист Ядринской воеводской канцелярии А. Беянинов. Последний купил куб с мерой 3 ведра в 1731 г. после смерти Федорова, который «тот куб за ветхостию переделал вновь». Винный куб имел емкость 7 ведер. А. Беянинов же владел винокурней бывшего канцеляриста Ядринской воеводской канцелярии М. Троицкого, расположенной под д. Ядрино Ядринского уезда. Здесь курили вино с помощью двух кубов емкостью 5 и 6 ведер. Из-за голода 1733–1735 гг. указом Алатырской провинциальной канцелярии от 8 декабря 1734 г. винокурение было приостановлено². Винокурни с кубами и казанами подьячих Василия и Якова Астраханцовых, И. Леонова и М. Климонтова находились в Симбирском уезде³. Крупные поставки вина на рынок «хмельных напитков» осуществляли князья Путятины. Князь А.А. Путятин, бывший в 1751–1752 гг. воеводой в Чебоксарах, владел винными заводами в Пензенском уезде Казанской губернии. В 1764 г. он обязался выкурить и поставить в Москву 2500 ведра вина, а Волоколамск – 2273½⁴. Видимо, А.А. Путятин продолжил дело своего деда – С.И. Путятина, крупного винного промышленника первой четверти XVIII столетия⁵.

Кроме занимавшихся винокуренной промышленностью были и предоставлявшие различные услуги. Так, у ядринского подьячего Григория Медведева в городе была «домовая рублевая баня». В 1740 г. она перешла по наследству к дочери Катерине Григорьевне⁶. На рублевом оброке была баня подьячего Ядринской воеводской канцелярии П.И. Дьяконова⁷.

Основную часть денежных средств чиновники тратили, кроме приобретений земельных участков и крепостных, на покупку различной утвари и посуды, вкладывали в драгоценности и украшения⁸.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 855. Л. 562 об.

² Там же. Л. 563.

³ Там же. Ф. 273. Оп. Д. 30067. Л. 36 об.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 3579. Л. 874.

⁵ Волков М.Я. Указ. соч. С. 292–293, 311, 334.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 855. Л. 559 об.; Ф. 601. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

⁷ Там же. Ф. 248. Кн. 855. Л. 559 об.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 157. Л. 22–23.

Правительство до 1763 г. осуществляло выплату денежного жалования служащим периодически¹. Лишь с принятием Штата 1763 г. государственные служащие Российской империи регулярно три раза в год обеспечивались денежными средствами. В год уездный воевода стал получать денежное жалование в размере 375 руб., воеводский товарищ – 250 руб., секретарь – 200 руб., канцеляристы, подканцеляристы и копиисты по 60, 40 и 30 руб. соответственно². Провинциальным воеводам и их аппарату управления жалование выдавалось несколько выше. Например, в 1772 г. согласно указу воеводе было положено 600, товарищу воеводе – 375, секретарям – по 225, протоколисту – 150, регистратору – 130 руб. Канцелярским служащим предусматривались денежные средства от 40 до 100 руб. в год³. Провинциальным и уездным служащим штатной команды, в зависимости от звания и занимаемой штатной должности, выдавали от 7 руб. 50 коп. (рядовые солдаты) до 126 руб. (прапорщик), сторожу – 18 руб.⁴

Теперь служащему стали выдавать жалование в соответствии занимаемой должности и классного чина. Получение государственными служащими чинов стало престижно как в плане укрепления своего материального положения, так и повышения социального статуса. Это проявлялось в среде местного чиновничества⁵. За добросовестную службу различные чины получали воеводы, воеводские товарищи, а также выходцы из приказных чиновников. За добросовестную службу различные чины получали воеводы, воеводские товарищи, а также выходцы из приказных служителей⁶.

¹ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. 316–323, 380–383.

² См.: ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отдел 4. № 11991. 15 декабря 1763 г. Таблица VIII. С. 69; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 57–58; Ф. 2. Оп. 2. Д. 6. Л. 13–16, 26 об.; Д. 41. Л. 298–298 об.; Д. 53. Л. 222–224; Д. 61. Л. 219–222; Ф. 3. Оп. 1. Д. 199. Л. 23–23 об., 30–31.

³ ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отдел 4. № 11991. 15 декабря 1763 г. Таблица VII. С. 69; РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 297–297 об.

⁴ ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отдел 4. № 11991. 15 декабря 1763 г. Таблицы VII–VIII. С. 69.

⁵ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 287–287 об.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 69; Ф. 2. Оп. 1. Д. 39. Л. 214–214 об.; Д. 133. Л. 20; Д. 149. Л. 2–3; Оп. 2. Д. 13. Л. 24; Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 31 об.; Д. 135. Л. 2, 142; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 604. Л. 89–105, 228–231 об..

С усилением абсолютизма в России и модернизацией феодального общества регламентации подвергалась общественная и частная жизнь подданных империи, в том числе чиновничества. По наблюдениям Б.Н. Миронова, с совершенствованием системы государственных учреждений сформировался своеобразный тип российского чиновника, который по своим многим признакам отличался от идеального типа бюрократа, изложенного в теории М. Вебера¹. Немалую роль в этом играли ценностные ориентации представителей бюрократии, которые были связаны с условиями службы².

Реформы первой четверти XVIII в. изменили социальный облик местной администрации. Она сформировалась из дворян и разночинцев. С принятием Табели о рангах 1722 г. произошла четкая регламентация продвижения государственных служащих по служебной лестнице. При этом создавалась конкурентная среда, в которой каждый за выслугу лет и в соответствии с профессиональной подготовленностью мог претендовать на соответствующую должность и чин. Так, И.В. и А.В. Апехтины («из верстанных помещным окладом приказных служителей»), несмотря на то, что их отец В. Апехтин в 1701 г. стал дворянином, начинали карьеру с должности копииста³. Им приходилось конкурировать с детьми пушкарей, солдат, церковнослужителей, толмачей, бобылей⁴.

Социально-престижные ценности «новой» местной бюрократии терпели определенную трансформацию. Для дворян-чиновников служба в канцеляриях стала обязанностью, необходимостью, без которых дорога к высшим эшелонам власти была закрыта. Дети приказных людей служение осознавали как традицию, как преемственность передачи чиновничьей профессии из поколения в поколение. Эти ориентиры усвоили и другие чиновники-разночинцы, постепенно влившись в профессиональную среду канце-

---

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи... Т. 2. С. 163–175.

² См.: Марасинова Е.Н. Русский дворянин второй половины XVIII в. (социо-психология личности) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 1. С. 17–28.

³ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 646. Л. 7 об.; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 53. Л. 368–369.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 154–155 об., 169–170 об., 185–186; Д. 40. Л. 188–188 об., 379–379 об.; РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 5 об.–8, 13–17 об., 20–22, 34–35, 58–59

лярских служащих. В конкурентной среде с ними должны были считаться и дворянские недоросли. Поэтому каждый из них старался определить своих детей, родственников и знакомых в канцелярию, устроив их писчиками.

Возраст вступивших в должность «пищиков» был от 11 до 20 лет, редко с пяти лет¹. Срок службы внештатных писчиков составлял 1–5, иногда доходил до 6–8 лет². Этот срок был своего рода испытательным. После того, как они при своих отцах или родных набирались опыта делопроизводства, их зачисляли в штат. Руководители канцелярий в первую очередь обращали внимание на личные и профессиональные качества писчика³. В конечном итоге такая бюрократическая система, основанная на передаче профессии от отца к сыну, приводила к формированию семейных профессиональных корпораций канцелярских служащих⁴.

С принятием Штатов 1763 г. финансовое обеспечение государственных служащих стало стабильным, поднялась престижность их профессии. Теперь жалованье зависело не только от должности, но и от чина, а также от статуса учреждения (уездного, провинциального). Поэтому у местных чиновников возрос интерес к службе, особенно к получению чинов⁵.

В материальных потребностях местной бюрократии переплетались социальные, сословные, престижные и другие ценностные ориентации. Вплоть до 1763 г. сотрудники воеводских учреждений за свой труд не получали финансового вознаграждения, следовательно, их права на нормальные условия службы были ущемлены. Получалось так, что на законодательном уровне создавалась база для четкой организации и регламентации управления, но в жизни чиновники сталкивались с отсутствием материальной поддержки. Эти противоречия способствовали формированию особого типа чиновника, в ста-

¹ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 197. Л. 11 об.–12 об., 21–23.

² РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 5 об.–8, 13–17 об., 34–35, 58–59.

³ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 231–231 об.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 196; Д. 4. Л. 57 об.–58; Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 155–155 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 135. Л. 17 об.–18; Д. 197. Л. 3–5, 11–14; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 168. Л. 313; Кн. 910. Л. 829–829 об.; Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 5 об.–8, 13–17 об., 20–22;

⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 604. Л. 91, 93, 98, 99–99 об., 105.

новлении которого играли роль не только условия службы, но социальный состав служащих и другие сопутствующие факторы. Конечным результатом стало то, что: «В провинциальном чиновнике конца XVIII в., характерно сочетание извечного чиновничьего превосходства и определенная социальная ущербность»¹. Эти черты вынуждали представителей власти злоупотреблять своими служебными полномочиями и разорять народ. Следует отметить, что с Петровской эпохи правительством предпринимался комплекс мер по борьбе с должностными преступлениями.

После поступления сигнала о злоупотреблениях областных правителей правительство само или через губернские власти создавало следственные комиссии². Они, в зависимости от сложности дела, имели разный состав, как правило, состояли из главы, двух членов, канцелярских служителей и штата военных. Например, первоначально в 1747 г. следственную комиссию об алатырском воеводе Ф.Г. Шишкине возглавляли воевода и товарищ воевода Арзамасской провинциальной канцелярии³. В 1749–1751 гг. ее главой был М. Полубояринов. Его сменил подполковник В. Ржевский. Комиссия В. Ржевского, состоявшая из двух членов – коллежского асессора П. Матюшкина, князя и титулярного советника Ф. Енгалычева, секретаря, двух канцеляристов и копиистов, проработала до 1752 г. В дальнейшем в состав комиссии вошли глава и коллежский асессор И. Кандауров, капитан А. Раевский и прапорщик Ф. Ермолов⁴.

Одним из первых «в обидах и разорениях» попался ядринский воевода и обер-ландрихтер А.М. Михайлов. 17 декабря 1730 г. по указу Сената он был заменен капитаном К. Ивашкиным (по «челобитью ядринских чюваш в разорениях и в протчем»). Следствие установило, что бывший воевода вино-

¹ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. С. 93–94.

² Готье Ю.В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 103–152.

³ Готье Ю.В. Следственные комиссии... С. 113, 128.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Кн. 269. Л. 420, 425, 429–430 об., 431 об.–432 об., 435, 439, 440, 442–442 об.

вен во взятках в размере 100 руб., в вымогательстве 6 баранов и должен понести наказание в виде штрафа¹. Одновременно велось следствие над чебоксарским воеводой А.Е. Заборовским. Ему инкриминировались «напрасные... нападки и взятки» по отношению к чувашам Чебоксарского уезда². В качестве истцов выступали чувашаи Туруновской, Кувшинской и Кинярской волостей. Они просили злоупотребления воеводы «изследовать и ево Заборовского отрешить»³. По сенатскому указу от 7 ноября 1730 г. новым воеводой Чебоксарского уезда должен был стать стольник Ф. Козинский. В указе говорилось, что «воеводу Заборовского ис того города не высылать, а быть ему у следствия... против прошения чебоксарнина И. Кемина с товарищи во учиненных... обидах и разорениях»⁴. До приезда Козинского начала свою работу следственная комиссия под руководством майора И.Ф. Чирикова, которая, и оправдала А.Е. Заборовского⁵.

В 1733 г. в Курмышской воеводской канцелярии решался вопрос о воеводе В.М. Ресине. Под подпиской о невыезде из Нижнего Новгорода (под страхом «отнятия движимого и недвижимого имущества») его проверяли на причастность «в посылке в уезды бес передачи драгун и во взятках ими и приказными людьми с чуваш»⁶. Дело симбирского воеводы С.Д. Гурьева имело отношение к злоупотреблениям, связанным с винными и соляными подрядами. Следствие было доверено подполковнику И.И. Немкову и оно продолжилось с апреля 1733 по 1737 г.⁷

Наиболее масштабными были лихоимства провинциальных воевод Симбирска и Алатыря А.А. Ходырева и упомянутого выше Ф.Г. Шишкина. Они не остались без внимания исследователей и служили в их работах яркими примерами крупных злоупотреблений в Российской империи в первой

¹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 1027 об.; Областные правители России... С. 466–467.

² Областные правители России... С. 330.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 730. Л. 261.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 228–228 об.

⁵ Областные правители России. С. 330, 686–687.

⁶ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 1029.

⁷ Областные правители России. С. 290–291, 492–493.

половине XVIII столетия¹. Поэтому нам лишь остается вскользь остановить свое внимание на некоторых эпизодах взяточничества, вымогательства, превышения служебными полномочиями.

В 1747 г. было начато грандиозное следственное дело о симбирском воеводе подполковнике А.А. Ходыреве. Процессом руководил капитан-поручик лейб-гвардии Семеновского полка А. Треской. В инструкции от 1 мая 1747 г. за подписью императрицы Елизаветы Петровны ставилась задача расследовать донос секретаря Манахтина на А.А. Ходырева «во взятках от приему рекрут, в обидах и разорениях, изо взятков же провинциальных обывателей, а паче иноверцов»². В секретарской челобитной было приведено 18 обвинительных пункта по 44 донесениям. По ним всплыл широкий размах взяточничества не только деньгами от нескольких рублей до 60 руб., но и пушниной, «съестными припасами», также не брезговал он виноградом, сахаром и т.д. Неопытный областной правитель, получивший три года назад отставку от воинской службы, организовал «кормушку», к которой были причастны десятки сообщников, страдало население Симбирской провинции³. В следственных мероприятиях А.А. Ходырев признался в нескольких эпизодах лихоимства, а по остальным «доношениям во всем заперся, что не брал»⁴. Все же справедливость восторжествовала. Несмотря на скоропостижную смерть экс-воеводы, в 1753 г. Сенат признал А.А. Ходырева виновным по всем пунктам и вынес приговор о казне и конфискации имущества⁵.

Федор Григорьевич Шишкин – воевода Алатырской провинции, на втором году службы, в 1747 г., стал подсудимым. Еще до того о его злоупотреблениях обыватели писали в различные инстанции. В апреле 1746 г. бил челом служитель Алатырского приписного монастыря Троице-Сергиевой

---

¹ Готье Ю.В. Следственные комиссии... С. 113, 115, 119–121, 128–142, 147–150; Его же. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. С. 236, 249–250, 252; Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 340.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 928. Л. 1–1 об.

³ Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 340; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 928. Л. 14–20 об.; Ф. 248. Кн. 319. Л. 1–4 об.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 928. Л. 14.

⁵ Готье Ю.В. Следственные комиссии... С. 147–148.

лавры П. Семенов. Он на суде выступал поверенным, защищал интересы челобитчика. В его обращении читаем: «Ф.Г. Шишкин от него поверенного оправдания не принял и суд не окончил». Кроме несоблюдения норм судопроизводства, воевода П. Семенова заточил в тюрьму и принудил отсрочить суд с 22 марта до 7 апреля 1746 г.¹

Когда начала функционировать следственная комиссия, выяснилось, что Ф.Г. Шишкин подозревается в различных эпизодах злоупотреблений («в 746-м году лошадином наборе касался с некоторых обывателей взяткам и подаркам»)². Ф.Г. Шишкина прогорел на взятках и в превышении служебных полномочий при лошадином и рекрутском наборах. Ему был предписан штраф в размере 100 руб. за негодного к службе рекрута С. Якупова³. Несмотря на старания следователей, дело о злоупотреблениях воеводы Ф.Г. Шишкина не было доведено до финала.

Своими лихоимствами «славились» цивильские воеводы Д. Бибииков⁴, И. Хотяинцов и А. Всеволожский⁵. Не отставали от своих коллег-коррупционеров другие уездные и провинциальные воеводы. Их деяния прослеживаются в десятках обращениях нерусских крестьян и городских жителей, поданных в Сенат, в духовные учреждения, в сенатскую комиссию А.И. Свечина и др. Население Чувашии жаловалось на ядринских воевод П. Макарова (1748–1749) и И. Братцова (1750–1754), курмышского и свияжского правителей А.А. Трегубова (1750–1756) и М.А. Зыбина (1756–1761), чебоксарских администраторов Б.Г. Любятинского (1754–1761) и В.П. Обреского (1761–1763)⁶. Кроме воевод в злоупотреблениях были заме-

¹ ГА УО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 101. Л. 1–2.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Кн. 269. Л. 1, 8.

³ Там же. Оп. 15. Кн. 898. Л. 686.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. [Лист на фотокопии: 718]; РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 796. Л. 827–830, 838; РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 458. Л. 2–2 об., 25–26 об.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. [Листы на фотокопиях: 718–719].

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 35. Д. 277. Л. 2–2 об., 51–51 об., 53; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–5; Ф. 224. Оп. 1. Д. 94. Л. 7, 14–15, 70 об., 75; НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Т. 191. С. 1603, 1605–1650, 1741, 1744, 1747, 1749; Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. [Листы на фотокопиях: 319, 616, 623 об., 748 об., 773, 821, 822 об.]; Кузнецов И.Д. Указ. соч. С. 191–194, 282; Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 331; Крестьянская война под

чены товарищи воевод провинциальных канцелярий, секретари, канцелярские служители и другие должностные лица органов местного управления¹.

Таким образом, до введения регулярной выплаты жалованья в 1763 г. материальное обеспечение воеводских служащих зависело от дополнительных источников существования. Их доход образовывался за счет поместных земель, использования труда крестьян, развития промыслов, в частности винного производства. Взятые правительством обязательства по обеспечению служебных и жилищных условий для воеводских чиновников в полном объеме не исполнялись. Наиболее в худшем положении находились канцелярские служащие. Следовательно, не удовлетворительные условия службы отрицательно сказались на ценностных ориентациях провинциальной и уездной воеводских администраций. Правительственный курс, взятый на формирование «общества добрых людей» и создание образа чиновника с безупречной репутацией, остался нереализованным. В целом обществом размах злоупотреблений воеводских чиновников оценивался негативно.

Итак, внутренняя структура провинциальных и уездных воеводских учреждений была организована согласно законодательным нормам и в рамках воеводских функций по проведению правительственной политики. Поэтому их профессиональный состав складывался из администрации – воевод, и.о. и заместителей воевод, секретарей – и работников канцелярии – канцеляристов, подканцеляристов и копиистов, а также штатной команды (рассылщиков), сторожей.

Руководители провинциальных и уездных воеводских учреждений, прошедшие централизованный отбор, назначение и увольнение на должность,

---

предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 28, 30, 44–45, 87; Материалы и документы // Практикум по истории Чувашской АССР «Чувашия в середине XVIII века». (1740–1760-е годы). Чебоксары, 1978. С. 31, 32, 34, 42, 44, 46, 49, 50–52, 65, 67.

¹ Готье Ю.В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке. С. 148; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 928. Л. 14–14 об.; Ф. 248. Оп. 5. Кн. 269. Л. 7–7 об., 424–425; ГА УО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. [Листы на фотокопиях: 286 об.–287, 289, 820–821]; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 74–93.

чинопроизводство в Герольдмейстерской конторе при Сенате, были представителями дворянства от 30 лет и возраста старше 50, преимущественно из числа отставных военных. В провинциях и уездах на территории Чувашии чиновничий состав был неоднороден. Промежуточное положение провинций между губернской и уездной властью позволяло герольдмейстерам назначать управленцев из чиновников I–II разрядов (I–V и VI–VIII классы по Табели о рангах). В уездные воеводские канцелярии – низшее звено губернской системы управления – определялись менее знатные дворяне в иерархии бюрократической лестницы (II–III разряды с VI–VIII и IX–XIV рангами по Табели о рангах). Срок службы воевод на территории Чувашии, также как и заместителей воевод, секретарей и и.о. воевод зависел от его профессиональных и деловых качеств, опыта работы, исполнение своих функций в рамках закона.

Большая роль в деятельности воевод отводилась их аппарату управления в лице приказных людей и низшего звена должностных работников канцелярий. На них ложилась огромная делопроизводственная нагрузка и ответственность за административные, фискально-финансовые, судебные, нотариальные и другие отрасли управления. Они находились под строгой отчетностью и подчиненностью перед руководящим составом воеводских органов управления. Их труд регламентировался едиными нормативно-правовыми актами, содержащими бюрократические принципы организации учреждений. Канцелярские служители по социальному составу, в отличие от воеводской администрации, не были однородны по причине проникновения в корпорацию приказнослужителей вплоть до 1780-х гг. из других «подлых сословий». На провинциальном уровне служители – выходцы из приказных чинов составляли основную часть, в отличие от того, что было в уездных воеводских канцеляриях на территории Чувашии. Среди различных факторов, определявших эффективность деятельности воеводских учреждений, главным выступала численность служителей. В 1763 г. штатные единицы в провинциях и уездах были увеличены. Характерным явлением и до, и после принятия новых штатов была неукомплектованность приказными людьми и рассыльщи-

ками. В трех провинциальных и четырех уездных воеводских органах управления должны были нести службу 361 чел. В штате воеводских учреждений находились толмачи – проводники воеводской власти в нерусской среде на территории Чувашии. Через институт толмачества осуществлялось управление и проведение политики абсолютизма в сложном этническом, социальном и конфессиональном отношении регионе Среднего Поволжья.

Условия службы воевод находились в тесной взаимосвязи с регламентацией деятельности местных учреждений и осуществлением правительственного курса на вверенной территории. Нехватка денежных ассигнований для улучшения условий работы провинциальных и уездных воеводских учреждений и нерегулярная выплата жалованья являлись основными причинами дополнительной занятости чиновников и служащих в сфере развития личного хозяйства и ведения различных промыслов. С другой стороны, неудовлетворительные условия службы вынуждали областных правителей «улучшать» свои материальные и служебные условия за счет незаконных поборов и взяточничества с нерусского населения на территории Чувашии. Несмотря на меры, предпринимавшиеся правительством по борьбе с казнокрадами и поборниками и в деле улучшения мотивационных составляющих чиновничества, размах злоупотреблений распространился от воевод до представителей выборных людей общинных самоуправлений в лице толмачей, волостных сотников, пятидесятников и т.д. В целом лихоимства представителей воеводской власти в XVIII в. были пороком для всей воеводской системы управления. Вопиющий произвол воеводского чиновничества на фоне социально-экономического развития региона Среднего Поволжья послужил одним из главных факторов участия чувашского крестьянства в пугачевском движении.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ И УЕЗДНЫХ ВОЕВОДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ

3.1. Административные, полицейские и военные функции

Подчиненное положение местных органов управления в системе власти способствовало широкому развитию административно-исполнительных функций. Опираясь на развитую правовую основу, провинциальные и уездные воеводы проводили политику правительства на местах. Нормы закона они черпали из Соборного уложения 1649 г., так называемых новоуказных статей, Генерального регламента 1720 г., Табели о рангах 1722 г. и многих других указов правительства, которые позже увидели свет в своде законов Российской империи (1830).

Для реализации управленческих решений воеводы четко должны были следовать предписаниям вышестоящих органов. Свидетельства тому находим в росписных списках, в которых важно было указывать нормативные и иные распорядительные документы¹. Например, в росписном списке, составленном в конце 1751 г. при вступлении на должность чебоксарского воеводы А. Путятина, указывались: «указ настольной о содержании прав, книга Уложенная 177 году печатная ветхая, книга чиновная печатная 163 году, форма о суде печатная [1]723 году, плакат, выданной [1]724 году с приобщением состоявших в пополнение и в подтверждение указов печатные, воеводской наказ печатной, присланной из Высокого Сената сентября 14 дня [1]728 году...»².

Применение местной администрацией законов обнаруживается в огромном массиве делопроизводственной документации – в протоколах, вынесенных по судебным делам приговорах, в сношениях с различными учре-

---

¹ РГАДА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1311. Л. 3.

² Там же. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 387. Л. 7–7 об.

ждениями и т.д. Они были нацелены на удовлетворение запросов различных социальных групп общества. Под контролем воеводской власти находились обращения местного населения о расследовании правонарушений, распутывании спорного дела, разрешении на выдачу паспорта для работы на заводах или на поиски беглого однодеревенца, заключении подряда и мн. др. Воеводские учреждения являлись исполнителями поручений в длинной цепочке вертикали власти, начиная с губернской канцелярии и заканчивая коллегиями. Такое положение дел наглядно можно проиллюстрировать по составу поступивших, например, в январе 1777 г. в Алатырскую провинциальную канцелярию документов. Всего за месяц было взято на исполнение 66 указов, спущенных из вышестоящих учреждений. Закономерно, что 22 указа исходили из подведомственной Нижегородской губернской канцелярии и от губернатора. Другие указы поступили из Сената, Адмиралтейской, Камер-, Юстиц-, Ревизион-, Мануфактур-коллегий, Коллегии экономии, различных контор: Военной и Медицинской коллегий, Нижегородской соляной, Главной дворцовой и других канцелярий¹. Своеобразной гарантией решения провинциальными и уездными воеводами указов и других документов служило получение от них уведомлений о принятии на исполнение.

Проделанная приказными людьми воеводских канцелярий работа оформлялась в виде резолюций, постановлений, сводов статистических данных и т.д. Так, воеводами в 1737 г. были предоставлены Военной коллегии сведения о продаже хлеба². В 1756 г. чебоксарский воевода Б. Любятинский подписал ведомость о решенных за январь–июль текущего года судебносудственных делах и количестве осужденных. За первую треть года в канцелярии было рассмотрено всего 22 дела³.

Важно отметить, что провинциальная и уездная воеводская власть в пределах поставленных правительством задач была призвана осуществлять совокупность полномочий, которая и характеризовала в итоге администра-

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–7.

² РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 104. Л. 952 об.–953.

³ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 197. Л. 8 об.–9.

тивно-исполнительные прерогативы. Во-первых, воеводские учреждения находились в непосредственной и тесной связи с областными и центральными органами управления, во-вторых – активно взаимодействовали с институтами местного самоуправления и исполняли потребности феодального общества. В комплексе административная деятельность воевод аккумулировалась путем реализации ими полицейских, военных, фискально-налоговых, правоохранительных и судебных функций, которые рассматриваются нами ниже.

На административном поприще воевод полицейские функции были важным орудием управления на территории с пестрым этническим и конфессиональным составом населения. В их полномочия входили контроль над перемещением селян и горожан на управляемыми уездами и провинциями, борьба с беглыми, ворами и разбойниками, корчемством, фальшивомонетчиками, надзор за мерами и весами, пожарами, санитарно-эпидемиологической ситуацией и т.д.

Слежка за населением была организована путем введения паспортного режима. Проверка паспортов помогала выявлять беглых крестьян и горожан, дезертиров, бороться с правонарушителями и позволяла в определенной мере закрепить налогоплательщиков к месту их жительства. Выдача паспортов проводилась в воеводских канцеляриях по прошению челобитчиков. Например, в начале 1729 г. крестьяне д. Яушево Чебоксарского уезда в челобитной ходатайствовали о выдаче паспортов для сыска беглых однодеревенцев в соседнем Казанском уезде¹. В том же году пойманный беглый солдат С. Сикин после допроса в Ядринской воеводской канцелярии был выслан к нижегородскому губернатору². В 1779 г. к воеводе в Курмышскую канцелярию была доставлена беспаспортная П. Гаврилова³.

Сохранение спокойствия и борьба с разбойничьими шайками являлись одной из главных задач воеводской власти. Поэтому воеводы организовывали заставы, им помогали также городничие – в деле учреждения при

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 595.

² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–8.

³ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–3.

въезде в город пикетов, в задержании и усмирении нарушителей общественного порядка¹.

На протяжении XVIII столетия на Волге действовали разбойничьи шайки, грабившие суда и вотчины помещиков. В 1766–1767 гг. казанский губернатор, не имея возможности вместе с воеводами справиться со злоумышленниками, просил прислать воинские команды. На его требования в Казань, Пензу и Алатырь командированы три отряда по 50 казаков². В 1774–1775 гг. Чебоксарская воеводская канцелярия докладывала о преследовании и поимке разбойников³.

Полицейская деятельность провинциальных и уездных воевод наиболее ярко представлена в росписных списках⁴ (см. приложение 6). В их распоряжении были меры веса и длины, различный инвентарь, помогавшие осуществлять полицейский надзор. В 1733 г. в Ядринской воеводской канцелярии были в наличии кантарь с железной гирей, «две меры хлебные: мерная одна шти четвериковая, другая – осми четвериковая. К тем мерам [предназначалось] гребло железное». Далее читаем: «Сажень железная трехаршинная... коса ручная железная, которой хлеб снимают, прислана для образца на деревянном черенке с малыми граблями железными». В канцелярии и застенках тюремного острога пользовались кандалами и цепями, в том числе шейными, надевавшимися на колодников для отпуска «в мир». Под наблюдением воевод производилось клеймение лошадей и заповедного леса, винных кубов⁵.

На деле контрольно-измерительные и иные инструменты находили применение и при проведении надзора и следствия⁶. Слежение за исполнением торгов, подрядов по доставке соли, вина, за ценами на рынках, особенно в

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31. Л. 35; Д. 32. Л. 7–7 об.; Оп. 2. Д. 66. Л. 1 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 221. Л. 93–93 об.; Д. 234. Л. 5.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 720. Л. 42 об.–51 об.

³ Там же. Ф. 441. Оп. 1. Д. 87. Л. 228, 269; Д. 88. Л. 215.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 100–103; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 387. Л. 8 об.–9.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Кн. 1178. Л. 91–91 об.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 74–74 об. РГАДА. Ф. 601. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–2 об., 4 об.

голодные годы, пресечение хождения фальшивых монет ложились на плечи воеводских учреждений, в отдельных случаях и на городские власти. Так, в 1738 г. было объявлено о подряде на Алатырский кружечный двор и на уездные кабаки «простого и двойного вина»¹. После троекратного объявления торгов, с молотка за 8 руб. 50 коп. ушли дворовое место и домашняя утварь чебоксарского канцеляриста Н. Семенова². В 1759 г. Свияжская канцелярия обратилась к симбирскому воеводе о сыске новокрещена д. Ахпердино Симбирского уезда С. Иванова (Уханя). Он преследовался в связи с подозрениями о продаже соли на Юхминском торжке Цивильского уезда по «не указной цене»³. В 1772 г. в Свияжке по обвинению в фальшивомонетничестве был задержан П. Андреев⁴.

Охрана лесного хозяйства для воеводских учреждений являлась одной из прерогатив. В 1728 г. Чебоксарская воеводская канцелярия получила указ из Казанской канцелярии корабельных лесов. В нем написано: «в Казанской губернии в рубке всяких чинов людям во всех здешних местах... дубового лесу учинить запрещения». Далее воеводским властям строго предписывалось, чтобы население пользовалось валежником. Воеводам следовало, «дабы леса вычищались... скота, а особливо коз, в те леса не выпускать»⁵. Свияжский воевода оказывал содействие администрации Казанской адмиралтейской конторе в расследовании «о самовольно порубленных заповедных дубовых лесов»⁶. В 1773 г. по предложению действительного статского советника и нижегородского губернатора А.Н. Квашнина-Самарина «в Алаторском, Курмышском и Ядринском уездах для смотра заповедных лесов определен валтместером курмышский помещик поручик Ленков». Это было рассмотрено 13 февраля на заседании Ядринской воеводской канцелярии⁷. В

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 17.

² Там же. Д. 73. Л. 51.

³ ГА УО. Ф. 818. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 545. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–5 об.

⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 47.

⁶ Там же. Д. 11. Л. 8–8 об., 18–19.

⁷ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 195. Л. 45.

1779 г. в Чебоксарской воеводской канцелярии решался вопрос о самовольной порубке крестьянами заповедного дубового леса¹.

Провинциальные и уездные воеводы пеклись и о почтовом сообщении. От почтовой службы зависели своевременная присылка правительственных указов и поручений и отправка корреспонденции местных органов управления. В то же время воеводская власть должна была стараться содержать в надлежащем состоянии дороги и мосты. Исполнение указов правительства по этим вопросам прослеживается в документах воеводских учреждений².

Несение караулов в ночное время и проверка наличия пожарных инструментов относились к противопожарным мероприятиям. В казенных учреждениях, как было сказано выше, предусматривались инструменты по борьбе с огнем. Например, по распоряжению чебоксарского воеводы от 8 декабря 1729 г. «для смотра пожарного времени и для строения рогаток и караулов» был выбран отставной капрал Д. Сотников³. В Чебоксарской канцелярии в 1751 и 1780 гг. числилось «для охранения от пожарного времени три трубы медные ветхие, один багор и три вилы железные», железные «крючки», роспуски, дровни, бочки и т.д.⁴ Эти меры не всегда помогали эффективно справляться со стихией. Так, в 1773 г. в Чебоксарах произошел крупный пожар. Воевода Д.Н. Чуфаровский констатировал, что его масштабы можно было минимизировать, если бы не «слабое смотрение» караульщичков и отсутствие противопожарных инструментов⁵. Причиной пожаров в большинстве случаев выступало неосторожное обращение с огнем⁶. В 1779 г. только в мае в деревнях Байсарино сгорело 2 двора, Пичурине – 11, Тоганашеве – 6⁷.

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 53. Л. 345.

² Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 79; Д. 34. Л. 488; Ф. 2. Оп. 2. Д. 53. Л. 291, 311; Д. 54. Л. 232 об.–233; Ф. 3. Оп. 1. Д. 221. Л. 125–127 об.; РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 49. Л. 459 об.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 604.

⁴ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 387. Л. 8 об.; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 102 об.

⁵ Чебоксары: исторический очерк. С. 84.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 69. Л. 15.

⁷ Там же. Д. 41. Л. 376–378; Д. 54. Л. 458.

В XVIII столетии в разных уголках Российской империи периодически вспыхивали очаги неурожая и голода. В Чувашии они были, как и по стране¹, в 1704, 1716, 1722, 1733–1735, 1742, 1748–1749, 1758, 1764, 1766 и 1774 гг.² Особенно тяжелые годы выпали на 1730-е, когда были охвачены неурожаем многие губернии, в частности и часть территория Чувашии.

Правительство для выяснения всех обстоятельств начала, масштабов и последствий голода требовало от местных органов управления чуть ли не ежемесячные сводки о состоянии дел. Как правило, информация воеводскими канцеляриями собиралась из уст самих голодающих, т.е. от сказкоподателей, и путем выездов канцелярских служителей и солдат. По ним составлялся подробный сводный отчет. По донесениям воеводских канцелярий за 1733–1735 гг. видно, что неблагоприятные погодные условия сопровождали крестьянство Чувашии на протяжении указанных сельскохозяйственных кампаний³. Поэтому правительство интересовалось данными о численности населения (по сравнению с переписью 1723 г.), показателями площадей, засеянных озимыми и яровыми культурами в 1734–1735 гг. Такие сведения воеводскими учреждениями были собраны по отдельным чувашским общинам Ядринского (см. приложение 22) и Курмышского уездов. Причиной голода 1734 г. был недород хлеба, который прослеживается по данным посева и собранном урожае («в умолоте»). Сложившаяся ситуация вынуждала сократить площади под озимые культуры, у многих крестьянских общин отсутствовал семенной фонд для посевной в 1735 г. Более чем за десять лет чувашских крестьян мужского пола стало меньше от 3,6 до 4,5 %. Основная доля убыли населения пришлась именно на 1733–1735 гг. и, видимо, за счет беглых. Только по Нижегородской губернии в 1733–1734 гг. из различных вотчин

---

¹ Кафенгауз Б.Б. Хлебный рынок в 20–30-х годах XVIII столетия (по материалам внутренних таможен) // Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1. М., 1952. С. 459–510; Очерки истории СССР. Т. 7. С. 43–45; Петрухинцев Н.Н. Голод 1733–1735 гг. и правительственная политика по борьбе с ним // Особенности российского исторического процесса. М., 2009. С. 217–242.

² Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 92.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 751. Л. 6, 9 об.; Оп. 15. Кн. 847. Л. 255 об., 310 об., 368, 600.

сбежало более 1500 чел.¹ По материалам воеводских органов управления причинами бегства был страшный голод: «крестьяне в побеге от скудости», «показанные чуваша бежали от голодной скудости»². Воеводами в отчетах отмечалось, что крестьяне, для того чтобы выжить, спасались бегством в хлебные районы («в низовые города, в Симбирский уезд и за Каму реку», «в Пензенский уезд»)³. Судя по данным воевод, особая тяжелая ситуация была в Тувановской, Шумшевашской и Яндобинской сотнях Юмачевской волости Курмышского и частично в Выльской волости Ядринского уездов.

Чуваши Курмышского уезда сообщали воеводе, что земли «за неимением хлеба осеменить нечем, понеже де у них не токмо к посеву, кои пропитание хлеба не имеют»⁴. Крестьяне деревень Юнги, Асламас, Сюдюр и Чемево Ядринского уезда из-за нехватки семян («за хлебным оскудением») не смогли засеять рожь и яровые культуры⁵. Жители Выльской волости свидетельствовали: «в некоторых деревнях против посеянного ржаного и ярового хлеба имелся мало приплода, а в протчих собраны всякого хлеба только одни семена бес приплоду»⁶. Курмышская воеводская канцелярия докладывала, что чуваша «за неимением хлеба питаютца желутками... многия чуваша в болезни и пухнут»⁷. Местными властями отдельно было зафиксировано несколько случаев смерти от голода⁸. Неурожай хлебов коснулся Свияжской и Симбирской провинций Казанской губернии⁹.

Стихийное бедствие вызвало сокращение налоговых поступлений в казну¹⁰. Властей беспокоило и то, что на хлебном рынке цены на продовольствие стали колебаться и подниматься вверх, особенно на территориях, охва-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 847. Л. 390–395 об.; Ф. 1239. Оп. 52. Д. 2004. Л. 615.

² Там же. Ф. 210. Оп. 7 а. Д. 5212. Л. 1241 об., 1254.

³ Там же. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 751. Л. 10 об., 11.

⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 7 а. Д. 5212. Л. 1241 об.

⁵ Там же. Л. 1253–1254.

⁶ Там же. Л. 1256.

⁷ Там же. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 751. Л. 9 об., 111 об.

⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 7 а. Д. 5212. Л. 1241, 1253.

⁹ Там же. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 847. Л. 541 об.–542 об., 600.

¹⁰ Там же. Оп. 13. Кн. 751. Л. 14, 15, 111 об., Ф. 210. Оп. 7 а. Д. 5212. Л. 1253 об., 1256 об.–1257. об.

ченным голодом. Мониторинг цен, проведенный весной 1734 г. Камер-коллегией и Генеральным крикс-комиссариатом, показал, что в Алатырской провинции цены на хлеб держатся высокими, нежели в соседних Свияжской и Пензенской провинциях¹. О дефиците хлеба сообщали также таможди².

По собранным воеводами данным правительство констатировало чрезвычайное положение дел в Ядринском и Курмышском уездах. Поэтому предпринимался ряд мер, чтобы стабилизировать сложившуюся ситуацию, в частности применяя полицейские методы. Например, помещиков обязали кормить своих крестьян и обеспечить их семенами, происходило активное переустройство хлебного рынка, из казны стали выделяться средства для борьбы с голодом и т.д.³ В связи с участившимися случаями бегства крестьян в 1734 г. Нижегородская губернская канцелярия приказала воеводе Алатыря задерживать всех, кто не имел паспортов⁴. В начале 1735 г. из «тамбовских волостей» в села и деревни Алатырского уезда должны были отправить 1000 четвертей ржи и 2000 четвертей овса⁵, также отменялся сбор подушных денег на первое полугодие⁶. Следующим мероприятием был запрет на винокурение. В феврале 1735 г. правительством было решено запечатать винокуренные заводы, в первую очередь на пострадавших от голода территориях. В «черный список» попали 12 винокурен из Алатырского уезда и 3 – Курмышского. Чтобы удержать и каким-то образом повлиять цены на хлеб в соседних уездах, Камер-коллегия сочла нужным закрыть заводы по производству вина в Ядринском (5), Козьмодемьянском (1) и Свияжском (7) уездах и др.⁷

Другим бичом, наносившим ущерб хозяйствам крестьянских общин, был падеж скота. Алатырские помещичьи вотчины и чувашские деревни Курмышского и Ядринского уездов были охвачены эпизоотией с 1733 г., кое-

---

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 751. Л. 4.

² Там же. Л. 111 об.

³ См. подробнее: Петрухинцев Н.Н. Указ. соч.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 751. Л. 112 об.

⁵ Там же. Л. 202, 207.

⁶ ПСЗ–1. Т. 9. № 6681. 27 января 1735 г. С. 476.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 840. Л. 581 об., 859.

где с 1731 г., по 1735 г.¹ В этом случае воеводские власти для локализации очага должны были учредить заставы. Они по предписанию, например в 1751 г. Чебоксарской воеводской канцелярии, служили, чтобы «рогатого скота отнюдь не пропускали». Запрещалось с больных животных снимать шкуры. Скот должны были зарывать «за городом во отдалении, глубже в землю»². Общинные и помещичьи хозяйства самостоятельно начинали борьбу известными в те времена средствами³.

Местная власть была обязана ведать обороной и исправным содержанием крепостей, обеспечением войск квартирами, деньгами и разбором недоразумений, возникавших между войсками и населением⁴, а также набором рекрут. Эти задачи претворялись в жизнь губернскими и воеводскими учреждениями, хотя и не получили достаточного освещения в Наказе 1728 г.⁵

Одной из главных задач воевод, наделенных военными прерогативами, была организация рекрутского набора и покупка лошадей. Они тесно переплетались с административно-полицейской функцией. Активные военные кампании России заставляли регулярно производить комплектование армии. А.К. Ильенко, опирающийся на официальные данные, пишет, что за период с 1726 по 1740 г. набирали одного рекрута из 98–324, в 1741–1759 гг. – 116–330, а в 1760–1781 гг. – 100–500 душ м.п.⁶ Поэтому роль и ответственность местных учреждений возрастали; они кандидатов в рекруты, помимо состояния здоровья, должны были отбирать по возрасту и росту⁷.

В разное время возраст набираемых рекрутов колебался от 17–20 до 30 лет⁸. В 1747 г. Свияжская провинциальная канцелярия взяла в рекруты, например, чуваша Е. Ирмова, которому было 20 лет, татарина Н. Интерякова

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7 а. Д. 5212. Л. 1253–1254.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 83–83 об.

³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Кн. 2004. Л. 339.

⁴ Данилов Н.А. Исторический очерк развития военного управления в России // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 1. СПб., 1902. С. 60.

⁵ ПСЗ–1. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 96, 99.

⁶ Ильенко А.К. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. СПб., 1902. С. 81–82, 98.

⁷ Там же. С. 88–89.

⁸ Ильенко А.К. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. С. 154.

25 лет. По указу 1745 г. рекомендовалось устраивать набор из 171 души «крепких и здоровых к службе годных мерою в 2 аршина 4 вершка»¹. За отбор на рекрутство были также ответственны выборные из общин или помещики. Так, в 1734 г. земской вотчины А.И. Румянцева писал, что крестьяне, ссылаясь на то, что в рекруты отправлять некого («нашей мочи нет»), предлагали А. Борисова, которому было 40 лет. Однако помещик А.И. Румянецв, зная законодательные порядки и существующие требования на отдачу в солдаты, предупредил земского о негодности вышеуказанной кандидатуры и велел собирать средства на покупку рекрута со стороны².

На местном уровне набор происходил в несколько этапов. Вначале кандидатов в солдаты, по указанию воеводской администрации, начинали выбирать в общине или в общинах нескольких деревень в зависимости от численности податных душ³. К примеру, в первый набор из Чебоксарского уезда должны были поставить 9 рекрутов, Цивильского – 11, а на второй набор – 24 и 23 соответственно⁴. В 1779 г. рекрутов собирали с 500 душ. По такой раскладке из деревень Яндова (88 душ м.п.), Клычево (223 душ м.п.) и Тохтарово (189 душ м.п.) Шерданской волости Чебоксарского уезда рекрутом стал Н. Семенов⁵.

В поместьях владельцы были заинтересованы в отдаче тех, кто приносил мало пользы для их хозяйства. Так, в 1734 г. А.И. Румянецв обращается к приказчику с. Уварова Т. Толмачеву. В письме указывает, чтобы тот, отбирая состоятельных и трудолюбивых крестьян, не наносил разорения им, т.к. они «подати и другия денежныя даходы не стоят» (т.е. платят без доимок). Далее отмечает: «А в вышереченную отдачу выбрать таких, которые имеют всякую лень и непотребность»⁶. Земский Н. Иванов, исполняя, видимо, соответ-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 898. Л. 699, 701.

² Там же. Ф. 1239. Оп. 52. Кн. 2004. Л. 793 об.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 468; Оп. 2. Д. 41. Л. 24; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4019. Л. 718, 720 об.

⁴ Там же. Д. 133. Л. 44–44 об.

⁵ Там же. Д. 53. Л. 269–269 об.

⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Кн. 2004. Л. 567 об.–568.

ствующее указание помещика, в 1733 г. предлагал отдать в рекруты Г. Васильева, т.к. у него «только пожитков одна кляченка, а хлеба ничего нет, на сторону отдать мочи нет»¹.

Затем кандидатов на службу приводили в воеводскую канцелярию, где воевода лично должен был отобрать годных рекрутов для военных полков. По некоторым данным, в воеводских канцеляриях, где не было лекарской службы, в отборе рекрутов участвовали «заплечные мастера», или палачи. Например, в начале 1734 г. земской Д. Созыкин в письме к своему помещику А.В. Румянцеву написал, что И. Залотухина признали негодным к службе («выкидной солдат»). Его осматривали «палачи» и подлинно «откинули»². Высланные солдаты также тщательным образом перед лекарями проходили медицинское освидетельствование, например, в губернских канцеляриях³. При этом находились те, кто по состоянию здоровья не мог нести воинскую службу, и поэтому воеводам приходилось повторно находить годного рекрута. Так, по справке, составленной в Военной конторе, в 1743 г. из Алатырской провинции было отдано 86 чел., из них «явилось негодных 5». В их числе был С. Якупов, у которого на голове были обнаружены раны⁴. В 1747 г. комиссовано было 9 чел., определенных в рекруты из Свияжской провинции. Как выяснилось, они были приняты свияжским воеводой полковником И. Камыниным и все были ниже «указной меры», т.е. роста 2 аршина 4 вершка. В реестре были указаны чуваша С. Улихин и Я. Сергеев из д. Таяба Таушево Свияжского уезда⁵. В ведомости казанского губернатора 1767 г. о набранных рекрутах приведены данные о том, сколько их было принято и выслано в полки. Судя по ней, в Свияжской канцелярии были рассмотрены 883 кандидата на рекрутство, 549 из них были «в надлежащие места отправлены»⁶. В январе 1774 г. находящийся у набора рекрутов секунд-майор Бас-

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Кн. 2004. Л. 556.

² Там же. Л. 622 об.

³ Там же. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 898. Л. 683–683 об.

⁴ Там же. Л. 685.

⁵ Там же. Л. 701, 713 об.

⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 720. Л. 66.

каков выявил 9 «неспособных к военной службе рекрут», из которых домой отправлены С. Ахметов «за повреждением правого плеча», Я. Яковлев – «за чехотною болезнию»¹.

При проведении всех необходимых процедур приема, рекрутов сопровождали до пункта прохождения службы. Воеводская власть должна была проследить, чтобы «отдатчики» (в лице помещика, выборных людей из общины и т.д.) выдавали до времени прибытия в полк провиант или деньги². В 1739 г. из Симбирской провинции отставным прапорщиком Я. Игумновым в Санкт-Петербург сопровождались «иноверных рекрут 335 чел.»³. В материалах 1742 г. сказано, что чуваш Иван Дементьев, уроженец д. Татмышево Симбирского уезда, «в [1]725 году отдан от мирских людей в рекрутные солдаты» и был вначале выслан в Казань и вскоре доставлен в Санкт-Петербург. Его зачислили «в солдаты в Янбургской пехотной полк», и он служил в том полку в пятой роте⁴. В документах Алатырской канцелярии за 1743 г. обнаруживаем информацию о подобной практике отправки рекрутов. В них написано: «в службу годных с указным платьем и обувю, денежным жалованьем и провиантом отослать куда по указом надлежит»⁵.

С 1760-х гг. воеводы крестьян, высылаемых в Сибирь, зачитывали как отданных в рекрутство. Воеводскую администрацию такое условие набора вполне устраивало, так как меньше было забот – не надо было отбирать рекрутов по состоянию здоровья, возрасту, росту и т.д. Помещики и общины легко избавлялись от непорядочных крестьян или однодеревенцев, не видя в них пользы. По замечанию А.Д. Колесникова, отправлять в Сибирь на поселение полагалось мужчин не старше 45 лет и преимущественно с женами и детьми, чтобы они стали «колониционным элементом»⁶. Для примера, в

---

¹ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 87. Л. 56 об., 59.

² Ильенко А.К. Указ. соч. С. 154.

³ РГАДА. Ф. 443. Оп. 3. Д. 7. Л. 9.

⁴ Там же. Ф. 441. Оп. 1. Д. 824. Л. 8–8 об.

⁵ Там же. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 898. Л. 685 об.–686.

⁶ Колесников А.Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 42.

1761 г. чебоксарский воевода В. Обресков, после процедуры допроса, приговорил к ссылке в Сибирь «в зачет рекрут» помещичьих крестьян: Н. Осипова с семьей, Г. Артемьева, Е. Пылаева, Е. Баннова, А. Степанову и др.¹ Аналогичным образом в 1771 г. «к отсылке на поселение в зачет рекрут» были определены А. Иванов (Янги) и П. Петров (Ярги) из д. Б. Четаево Ядринского уезда².

У воеводской администрации дел по рекрутскому набору было невпропорот. Сельские общины не всегда укладывались в срок по выбору рекрутов, и приходилось принимать меры по активизации набора в солдаты. Будущие рекруты, чтобы избежать воинской повинности, калечили себя, убегали, порой убивали³ своих односельчан, сопровождавших их в воеводские канцелярии или поймавших с побегов. Даже после отдачи рекрута военному ведомству приходилось совместно с местными учреждениями заниматься отлавливанием беглых и осуществлением нового выбора за них других годных рекрутов, взимать штрафы т.д. Приведем несколько примеров. В 1728 г. Свияжская провинциальная канцелярия прислала в Чебоксары реестр беглых 109 солдат, оставивших Гарнизонную канцелярию, среди них русских было 23 чел., новокрещен – 6, татар – 30, мордвы – 5, чувашей – 4 и т.д.⁴ Военная коллегия в 1734 г. взыскивала через Чебоксарскую канцелярию штрафных денег за беглого рейтарского сына В. Берендеева⁵. В 1742 г. Чебоксарская воеводская канцелярия, кроме списка беглых рекрутов, получила также реестр «не досланных рекрутов» к началу года. В нем указывались населенные пункты Чебоксарского уезда⁶. В 1760 г. в протоколе Чебоксарской воеводской канцелярии записано о зачитывании указа, требовавшего, чтобы губернаторы и воеводы в поимке беглых военнослужащих «имели старание»⁷. В

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 98. Л. 2, 3 об., 15, 19–19 об., 28–28 об.

² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 195. Л. 188–188 об.

³ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века. С. 184.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 244, 249–255.

⁵ Там же. Д. 21. Л. 1249.

⁶ Там же. Д. 34. Л. 2 об.–8.

⁷ Там же. Д. 66. Л. 1 об.

1772 г. со слов чуваша д. Тогашево Чебоксарского уезда В. Васильева (Килдураз) узнаем, что его однодеревенцы, чтобы не идти в рекруты, пошли на членовредительство: один отрубил себе палец правой руки, другой – выдернул два зуба¹. В июле 1774 г. прапорщик Абаринов Цивильской воеводской канцелярии докладывал, что в связи с рабочей страдой доимочных рекрутов 12 чел. «взыскать и выслать... не можно»². В 1777 г. рассыльщик Чебоксарской канцелярии И. Ярасов был командирован в д. Яндова Сявалпоси тож и Первой Туруново Чебоксарского уезда. По инструкции он взыскивал штраф за просрочку срока отдачи рекрутов в размере 24 руб. 32 коп.³

Отдатчики и приемщики при наборе рекрутов порой ошибались или действовали вопреки нормам закона и обращались к воеводским учреждениям, чтобы устранить свои упущения. Владельцы крестьян также должны были уведомлять их о тех или иных изменениях при наборе⁴.

Круг военных полномочий воевод замыкался тогда, когда они устраивали отставных военнослужащих у родственников или в монастырях, осуществляя социальную программу правительства⁵. Характер взаимодействия монастырской администрации и воеводских канцелярий можно проследить по материалам духовного ведомства⁶. В 1772 г. Свияжская канцелярия получило сведение об отставке рядового К. Козмина, уроженца Свияжской провинции д. Чурачики «ис чуваш». Начальство 1-го Выборгского пограничного батальона просил местные власти связаться с родными солдата («желают ли они... на свое пропитание принять и по миру ходить по смерти ево не допустят ли»)⁷.

¹ ГИА ЧР. Ф. 545. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–1 об.

² РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 87. Л. 319 об.–320.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 32. Л. 19, 20, 22.

⁴ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 48. Л. 83–83 об.; Д. 87. Л. 59; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 37–44

⁵ См.: Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010. С. 62–87.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3 об.; РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 614. Л. 7–8 об.; РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 188. Л. 289.

⁷ ГИА ЧР. Ф. 545. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

Деятельность воевод по снабжению армии не ограничивалось набором рекрутов, оно дополнялось сбором и высылкой денежных средств, лошадей, провианта и т.д. Например, в одном из документов 1737 г. сказано, что «по определению Военной коллегии велено лошадей принимать в Москве генералу и кавалеру Чернышову обще з губернатором и вице-губернатором, а в протчих назначенных в том указе местах губернаторам и воеводам обще ж с определенными к ним для подушного збору штап-афицерами здоровых и к службе годных в указную меру и лета, мерингов и кобыл, отпричь жеребцов, до отправления в полки содержать по казенном корму»¹. В 1734 г. Чебоксарская воеводская канцелярия докладывала свияжскому воеводе о сборе и отдаче драгунских лошадей и денег.² В том же году из вотчины А.И. Румянцева было отдано 7 драгунских лошадей (от 2634 душ м.п.)³. По наблюдению В.Д. Димитриева, подъемные и драгунские лошади в 1738 г. собирались с 200 душ, в 1742 г. – с 500, в 1756 г. – 610⁴. В 1742 г. в Чебоксарскую воеводскую канцелярию были присланы квитанции за высланных драгунских и подъемных лошадей. Со всего уезда было собрано 35 лошадей. С чебоксарских бобылей и купцов их было взято 3, с крестьян Троицкого монастыря – 1, с жителей Чемуршинской и Алгашской волостей – по 1, Ишлеевской, Ишаковской и Сугуцкой – по 2, Туруновской и Кувшинской – по 6, Шерданской и Кинярской – 4 и 7 соответственно⁵. В 1746 г. татары Алатырской провинции обратились в Сенат. В челобитной ими показано, что отдают государству «по нынешним нарядам рекрут 217, лошадей 70». Получалось, что из-за непринятия христианства они начали приходить в скудость, так как одного рекрута приходилось выбирать из 30 душ, а лошадей собирать с 93 душ⁶.

В середине XVIII в. не только татары, но и чувашаи и другие нерусские народы на территории Чувашии, за отказ принять православную веру несли

¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 104. Л. 267.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 43.

³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Кн. 2004. Л. 635 об.–636.

⁴ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 177.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34. Л. 234.

⁶ Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6. С. 664.

тяжелую воинскую повинность. Воеводы обязаны были проводить наборы рекрутов только из некрестившейся части населения, заставив крестьянские общины дополнительно выдавать новобранцев за получивших льготы соплеменников. В 1748 г. по данным Военной коллегии больше половины «иноверцев» Казанской и Нижегородской губернии приняли православие. Поэтому она просила пересмотреть набор рекрутов, в особенности в Нижегородской губернии, в которой «менее пятой доли некрещеных осталось, а именно 7600 душ». Более 7,5 тыс. податных были вынуждены нести рекрутство за крестившихся 37 тыс. душ. В Казанской губернии из 331351 души в «неверии» осталось 129087¹. Воеводские органы управления осуществляли наряд по сбору рекрутов, исходя из проводимой правительством политики и оказывая давление на некрещеных «инородцев» на территории Чувашии.

Перебои в работе воеводских администраций сказывались на общей картине выполнения задач местных военных ведомств. К примеру, в 1737 г. лейб-гвардии прапорщик С. Кудрявцев, занимавшийся в Казани сбором рекрутов и покупкой лошадей, докладывал о том, что новобранцев было собрано 786 чел. Задержку отправления рекрутов он объяснял отсутствием солдат («при полках солдат имеется самое малое число и отправления ис Казани в разные посылки непрестанно бывают, и посланные солдаты не скоро возвращаются»)². В марте 1741 г. «обретающийся для набору рекрут» лейб-гвардии прапорщик М. Селиванов в своем обращении напоминал администрации Симбирской канцелярии о понуждении к сбору и отсылке денег «в указные места» за «доимки» 1739–1740 гг. Для выяснения состояния дела просил предоставить отчет, чтобы он, в свою очередь, смог «в Военную коллегию неотложно репортовать»³. Общий долг Симбирской провинциальной канцелярии перед Военной коллегией составлял 15473 руб. 31 коп. (из 59838 руб. 10 коп.). Для Мундирной конторы предполагалось собрать 18759 руб. 18¼ коп. Однако за 1739–1740 гг. удалось кое-как пополнить военный бюд-

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 715. Л. 3–4 об.

² РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 104. Л. 976 об.

³ РГАДА. Ф. 443. Оп. 3. Д. 13. Л. 1–1 об.

жет только на 7775 руб. 77 коп. В 1741 г. сборы для указанной канторы продолжились, и было взыскано всего 4431 руб. 18 коп. Следующая статья расходов на военные нужды, образовавшаяся в 1740 г., предназначалась «на заплату долгов» и была закреплена за генерал-поручиком Волковым (45026 руб. 29 коп.). К нему Симбирская канцелярия направила в два этапа деньги в размере 33093 руб. 89 коп. и 5308 руб. Необходимо было собрать еще на сумму 6624 руб. «В Военную ж кантору в положенную сумму на расход» направлялись 5962 руб. 90 коп. из суммы 14811 руб. 81 коп.¹

Таким образом, воеводское управление концентрировало в своих руках всю полноту административно-исполнительных функций, направленных на проведение политики абсолютизма. В отличие от великорусских уездов воеводам на территории Чувашии в своей деятельности приходилось учитывать ряд особенностей, связанных с пестрой социальной стратификацией общества, многонациональным и поликонфессиональным составом населения. С учетом этих отличий воеводскими органами управления проводился и полицейский надзор, имевший широкое применение для сохранения общественного порядка и осуществления контроля по исполнению законов. Воеводы при несении военных функций использовали итоги христианизаторской кампании, проходившей на территории Чувашии в середине XVIII в., и набирали рекрутов из числа некрестившейся части нерусского населения. Удовлетворение военных потребностей правительства в значительной мере зависело от слаженной деятельности воеводской администрации и представителей военного ведомства.

---

¹ РГАДА. Ф. 443. Оп. 3. Д. 13. Л. 2–3 об.

3.2. Фискально-финансовое и хозяйственное управление

В административной политике государства фискально-финансовая сфера – главная из всех отраслей управления. Поэтому правительственные меры по организации, осуществлению контроля и активного вмешательства в деятельность местных органов управления особенно в XVIII в. выглядели вполне закономерными.

До 1726–1727 гг. местные учреждения в целом собирали различные налоги, которые доходили до нескольких десятков (см. приложение 22). В 1724 г. в Алатырской, Свияжской и Симбирской провинциях в окладе числились практически все вышеуказанные сборы, кроме экстраординарных статей. Следует оговориться, что непосредственно на плечи воеводских служащих ложилась лишь часть сбора налогов, а остальные были в ведении ратуш и на откупщиках. При этом провинциальные воеводские учреждения осуществляли контрольные функции в фискальном деле уездной администрации. В итоге, получаемые с населения доходы шли в бюджет. В приложениях труда П.Н. Милюкова приводится так называемая «Государственная роспись 1724 г.», где подробно указаны составные части доходов российской казны. В ней перечислено 45 названий «таможенных, кабацких и канцелярских доходов», в том числе указанные нами в таблице приложения статьи сборов¹.

В 1727–1728 гг. местные фискально-финансовые структуры, как и состав управленческих учреждений, видоизменились. По именному указу Верховного тайного совета от 15 марта 1727 г. повелевалось подушные сборы осуществлять воеводам, а «им для вспоможения придать в товарищи в каждую провинцию одного из штабных офицеров», находившихся в отставке. В нем же объявлялось, чтобы «магистраты губернаторам и воеводам подчинить по-прежнему»². Этот указ положил конец разветвленной сети налогово-финансовых учреждений. Он гласил: «...лишних управителей и канцелярии их

---

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 669–670.

² ПСЗ–1. Т. 7. № 5033. 15 марта 1727 г. С. 759.

и канторы, камериров и [уездных] земских комиссаров и протчих тому подобных вовсе отставить»¹. Другой указ от 16 марта 1727 г. дополнил приведенный выше. Он был адресован земским комиссарам («от земли комиссарам»), и по нему следовало, что законодатель первоначально хотел возложить сбор подушины только на воевод – провинциальных и уездных: «воеводам надлежит те подушные деньги собирать каждому с своего уезда». Однако из-за того, что уезды и дистрикты не были между собой равными и один полк мог располагаться в нескольких уездах, было решено оставить у подушного сбора земских комиссаров. Под руководством уездных воевод налоговые суммы собирались и отсылались к провинциальному воеводе, далее – к губернатору, а затем – к штаб-офицеру, определенного из Военной коллегии². Сенатским указом от 6 апреля 1727 г. отдельно отмечен круг полномочий провинциальных воевод, в том числе функция контроля в сфере сборов податей³.

23 марта 1728 г. в Чебоксары прибыл отбывать службу воеводы капитан А.Е. Заборовский, получивший еще в апреле 1727 г. из Сената указ о назначении его на названную должность для управления Чебоксарским уездом. Из указа следовало, что ему необходимо управлять на основе указов 1726–1728 гг.⁴ Под его контроль переходил земский комиссар и его контора с приказными людьми⁵. В 1728–1729 гг. в Чебоксарском дистрикте «от земли комиссаром» был избран дворянин И.П. Бабкин⁶. Вместе с ним в запасе «от земли в комиссарех на [1]728 год» числился дворянин И.Г. Борисов⁷. Помощником земского комиссара являлся присланный «для вспоможения к подушному збору» Свяжского полка Казанского гарнизона поручик С. Чернявской⁸. В 1730-х гг. в Чебоксарах на штабном дворе трудился капитан В.С. Хлопов, который обретался в Свяжской провинции «на вечной квартире у збору подуш-

¹ ПСЗ–1. Т. 7. № 5033. 15 марта 1727 г. С. 761.

² Там же. № 5037. 16 марта 1727 г. С. 762–763.

³ Там же. № 5056. 6 апреля 1727 г. С. 776–778.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 438–438 об., 443–443 об.

⁵ Там же. Л. 238.

⁶ Там же. Л. 238, 357 об.; Д. 8. Л. 202 об.

⁷ Там же. Д. 7. Л. 357 об.

⁸ Там же. Л. 238, 392.

ных денег Казанского драгунского полка»¹. В 1730-х гг. в Симбирской провинции воинская команда «при сборе подушных денег» состояла из 166 чел.² В 1743–1749 гг. при подушном сборе был прапорщик Н. Караулов³.

Воинские части, располагавшиеся на территории губернии, были под наблюдением всей вертикали местного управления, начиная с уездного воеводы и заканчивая губернатором. Сенат предписывал, чтобы дела, относящиеся к губернскому ведомству и коллегиям, решались на местном и центральном уровнях без его участия. А то получалось так, что воеводы и обретающиеся на штабных дворах штаб- и обер-офицеры, минуя свои ведомства, напрямую обращались в Сенат по различным вопросам, нарушая его деятельность⁴. Поэтому все возложенные на штабных офицеров обязанности исполнялись в тесном сотрудничестве с воеводскими учреждениями и под руководством губернатора. В указе Военной коллегии от 2 декабря 1731 г. было определено: «воеводам на офицеров ежели кому, о чем надлежит, а офицерам на воевод писать ж о сем к губернаторам»⁵.

Штабные дворы по рангу были равными уездным воеводским учреждениям, они переписывались промемориями. Статус провинциальных воеводских учреждений был выше штабных дворов, поэтому первые издавали указы. Круг решавшихся фискально-финансовых вопросов был широк. К примеру, в 1732 г. Свияжская канцелярия прислала указ капитану В.С. Хлопову Чебоксарский штабной двор к об исключении из ведомости сбора недоимок по Козьмодемьянскому и Царевококшайскому уездам⁶. В связи с тем, что солдатам запрещалось быть счетчиками на штабных дворах, то воеводским канцеляриям вменялось обеспечение подьячими⁷. Процедуру выбора контролировали провинциальные власти. В октябрьском указе 1732 г., при-

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 31.

² Дмитриев В.Д. Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века // Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 272.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 90.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 31. Л. 12–13.

⁵ Там же. Л. 131–131 об.

⁶ Там же. Л. 28–28 об.

⁷ Там же. Л. 89.

сланном из провинциальной канцелярии Свияжска, говорится о выборе на штабной двор Рязанского драгунского полка одного подьячего на первое полугодие, двух – на второе полугодие из г. Чебоксары¹. В счетчики на штабной двор капитана В.С. Хлопова из козьмодемьянских подьячих были выбраны Ф. Карцов и Л. Сергеев². На штабном дворе Казанского драгунского полка вели работу земский писарь и два копииста, которые также обеспечивались чебоксарским воеводой³. При этом одной из главных задач для местной власти и штабных дворов было «всякие зборы по окладам збирать со всяким усердным радением, не упуская никаких ничего в доимку»⁴.

Сборы с городских жителей остались в ведении магистратов (ратушей). В августе 1728 г. Чебоксарская воеводская канцелярия получила указ, в котором говорилось о передаче магистратов в руки воевод, но с тем условием, что налоги будут взимать городские чиновники⁵. В материалах воеводских канцелярий сохранились ведомости подушного оклада по городам и присланные чиновниками ратуш сведения о сборах. Так, по результатам I ревизии в г. Чебоксары с 964 душ м.п. необходимо было собрать 1156 руб. 80 коп. в год⁶. В июне 1729 г. Чебоксарская ратуша рапортовала в воеводскую канцелярию, что за январскую треть было взято 386 руб. 80 коп.⁷

Властью была разработана технология взимания сборов под непосредственным контролем воевод. При участии уездного или провинциального воеводы и бурмистра ларечному и таможенному и кабацкому целовальникам выдавались два специальных ящика, которые запечатывались воеводской и «таможенною» печатями. В 1728 г. Свияжская провинциальная канцелярия распорядилась: «впредь... учинить тому збору применять большие ящики», которые должны были скрепляться печатью свияжского воеводы. Ящики распеча-

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 31. Л. 117–117 об., 216–216 об.

² Там же. Л. 117–117 об., 120.

³ Там же. Л. 174.

⁴ Там же. Л. 192.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 265–265 об.

⁶ Там же. Л. 189.

⁷ Там же. Д. 8. Л. 212.

тывались только в присутствии воеводы с «ратушскими чинами» и собранные суммы записывались в приход, размещая в специальных мешках¹. Такая практика распространялась и на сборщиков подушины и других доходных статей. В воеводских канцеляриях все приходно-расходное делопроизводство вели выборные, один канцелярист с подчиненными ему приказными людьми².

Суммы налогов, собранные с уездов, хранились в отдельном помещении. Из документа 1738 г. узнаем, что денежная казна находилась «под охранением в Алатырской провинциальной канцелярии за печатью подполковника и воеводы Г. Фефилова и за печатью же бурмистра А. Маркина... в общем ящике»³. В росписном списке 1751 г. сказано, что в Чебоксарах деньги находятся в архиве, построенном в 1737 г.⁴ Ю.В. Готье, рассматривая технологию сбора и отсылки налоговых поступлений, отмечал, что уездные канцелярии передавали свои сборы в провинциальные канцелярии. Затем воеводы провинций, «минуя губернии, отсылали подушные деньги непосредственно в центральные учреждения»⁵. В материалах Ядринской канцелярии говорится, что в 1766 г. в провинциальную канцелярию Алатыря была послана «собранные экономических доходов денежная казна»⁶. Для отсылки денежных средств выбирались счетчики. В каждую треть года в Ядрине на эту должность избирало из своей среды купечество. Счетчик приезжал в уездную воеводскую канцелярию «к отвозу в Алатырскую провинциальную канцелярию собранных в Ядринском кружечном дворе новоположенных денег»⁷. Их выбирали и для отправки фиска в центральные учреждения⁸. Денежные сред-

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 54–54 об., 65–65 об.

² Там же. Д. 8. Л. 155–155 об.; Оп. 2. Д. 54. Л. 79; Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 243 об., 284; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 168. Л. 313–313 об.

³ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 910. Л. 827 об.

⁴ Там же. Кн. 387. Л. 7 об.

⁵ Готье Ю.В. Указ. соч. Т. 1. С. 425.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 141. Л. 113.

⁷ Там же. Д. 103. Л. 7.

⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 24. Л. 428.

ства, как правило, охраняли и сопровождали кроме счетчиков или канцелярских служителей рассыльщики¹.

Провинциальные и уездные воеводы, начиная с 1726–1727 гг. и заканчивая реформой местного управления по «Учреждению 1775 г.», исполняли роль основных проводников финансовой политики государства. Они в свою очередь делали ставку как на подчиненный аппарат управления (канцелярские служители, рассыльщики, городские выборные должности), так и на выделенных для подушного сбора солдат. После ликвидации в 1764 г. должностей «офицеров при подушном сборе» установилась практика, при которой само население привозило подать в воеводские канцелярии².

Воеводская власть выполняла свои полномочия по достижению поставленного перед ней плана сборов, основываясь на законодательстве. Хотя в 1724 г. была введена подушина, фискальных статей меньше не стало. Например, в Ядринской воеводской канцелярии в 1732 г. в числе «положенных на Адмиралтейство» были собраны следующие налоги: таможенные – 71 руб. 45 коп., кабацкие – 101 руб. 65³/₄ коп., с клейменных кубов – 9 руб. 87¹/₂ коп.; канцелярские: конских пошлин – 7 руб. 8 коп., с двух сурских перевозов – 8 руб. 16 коп., с ледоколу и водопою – 1 руб. 14 коп., вместо валешных с печей подымных – 1 руб. 47¹/₂ коп., с рыбных ловель – 4 руб. 21³/₄ коп., с мельниц оброчных – 12 руб. 34 коп., с чувашских свадеб – 19 руб.; с дел пошлин: с иску гривенных – 6 руб. 9¹/₂ коп., суда, пересуда и правого десятка – 2 руб. 64 коп., мировых – 3 руб. 70 коп., с отдачи поголовных – 45 коп., приводных – 1 руб. 43 коп. Итоговая сумма составила 250 руб. 71 коп. Кроме них для Печатной конторы были взысканы печатные пошлины 76 коп., а для Коммерц-коллегии за гербовую бумагу – 10 руб. 34 коп. «На дело артиллерии и фортификации» с купечества было получено 180 руб. 60 коп.³ В первом полугодии 1780 г. Чебоксарской канцелярией собрано было 20520 руб. 99 коп.,

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 209; Д. 38. Л. 270.

² Готье Ю.В. Указ. соч. Т. 1. С. 424.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Д. 1178. Л. 90 об.

где ассигнациями – 8975 руб., серебряными монетами – 44 руб. 35 коп., медными – 11501 руб. 64 коп.¹

Для того, чтобы понять, чем руководствовались воеводские учреждения и подконтрольные им городские чиновники при взимании того или иного налога, то следует остановиться отдельно на таких вопросах: на какие законы они опирались, с каких социальных групп и сколько собирали?

Ревизии фиксировали количество душ мужского пола (м.п.), по ней вплоть до следующей ревизии взималась строго определенная сумма. Получалось так, что размер налога, несмотря на естественную убыль населения, неплатежеспособность и т.д., оставался практически неизменным. Для примера: по результатам второй ревизии в Цивильске с 1745 по 1763 г. брали с 252 душ м.п. из купечества и с 12 из цеховых по 1 руб. 20 коп., с 89 «однодворцов и разного звания содержащих ландмилицию», 14658 крещеных из «иноверцов», с одного экономического и 451 помещичьего крестьян, 43 «за разными чинами, кому крепостных людей иметь не запрещено», 28 «за купечеством дворовых», одного незаконнорожденного сына попа – по 70 коп.² В Симбирском и Свияжском уездах по 70 коп. платили соответственно 9850 и 4281 душ м.п. из государственных ясачных крестьян, 32166 и 39591 душ м.п. крещеных из «иноверцов», 450 и 9171 – из «иноверцов» некрещеных, а по 1 руб. 10 коп. отдавали 10724 и 10745 приписные к Адмиралтейству из «иноверцов» (м.п.)³.

Для сбора окладных и неокладных налогов воеводские и городские делопроизводители составляли книги, в которые вносили сведения о фискальных статьях со ссылками на законодательные акты. Ими руководствовались сборщики. Они предоставляли канцелярским работникам данные о налоговых суммах для записи в приходную книгу. В материалах Алатырской провинциальной канцелярии за 1769 г. (см. приложение 24) указано, «по каким

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 104–108.

² Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). Вып. 3: Численность и сословный состав населения России по II–III ревизиям (1745–1763 гг.). М., 1972. С. 206–210.

³ Переписи населения России... С. 207, 211–213.

указам в приход вступают» сборы¹. В приведенном перечне налогов 11 окладных налогов собирались с населения по указу от 1 января 1767 г. из Конторы Камер-коллегии. Среди них были: питейные, полавочные, харчевенные, с торговых бань, «с явки пив и медов», печатных крепостных и прочих пошлин, «с явки пив и полпив», «сборы наддаточные». Остальные можно условно назвать «указными», собиравшимися по указам еще с 1704 г. На так называемые гражданские штаты разрешалось брать «по указам [1]705-го по 2 коп., [1]723-го по 10 коп., [1]763-го по 30 коп.», на строение питейных домов – по указу 1742 г. по 10 коп., на заведение капитала – по указу 1757 г. по 10 коп. Население выплачивало по 1 руб. 23½ коп. согласно указам 1750 и 1756 гг., а по 5 коп. «с пива и меду» – по указу 1763 г. При сборе других 16 окладных налогов сборщики опирались на положения Соборного Уложения 1649 г. и узаконения конца XVII в. – 60-х гг. XVIII столетия. К примеру, «з домовых бань» брали по указам от 9 февраля и 20 апреля 1704 г., 6 ноября 1724 г., 16 января 1725 г., 24 сентября 1761 г. Печатные пошлины населением платились «по силе Уложения 18 главы, по указам [7]202-го (1694 г.), [7]208-го (1700 г.) и [1]710 годов». На сборы с «пустых земель и сенных покосов» и «рыбных ловель» действовали указы, подготовленные в 1704–1705 гг. Ингерманландской и Ижерской канцеляриями. Указами от 20 января 1765 г. и 13 ноября 1768 г. на «незнающих помещиков крестьян» был положен двухрублевый оброк. Неокладных сборов по сравнению с окладными налогами было всего 12. Из них 4 относились к экономическому ведомству. Они собирались согласно узаконениям, действовавшим с 1649 по 1763 г.

В архивных материалах различных местных учреждений сохранились документы, рассказывающие о размерах налоговых выплат, сроках их погашений и т.д.² В казну поступали средства также за оказывание крепостными конторами при воеводских канцеляриях юридических услуг. Как справедливо отмечала Л.М. Балакирева, сборы, получаемые от нотариального оформ-

¹ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 725. Л. 2.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 855. Л. 563; Ф. 280. Оп. 3. Д. 614. Л. 10 об.–11; ГА УО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 41. Л. 486 об.

ления сделок, составляли одну из доходных статей государственного бюджета¹. Поэтому воеводы не только обязаны были следить за законностью исполнения надсмотрщиками своих «крепостных дел» задач, но и за поступлением в казну денежных средств. Например, в 1729 г. надсмотрщиком Чебоксарской крепостной конторы Н. Трушениковым в июне для казны было заработано 16 руб. 37½ коп., июле – 2 руб. 8¼ коп., августе – 10 руб., 79¼ коп., сентябре – 5 руб. 91½ коп.², а в 1731 г. из недоимок только «с крепостей пошлинные деньги» было получено 85 руб. 29 коп.³ В 1741 г. чуваш Ю. Мелкеев д. Ядрино Ядринского уезда дал «ядринскому подьячему А.А. Кудрявцову житье у него... сыну ево Арзакаеву Ярутке» до 1743 г. Сделка составляла 4 руб. Акт был оформлен на четырехкопеечном листе и «от письма» была взята пошлина в размере 10 коп., «от записки» – 3 коп., «трех денежной» – 6 коп., «поголовных» – 10 коп., «на расход» – ¼ коп. В итоге казна пополнилась на 29¼ коп.⁴ В ноябре 1753 г. подканцелярист Т.С. Железников продал в черте города земельный участок канцеляристу В.П. Резанову. Купчая обошлась, исходя из суммы сделки, 1 руб. 20¾ коп.⁵ В 1763 г. по записям в «книгу приходной зборным с письма крепостей пошлин» Алатырской крепостной конторы было выручено 244 руб. 90¼ коп.⁶ В 1771 г. алатырским надсмотрщиком за покупку секретарем Алатырской провинциальной канцелярии А. Лукиным дворового человека в размере 50 руб. взыскано за крепостные услуги 5 руб. 44 коп.⁷

Важным показателем сбора налогов органами управления является выполнение ими плановых норм. Хотя в научной среде есть по этому поводу возражения. Так, Е.С. Кормчина в своей статье делает вывод о том, что «высокий уровень собираемости подушной подати вовсе не свидетельствует ни

---

¹ Балакирева Л.М. Указ. соч. С. 202.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 229–232.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Д. 778. Л. 141–141 об.

⁴ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 14. Л. 21 об.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 59. Л. 59 об.

⁶ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 71. Л. 37 об.

⁷ Там же. Д. 88. Л. 49 об.

об эффективности российского бюрократического аппарата, ни о легкости налогового бремени, ни о бесперебойном финансировании армии»¹. Все же, на наш взгляд, собираемость налогов выступает чуть ли не единственным индикатором как платежеспособности плательщиков налогов, так и эффективности об организации работы местных и центральных учреждений в фискально-финансовой сфере.

Вопрос о «высоком» или «невысоком» уровне собираемости налогов выглядит небесспорным и относительным. С одной стороны, «доимки» (неплатежи) всегда существовали, и с ними боролись местные органы управления, их же наказывали за неисполнение законов. При этом ключевое место в контроле дел казны на местах отводилось центральному аппарату управления. С другой – факт существования недоимок только по подушному сбору (как это показано в работе Е.С. Кормчиной) не дает возможности охватить в полной мере общую ситуацию в фискально-финансовых делах, т.к. других налогов, как проиллюстрировано нами выше, было несколько десятков. В этом вопросе с Е.С. Кормчиной можно согласиться лишь в том, что нужно расширять источниковую базу и попытаться осмыслить те или иные аспекты фискально-финансовой деятельности государства. Сегодня же нами, несмотря на критику автора, на первый план выносятся сложившаяся в отечественной историографии традиция рассмотрения вопроса о финансовой политике государства².

С 1727 г. неплатежами занималась специальная Доимочная канцелярия – центральное учреждение, взаимодействовавшее с местными органами управления по вопросам ликвидации недоимок. В сенатском указе от 12 июня 1727 г. говорилось, что «на городах и уездах то (недоимки. – Д.Б.) собирать губернаторам и воеводам вкупе со штабными офицеры и рапорто-

---

¹ Кормчина Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5. С. 91.

² Там же. С. 79.

вать... в Доимочную канцелярию»¹. Таким образом, взыскивание налогов от неплательщиков было под жестким контролем губернской власти и центральных учреждений, что оправдывало себя².

В общем, картина по сбору налогов воеводскими учреждениями не всегда была такой благополучной, недоимки для них были настоящим бичом. Почти во всех финансово-налоговых документах говорилось о недоимках. Так, в 1731 г. за Алатырской провинциальной канцелярией накопилась недоимка 5168 руб. 35 коп. К 1733 г. она выросла до 6250 руб.³ В 1735 г. свияжский воевода Ф. Козлов, отчитываясь перед Адмиралтейской коллегией за всю провинцию (вкуче с уездными воеводскими канцеляриями и ратушами), ссылаясь на недобор 1639 руб. 41 коп.⁴ В 1737 г. в центр были присланы ведомости об «адмиралтейской доимке» за 1731–1736 гг. Свияжская провинциальная канцелярия писала, что ей еще «надлежит донять» за 1731 г. 105 руб. 68½ коп., 1732 г. – 746 руб. 76 коп., 1733 г. – 1014 руб. 61¾ коп., 1736 г. – 6666 руб. 66¼ коп. Всего за свияжским воеводой числилась сумма в размере 8533 руб. 72½ коп.⁵ Симбирская воеводская канцелярия, в отличие от Свияжской, с 1731 по 1734 гг. не имела недоимок. Однако суммарный долг лишь за 1735–1736 г. превысил 27 831 руб.⁶ В губернаторском отчете, подготовленном в 1767 г., говорилось, что по Алатырской провинции «в доимке» состоит более 48 тыс. руб., что составляло 50 % из общей совокупности недоборов по Нижегородской губернии⁷.

Сложности по сборам у местных органов управления возникали постоянно ввиду различных причин и обстоятельств. П.Н. Петров справедливо отмечал, что корни сбоев в фискально-финансовом деле были не только в «неаккуратности присылки денег из Штатс-контор-коллегии и губерний», но

¹ ПСЗ–1. Т. 7. № 5092. 12 июня 1727 г. С. 804–805.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 39; РГАДА. Ф. 210. Оп. 7 а. Д. 5212. Л. 1257 об.; Ф. 248. Оп. 106. Д. 778. Л. 142.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 830. Л. 1166 об., 1186.

⁴ Там же. Кн. 818. Л. 64.

⁵ Там же. Кн. 856. Ч. 1. Л. 476 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 774. Л. 43.

происходили и от «слабого поступления повинностей за малоденежностью при значительности взносов от недостаточных плательщиков»¹. Одними из серьезных причин, наносивших урон экономике, были чрезвычайные ситуации, связанные с погодными условиями и эпизоотией. Неурожаи, падеж скота и голод населения вызывали сокращение налоговых поступлений в казну².

Важной составляющей фискально-финансовой политики было состояние денежной системы. От нее зависела вся экономика страны, самочувствие населения и т.д.³ Поэтому правительство реагировало на негативную финансовую конъюнктуру и пыталось влиять на ситуацию путем списывания недоимок или предоставления льгот по сбору подушных денег. Например, в связи с голодом 1733–1735 гг. местным органам власти предписывалось не взимать с населения, проживающего в охваченных засухой районах, подушных денег за первое полугодие 1735 г.⁴

В послепетровское время отраслевой принцип по отношению к центральным учреждениям сузился, на местном уровне он был полностью поглощен воеводской системой управления, в числе таковых оказалась и фискально-финансовая составляющая. На практике складывалась ситуация, когда различные конторы и канцелярии центральных учреждений вмешивались в работу воеводских канцелярий, прося сведения и отчеты о состоянии сборов и высылке денег. Все это происходило в связи со сложным устройством и многоступенчатостью взаимодействия центрального и местного управления.

Казенные деньги, например, собранные в 1770-х гг. в Алатырской провинции (вместе с городом), распределялись следующим образом. Большая их доля числилась за Камер-коллегией. Часть ее сумм ежегодно отпускалась «на Адмиралтейство сумму по 8000 руб.», другая – на жалованье и «на мелочные

---

¹ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1885. С. 177.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 751. Л. 14; Ф. 210. Оп. 7 а. Д. 5212. Л. 1256–1257 об.

³ Юхт А.И. Денежная система в России (20-е – начало 60-х гг. XVIII в.) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 74–90.

⁴ ПСЗ–1. Т. 9. № 6681. 27 января 1735 г. С. 476; Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 234–235.

(канцелярские) расходы» провинциальной канцелярии «по ассигнациям Статс-конторы (Штатс-конторы)». Подушные деньги, предназначенные для военных целей, отсылались в Главный крикс-комиссариат. Определенными суммами ведали Коллегия экономии и Канцелярия конфискации. Отдельная статья доходов шла на выдачу жалованья, провиант и амуницию «штатной роты военным служителям»¹. Процедура взимания налогов аналогичным образом происходила в Ядринской канцелярии, подведомственной провинциальной канцелярии города Алатыря².

Небольшая часть налоговых поступлений оставалась на местах и шла на выплату жалованья чиновникам воеводских канцелярий. Так, в мае 1763 г. в Ядринской воеводской канцелярии из «статских доходов» было выделено на содержание 19 рассыльщиков 68 руб. 40 коп.³ Регулярное денежное ассигнование правительством начало претворяться в жизнь с конца 1763 г. В Свияжской провинциальной канцелярии за майскую и сентябрьскую трети 1771 г. заработная плата служащих была следующей: воевода полковник И.Н. Гневашев получал 400 руб., воеводский товарищ коллежский асессор Меркозин – 250 руб., секретарь титулярный советник Горемыкин – 150 руб., протоколист А. Треской – 100 руб., провинциальный регистратор Н. Зиновьев – 86 руб., губернским регистраторам А. Протопопов и И. Апехтин выдавалось по 64 руб. В среднем канцеляристам выплачивали от 44 до 58 руб., подканцеляристам и копиистам – от около 9 до 36 руб.⁴ На 1775 г. в Ядринской воеводской канцелярии для заработной платы служащим было выделено более 1400 руб., из которых на воеводу и секретаря было предусмотрено 625 руб.⁵ Для содержания штата служащих Цивильской воеводской канцелярии было ассигновано более 1803 руб. в год⁶.

---

¹ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 725. Л. 2.

² Там же. Д. 406. Л. 3.

³ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 357–358 об.

⁴ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 297–297 об.

⁵ Там же. Д. 199. Л. 23–24, 30.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Д. 57.

При смене воевод центральные учреждения тщательным образом проверяли приходно-расходную документацию. Так, в ведомости, подготовленной в Камер-коллегии, приводятся списки, правивших в 1733–1735 гг. воевод у которых были обнаружены упущения в сфере финансов. В ходе проверки у бывшего свияжского воеводы бригадира Ф. Козлова «явились многие неисправы», на что коллегия направила в Свияжскую провинциальную канцелярию указ и рапорт в Сенат. Определенные вопросы по осуществлению фискально-налоговых функций были у аудиторов к воеводам Курмышской канцелярии А. Долбилову и Цивильской канцелярии В. Заборовскому¹. В 1733 г. Камер-коллегия пыталась разобраться по финансовым отчетам о «несходстве и недоимке» денежных сумм симбирского воеводы Б. Толстова и его заместителя капитана И. Быткова².

Сведения о злоупотреблениях и хищениях казенных средств содержатся в различных архивных материалах. С фиском также связано множество взысканий и наказаний чиновников разных уровней и социального происхождения³.

При рассмотрении фискально-финансовой политики правительства на территории Чувашии следует обратить внимание на то, что в 1740-х гг. принявшие крещение нерусское население, как и в случае с набором рекрутов, освобождалось от уплаты налогов. Вместо них подати платила некрещеная часть населения⁴. Поэтому воеводским органом управления в деле сбора налогов приходилось подходить дифференцированно, сделав основные усилия по выколачиванию налоговых средств от «иноверцев».

Наличие финансовых ресурсов во многом определяло успешность исполнения воеводами хозяйственных функций. В 1738 г., например, чебоксарским воеводой А. Квашниным-Самариным было приказано подканцеляристу М. Бирюкову купить для воеводской канцелярии «бумаги расхожей пять

---

¹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 957, 958.

² Там же. Л. 962.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 105–106; Д. 73. Л. 2–5 об., 14; Оп. 2. Д. 61. Л. 221–222; РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 87. Л. 269, 497 об.; Д. 88. Л. 134 об.

⁴ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 348.

стоп, книжной – одну стопу, свеч сальных 1000, сургучю полфунта, дров на топления канцелярии подрядить, поставить 15 сажень, для клажи ко охранению приходных и расходных книг ящик, на обертку оных книг кожи и чернил»¹. На канцелярские нужды в последней трети 1774 г. в Ядринской канцелярии было направлено 18 руб. 75 коп. (писчая бумага 8 стоп, 3 пуда сальных свеч и т.д.)².

Воеводы для несения рассыльщиками службы должны были обеспечить их военным снаряжением и оружием. В 1762 г. в Цивильскую воеводскую канцелярию поступил указ, в котором говорилось о необходимости иметь в воеводских канцеляриях арсенал оружия с порохом и шпаги³. В 1780 г. штатная команда Чебоксарской воеводской канцелярии располагала 27 фузеями, патронными сумами, «пыжевниками», трещотками, отвертками, 28 шпагами, портупеями, 540 патронами⁴.

Круг хозяйственных полномочий воевод распространялся на здания и имущество, которых необходимо было содержать. От их состояния зависели условия труда работников канцелярии. Основная доля хозяйственных забот приходилась на поддержание присутственных мест – канцелярий и тюрем. На эти цели должны были выделяться средства. В 1738 г. на строение и починку канцелярии и воеводского двора Чебоксар было заложено 10 руб. из неокладных доходов⁵. В 1746 г. Чебоксарская воеводская канцелярия представила свияжскому воеводе отчет «о казенных ветхих строений к починке годных, и что и каких материалов принадлежит». Он сопровождался сметой с указанием расходов на материалы и выплату строителям⁶. В 1762 г. воеводская канцелярия Цивильска сообщала, что еще в конце 1749 г. была состав-

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2.

² Там же. Д. 199. Л. 24.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 81.

⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 102 об.

⁵ Там же. Д. 30. Л. 1 об.

⁶ Там же. Д. 37. Л. 565.

лена смета расходов на постройку канцелярии и тюремной избы. Строительство должно было обойтись казне около 730 руб.¹

При скудном выделении денежных средств в деле по обустройству и содержанию хозяйства воеводам приходилось рассчитывать на свои силы. Так, в 1728 г. сенатский указ распорядился разместить воеводских канцелярий в строениях полковых дворов. В 1729 г. перед алатырским воеводой стояла трудная задача в связи с отдаленностью штабных дворов в 15 и 40 верстах. Поэтому для решения вопроса он обратился к нижегородскому губернатору, предлагая перевоз «с Троицкого штабного двора на канцелярию шесть светлиц или строений вновь»². В 1774 г. чебоксарский воевода разрешил ветхие строения разобрать. Сгнившие бревна были отправлены «на топление печей в канцелярию», а пригодные для использования – «употреблены на поправление конюшни»³.

В конечном итоге задуманная Петром I фискально-финансовая система, несмотря на ряд корректировок, была сформирована к 1726–1727 гг. На областном уровне вплоть до реформ 1775 г. она была централизованной: низшие звенья подчинялись высшим и все они находились под непосредственным контролем центральной власти. Однако многоступенчатая технология сбора и отсутствие единого отраслевого фискально-финансового «окна» не позволяли на местах скоординировано исполнять сбор и отсылку сумм, а также вовремя отправлять в различные ведомства отчетно-финансовую документацию. Накапливавшиеся в ходе фискальной практики недоимки свидетельствуют о том, что областным правителям не удавалось в полном объеме выполнять и реализовывать поставленные задачи. В то же время часть финансов оставалась на местах и шла на хозяйственные нужды учреждений, на жалованье приказных людей и военнослужащих. Постоянная нехватка денежных средств в местных и центральных структурах порождали

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 139.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 706. Л. 289–289 об.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 85.

непрозрачность денежных потоков в казну и злоупотребления со стороны чиновников.

Массовая насильственная христианизация «инородцев» в середине XVIII в. отразилась на дифференцированном подходе в деле проведения воеводами фискальной политики правительства на территории Чувашии. Он заключался во взимании подати с не принявшей православие части нерусского населения, которой также приходилось дополнительно платить налоги за крещеных соплеменников.

3.3. Судебные и нотариальные функции

Полицейско-правоохранительные полномочия воевод неразрывно связаны с судебными функциями. В судебную компетенцию воевод входило осуществление суда «по форме» (1723 г.)¹. Согласно наказу 1728 г. им предписывалось судить население «без всякого продолжения» и безволочитно².

В губернской системе управления на провинциальные и уездные воеводские суды приходилась большая часть нагрузки по распутыванию различных дел. Такое обстоятельство было обусловлено тем, что в их ведении находилось население уезда, в том числе горожане выходили на них апелляцией. Уголовные дела судьи-воеводы рассматривали независимо от социального положения подведомственного сельского и городского населения, за исключением военных чинов. Население губернии на решения уездного и провинциального воеводского судов могло подать апелляцию губернатору, а в последующем, в случае неудовлетворенности, обыватели вовсе могли обратиться в Юстиц-коллегию и в Правительствующий сенат³.

---

¹ ПСЗ–1. Т. 7. № 5069. 5 мая 1727 г. С. 787–788.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

³ ПСЗ–1. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 97–100.

Во всей системе судопроизводства каждая из приведенных инстанций не только была апелляционной, но и контролирующей. С этой же целью в 1740-х гг. был восстановлен институт прокурорской службы, курировавший исполнение судебно-следственных дел¹. Политические дела были подконтрольны Тайной канцелярии (Канцелярии тайных розыскных дел, Тайной экспедиции).

В правовом регулировании самодержавная власть придерживалась политики, строившейся на традиционно-юридических принципах феодальной эпохи. С одной стороны, воеводская юстиция XVIII в., как и вся российская система судопроизводства, основывалась на статьях Соборного уложения 1649 г., а также на «новоуказных» статьях. Воеводы дополнительно руководствовались Уставом воинским и его артикулами 1716 г., так называемыми «сыщиковой» (1683 г.) и «офицерской» (1719 г.) инструкциями, указами о производстве судебных дел 1723, 1731 и 1763 гг. и др. Таким образом, законодательно-нормативная база позволяла воеводам воплощать в себе функции следователя, прокурора и судьи². С другой стороны, в судебной практике вершители Фемиды ориентировались на традиционные нормы. К примеру, воеводы на территории Чувашии приводили «инородцев» к присяге и проводили следственные испытания по их шерти (вере)³.

Основным показателем результативности воеводского судопроизводства являлась раскрываемость правонарушений. Для анализа нами использованы решенные дела Чебоксарской, Цивильской, Ядринской, Курмышской уездных и Свияжской и Алатырской провинциальных канцелярий за 1728–1779 гг. (см. приложение 25). Из выявленных материалов следует, что воеводской властью по отношению к 89 осужденным, в зависимости от степени тяжести правонарушения и вины, вынесены как оправдательные, так и обвинительные приговоры. Из общего количества правонарушений на кражи приходится более 65 %, на долю разбоев – 6,7 %, убийств – около 4,5 %, а на

¹ ПСЗ–1. Т. 11. № 8480. 12 декабря 1741 г. С. 544–546; ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 135. Л. 28 об.; РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 141.

² ПСЗ–1. Т. 5. № 3294. Января 1719 г. С. 625; Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 97.

³ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–8.

прочие преступления и проступки – 23,6 %. Такие сравнительные данные позволяют определить общую тенденцию совершаемых обывателями правонарушений и методов борьбы с ними на территории Чувашии.

В воеводской судебной практике учитывались смягчающие и отягчающие обстоятельства совершенных правонарушений (количество судимостей, возраст, признал вину или нет и т.д.). Приговоры воевод варьировались, начиная от постановлений с формулировкой «без наказания» и заканчивая телесными экзекуциями и ссылкой.

Оправдательные решения принимались в связи с отсутствием состава правонарушения, передачей подсудимого на «добрые» поруки. Судебные разбирательства экономического характера, например, о держании беглого, ограничивались возмещением владельцу «за пожилые годы»¹. Также заканчивались мировыми долговые споры и некоторые дела о краже, что было приемлемым условием для воевод, чтобы закрыть дело. Воеводский суд также мог пойти навстречу истцу, когда тот принимал решение прекратить дело². В ходе христианизаторской кампании в середине XVIII в. язычники, к примеру, могли уйти от наказания, приняв православную веру. Так, в 1745 г. чувашам-язычникам, грозившим одному за кражу битье кнутом, а другому за ложное доноительство – смертная казнь, им за восприятие христианства были вынесены оправдательные вердикты, и они были отпущены на свободу³.

Самым распространенным видом наказания было бичевание кнутом или плетью. В 40–60-х гг. XVIII в. правительство несколько смягчило применение на практике наказание колодников кнутом, заменив плетью⁴. Например, в 1774 г. по отношению 19-летнего осужденного Е. Петрова судья-воевода счел необходимым дать снисхождение. Он приказал, чтобы его (так как он «по молодым своим летам годным состоит к военной службе»)

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 52. Л. 16.

³ Там же. Д. 36. Л. 12, 19–29.

⁴ ПСЗ–1. № 11750. 10 февраля 1763 г. Т. 16. С. 154–157; ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 186. Л. 6 об.–7.

наказали лишь плетьюми¹. За многократное совершение подсудимыми краж или грабежей воеводы принимали довольно суровые приговоры со следующими формулировками: высечь кнутом, отрезать левое ухо или клеймить лоб и щеки словом «вор» или «тать», заковать в кандалы и выслать на вечную каторгу в Нерчинск, Рогервик². На подсудимых также налагались материальные взыскания³.

В случае бегства злоумышленника, а также когда ворованные вещи оказывались в канцелярии не востребованными их хозяевами, то воеводы, исходя из нормы закона, троекратно объявляли торги и выставляли изъятое и арестованное движимое и недвижимое имущество на продажу. Золото и другие драгоценности им следовало отсылать в Монетную канцелярию, а «годных в службу» лошадей полагалось предоставлять Военной коллегии⁴.

С чего же начиналось воеводское расследование, какова была технология сыска и как выносились и исполнялись судебные вердикты?

В большинстве случаев все начиналось с челобитной, являвшейся основанием для заведения следственного дела и проведения воеводами досудебного расследования. Иногда достаточно было словесно известить о случившемся воеводе⁵. Из челобитных потерпевших видно, что воеводам часто приходилось заниматься раскрытием краж и грабежей⁶. Как правило, добычей злоумышленников становились вещи, утварь, мёд, деньги, скот, драгоценности и т.д. Кроме них в особом контроле у воевод были дела по рассле-

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 21 об.–22.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 27–30; Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 103–104 об.; Ф. 545. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 5–5 об.; Ф. 545. Оп. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 92 об.–93.

⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 5–5 об.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 69; Ф. 2. Оп. 2. Д. 13. Л. 145.

⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 51; Д. 15. Л. 1–2, 12, 45; Д. 16. Л. 4, 7, 30, 48, 63; Д. 21. Л. 798; Д. 30. Л. 4–4 об., 7; Д. 135. Л. 121 об.–122, 127 об.–128; Оп. 2. Д. 41. Л. 306–312; Д. 48. Л. 1, 2–3, 7, 22, 37, 50–50 об.; Д. 69. Л. 19; Ф. 3. Оп. 1. Д. 9.

дованию убийств, суицидов¹. Были случаи, когда воеводы в соответствии с законодательством принимали решение «по тому делу суда не давать»².

При производстве следствия по государственным преступлениям³ воеводы должны были сохранять секретность и проявлять оперативность. Согласно указам 1726 и 1730 гг., воеводы тайно расспрашивали заявителя и подозреваемых о «государевом слове и деле». Потом их пытали, и, удостоверившись в подлинности дела, готовили приказ о конвоировании в Москву в Тайную канцелярию (ранее – в Преображенский приказ). Подданные могли объявлять о «слове и деле» при свидетелях или рассказать во время следственных мероприятий в канцелярии⁴.

При обнаружении кражи или других правонарушений как потерпевший, так и любой обыватель округа, созывал жителей на сход. Зачастую сотники, десятники и старосты с односельчанами прибегали к потерпевшему на его крик о помощи⁵. Потерпевшая сторона, без какой-либо помощи воеводы, по горячим следам начинала на общинном уровне проводить собственное расследование. В первую очередь на месте происшествия сотники и пятидесятники при свидетелях осматривали и обыскивали место происшествия, в надежде на то, что не остались какие-либо вещественные улики. После поимки подозреваемых доставляли в воеводские канцелярии для «суда по форме»⁶.

В расследовании воеводы старались соблюсти всю последовательность процедуры судопроизводства. Для сыска подозреваемых воеводы привлекали рассыльщиков (солдат из штатной команды), которые, согласно выданной инструкции, должны были совместно с выборными сотскими, десятскими или старостами произвести при свидетелях задержание ответчика и доставку

¹ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 240; Д. 3. Л. 111 об.–113; Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 5; Д. 32. Л. 1–25; Д. 85. Л. 1–20; Д. 153. Л. 1–7; Оп. 2. Д. 41. Л. 48 об.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 791.

³ Подробнее см.: Анисимов Е.В. Указ. соч.

⁴ РГАДА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 8; ПСЗ–1. № 5528. 10 апреля 1730 г. Т. 8. С. 261–264; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–4, 8–15, 23–23 об., 26 об.–28, 32–37; Д. 73. Л. 2–72; Ф. 474. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–13 об.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 474. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 4 об., 7.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1 об.; Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 2; Ф. 545. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.; Д. 7. Л. 15 об.

в канцелярию. В целях поимки правонарушителей на публичных местах объявлялось о розыске подозреваемых и об их особых приметах¹. После поимки в воеводских канцеляриях с арестанта снимали первые показания без пыток. В протоколах фиксировались общие сведения о задержанном лице (имя, возраст, рост, национальность, крещен или нет, когда исповедовался, словесное описание его внешности)² и об обстоятельствах правонарушения. «Роспросы» заключенного сравнивались с изложенной в челобитной версией истца, что позволяло воеводе принять ряд решений для установления истины. Злоумышленников также проверяли дополнительно на причастность недавно совершенных правонарушений, произошедших на территориях соседних воеводских учреждений³. В конечном счете, истинность показаний подозреваемого проверялась в воеводских застенках трехкратной пыткой, очными ставками⁴, повальным обыском – сбором показаний («сказок») с населения округа, где проживал ответчик⁵, а также, при необходимости, составлением описи его имущества⁶.

В практике розыска главное было добиться, чтобы в показаниях истца, свидетелей и ответчика нашлась точка соприкосновения. Для этого следователи-воеводы прибегали к устоявшимся нормам допроса. Перечень вопросов готовился на основе челобитной с конкретными формулировками, чтобы услышать от допрашиваемого участника дела недвусмысленный ответ. «Во-

¹ В 1755 г. в г. Чебоксарах для всеобщего сведения доводилось: «Публикация. По указу ея императорскаго величества ис Чебоксарской воеводской канцелярии объявляетца во всенародное известие. Понеже Чебоксарской канцелярии Нефед Семенов, утратя некоторую сумму денежной казны, ис Чебоксар з женою и з детми бежал, того ради в Чебоксарской воеводской канцелярии определено о поимке» (ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 73. Л. 17). В марте 1768 г. в Ядринскую воеводскую канцелярию поступил указ с описанием примет беглого пономаря М. Савинова: «ростом два аршин четыре вершков, волосы на голове светлорусые, лицо и нос продолговаты с рибинами неболшими, глаза серые, [говорит] чисторечив...» (ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 38).

² ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 133. Л. 2–2 об.

³ Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–19.

⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 20–23; Д. 143. Л. 25–25 об.; Оп. 3. Д. 1. Л. 1–1 об.; Ф. 474. Оп. 1. Д. 10. Л. 12, 14 об.–15; Ф. 545. Оп. 1. Д. 8. Л. 10, 27.

⁵ ПСЗ–1. № 1. 29 января 1649 г. П. 36, 39, 44. С. 141–143; ГИА ЧР. Ф. 474. Оп. 1. Д. 12. Л. 3–4; Д. 27. Л. 8; Ф. 545. Оп. 1. Д. 13. Л. 19–23.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 57; Ф. 545. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–23.

просные пункты» с учетом показаний сторон корректировались и в дальнейшем использовались на очных ставках и пытках¹.

Кроме «роспросов», подсудимого подвергали пыткам, где ему трижды под истязанием приходилось давать показания. «Число наносимых ударов, – как отмечает исследователь Е.В. Анисимов, – в каждой пытке определяли следователи, которые исходили из обстоятельств дела, показаний пытаемого, его физических кондиций»². Такое заключение справедливо и по отношению к воеводскому судопроизводству. В воеводских застенках использовался распространенный род пытки – поднятие на «виски» или иначе подвешивание на дыбе, сопровождавшееся битьем кнутом или плетью. Бичевание кнутом за кражу составляло от 15 до 20 и более ударов, а за разбойное нападение – от 20 до 40 и порою со жжением огнем³.

Между тем священнослужители в воеводских застенках увещевали арестантов и свидетелей⁴. Духовенство в храмах приводило участников судебного расследования к присяге⁵. Кроме этого сельские служители церкви в пределах своих приходов становились участниками описания имущества ответчика, проведения повального обыска, выступая в качестве свидетелей и заверяя своей подписью подготовленные судебные материалы⁶.

Гражданские дела воеводы рассматривали по известной схеме. Каждая тяжущаяся сторона представляла письменные доказательства на свои права. Все предъявленные крепости на землю, крестьян и другие приобщались к так называемой «Тетрати на улику» и по ним наводились справки⁷.

Все собранные показания и приведенные улики стекались и обобщались в судебском повытье воеводских канцелярий. «Судейские» канцеляри-

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 45–45 об.; Ф. 474. Оп. 1. Д. 27. Л. 4–4 об.; Ф. 545. Оп. 1. Д. 8. Л. 26–26 об.; Д. 17. Л. 5.

² Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 429.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 8, 25–26 об., 47–47 об., 53 об., 55 об., 60, 66, 84–84 об.; Ф. 474. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–13.

⁴ Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 7. Л. 4; Д. 8. Л. 8 об.

⁵ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 6; Ф. 545. Оп. 1. Д. 7. Л. 13–14; Д. 20. Л. 12, 15.

⁶ Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 10. Л. 14–16 об.; Д. 11. Л. 8–11 об.; Д. 12. Л. 8.

⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 2–59.

сты подготавливали для воеводы экстракты следственных дел с изложением всей процедуры расследования и с выписками статей из Соборного уложения и других действующих указов. В современном понимании суда как такого не было, ибо судья-воевода был активным участником следственного процесса и ему в конце концов оставалось лишь вынести судебный приговор по делу. Для вынесения решения было важно, чтобы подсудимый во всем сознался, а показания сообщников и свидетелей не разнились.

Исполнение воеводского постановления ложилось на плечи палача и рассыльщиков (солдат штатной команды) канцелярии. К примеру, в середине XVIII в. при Чебоксарской воеводской канцелярии заплечным мастером («кнутабоицем») был И.М. Беспалов из солдатских детей¹. В 1780-х гг. в г. Ядрине в должности ката находился И. Василев². Наказания осужденного, видимо с целью профилактики правонарушений, ими приводились «на публичном месте з барабанном боем»³. Количество ударов кнутом могло достигать до 150⁴. После сечения кнутом подсудимого, согласно приговору, отпускали на волю или готовили к этапированию в места лишения свободы. Например, с января по март 1755 г. Ядринская воеводская канцелярия приговорила к ссылке в Рогервик 6 чел., на изготовление ручных и ножных кандалов кузнецу было отдано по 45 коп., а суточных кормовых денег было выделено по 1 коп.⁵ Таких ссыльных должны были сопровождать выбранные из числа жителей округа, так называемые провожатые, которые караулили колодников от одного уездного города до другого. В целом в XVIII в. на трактах Российской империи непрерывный поток осужденных преступников, высланных на вечные работы Нерчинск, Рогервик не иссякал. Этот путь пролегал, в частности, и через территорию Чувашии⁶.

---

¹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 387. Л. 10; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 9 об., 12–12 об.

² ГИА ЧР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 104. Оп. 2. Д. 41. Л. 196 об.; Д. 54. Л. 237.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 27 об.–29 об.

⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 40. Л. 12 об., 33.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. Л. 34 / [Лист на фотокопии: 286 об.]; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–9, 17–22.

Одним из важнейших признаков эффективности воеводской судебной системы являлось удовлетворение требований тяжущихся сторон. При этом необходимо обратить внимание на наличие у населения правовой культуры, проявляющейся в понимании закона «через представление о категориях справедливости и несправедливости, через отношения граждан и государства в лице его представителей, через разрешения конфликтных ситуаций с помощью судебных органов»¹.

В качестве основного материала по исследованию правовой культуры населения края стали наказы ясачных чувашских и отчасти других крестьян Среднего Поволжья и Приуралья, поданные в Уложенную комиссию 1767 г. Из 15 наказов, выбранных для изучения, в 11 содержатся сведения о судопроизводстве. В каждом из них заключалось от 7 до 26 выявленных нами так называемых первичных элементов, относящихся к воеводскому суду. На основе 125 первичных элементов был составлен укрупненный ряд категорий (см. приложение 26). При укрупнении выделено четыре блока вопросов, где внутри каждого сконцентрировались взаимосвязанные и схожие категории: 1. О суде по форме; 2. Об участниках воеводского судопроизводства; 3. О характере и недостатках воеводского суда; 4. Об изменении порядка судопроизводства. Внутри укрупненных категорий учитывалась частота повторяемости первичных элементов.

В Петровскую эпоху, наряду с отделением суда от администрации, была установлена специальная форма ведения суда. С 1723 г. по 1780-е гг. «суд по форме» определил единый порядок судопроизводства, что было прогрессивным явлением своего времени. Однако на практике полный разрыв с нормами допетровского времени не произошел, ибо новое Уложение, составление которого было начато в начале XVIII в., не увидело свет². Такие условия

---

¹ Киприянова Н.В. Социокультурный облик российского купечества (по материалам Уложенной комиссии 1767 г.). Владимир, 2011. С. 113.

² Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст[олетии]. Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1887. С. 16–20; Маньков А.Г. Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720–1725 гг. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 159–180.

способствовали незаконной организации словесного суда, устраиваемого воеводами¹ и мирскими сходами во главе волостных сотских². При этом обыватели Среднего Поволжья четко осознавали, что правительство законодательно обязало их обращаться к «суду по форме» в решении любых противоправных деяний. Согласно наказам они должны были идти в суд по форме в случае земельных тяжб, бытовых конфликтов, или «во всех больших и в самых малых претензиях» (п. 1.1).

В наказах 36,8 % претензий приходится на участников воеводского судопроизводства. Население выражало наибольшую обеспокоенность (6,4 %) по отношению к поверенным, которых нанимали как ответчик, так и истец (п. 2.1). В современном понимании ходоки-поверенные выступали в роли адвокатов – посредников между представителями власти и тяжущихся сторон; они знали процедуру воеводского судопроизводства и защищали интересы своих нанимателей. В реальности получалось так, что поверенные шли в суд не для поиска истины и справедливости, а ради наживы. Об этом говорят 6,4 % первичных категорий наказов (п. 2.2). Они не только разоряли ответчика и истца (п. 2.7), но и приводили их «ко извинению» и к «винности» перед победившей в суде стороной (п. 2.6).

В воеводском суде причины такого найма и неблагоприятного исхода дела кроились в самих обывателях, которые не знали законов, не разбирались в приказном делопроизводстве (пп. 2.1, 2.3). Также многие обыватели-заявители по бедности и из-за больших размеров судебных пошлин (2,4 %), взимаемых за подачу челобитных, не имели возможности их оплатить (п. 2.5). Значительная часть не обращалась в «суд по форме» из-за того, что пошлина превышала сумму иска (п. 2.8).

Что касается поверенных и свидетелей, привлекавшихся для составления различных справок (3,2 %), судей, чинивших обиды и неправый суд, воров, наказывавшихся кнутом и не менявшихся в своем поведении, причи-

---

¹ Енин Г.П. Словесный воеводский суд...

² Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 331–332; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 69. Л. 20.

няли населению материальные издержки и моральное неудовлетворение (пп. 2.4, 2.9–2.22).

Общая оценка деятельности воеводского суда зависела от того, как налаживались взаимоотношения между участниками судопроизводства – истцом, ответчиком, поверенными, свидетелями, канцелярскими служащими и судьей-воеводой, и как был организован судебный процесс. В наказах обыватели обращают свое внимание на ряд недостатков воеводского суда. Во-первых, 4,8 % наказов относятся к категории, в которой по различным причинам населению наносились «многие волокиты, убытки и разорения» (п. 3.1). Пункт 3.2 позволяет уточнить, что отрицательное отношение населения к суду было связано с затягиванием судебного разбирательства (4,0 %). Во-вторых, выигранные судебные дела не позволяли взыскивать с виновных материальные затраты, понесенные во время суда (3,2 % – п. 3.3). В-третьих, вызывали недовольство со стороны местного населения письменное ведение мелких судебных дел (1,6 %), задержание участников судопроизводства в городах под караулом (1,6 %), выезд в суд во время страды, покупка гербовой бумаги (пп. 3.4–3.8).

В наказах обыватели предлагали изменить порядок судопроизводства. Этого вопроса касались более 38 % пожеланий из общего количества первичных категорий (п. 4). В пункте 4.1 население просило, чтобы кроме «суда по форме» отдельно был организован суд по мелким делам, например, как словесный, третейский, государственно-ясачный (8 %). Против «суда по форме» выступала незначительная часть населения (1,6 % – п. 4.8). Суды, как информируют 4,8 % данных, по мелким правонарушениям должны были перейти к выборным из однодеревенцев без «какого б ни было чину» или сотским, десятским (п. 4.2). В пункте 4.22 имеется категория, ограничивающая дворянам занимать должность судьи. Выборные судьи должны были иметь следующие функции: принимать челобитные и изветы, судить, собирать пошлину, взыскивать возмещение нанесенный морально-материальный ущерб в пользу истца и т.д. (пп. 4.11–4.15).

Следующим шагом по реформированию воеводского суда должно было стать упрощение процедуры рассмотрения дел. Оно заключалось в том, чтобы дела производились следствием преимущественно посредством сбора свидетельских показаний (3,2 %), выдачи подписок (1,6 %), без найма поверенных (0,8 %), без посылок во время страды (пп. 4.3, 4.4, 4.9, 4.10). Если подозреваемый давал признательные показания в совершении воровства, то его следовало выслать «в отдаленные места» (1,6 %), а за неоднократную татьбу – отдать в рекруты (1,6 %) (пп. 4.6–4.7). В группе сведений, представленной единичными случаями, за исключением пункта 4.5, наказания были направлены на минимизацию материальных затрат и их возмещение за счет подсудимых и снижения размера судебных пошлин (пп. 4.5, 4.16–4.21, 4.23–4.26).

Таким образом, из наказов видно, что воеводское судопроизводство не могло полностью удовлетворять потребности жителей края. Большие денежные затраты, канцелярская волокита сулили как истцу, так и ответчику разорение. Поэтому население в наказах просило власть организовать такой суд, который мог в их понимании устроить их претензии, обеспечить беспристрастность и справедливость.

Всё же представленная в наказах информация не раскрывает полную картину сложившейся практики функционирования судебной системы на местах. Судьи-воеводы, их аппараты управления, поверенные, состоятельные слои населения использовали суд в качестве инструмента обогащения и злоупотреблений¹. Судьям-воеводам с канцелярскими служащими не всегда удавалось грамотно и безволокитно организовать судебное разбирательство. Если большинство уголовных дел воеводам удавалось завершить за срок от месяца до полгода или года, то гражданские дела, связанные с наследственными, земельными и иными спорами, тянулись очень долго. Нередко сроки решения гражданских дел затягивались и по вине самих тяжущихся сторон. Например, дело о разделении наследства между канцеляристом Кокшайской воеводской канцелярии А. Казанцевым и помещицей М.И. Шаховой продол-

---

¹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. [Лист на фотокопии: 718].

жалось с 22 февраля 1749 г. по 3 марта 1753 г., а спор о дележе имущества Н.М. Трушенникова затянулся на два десятилетия и был решен лишь в октябре 1765 г.¹

Уездным и провинциальным воеводским канцеляриям при разборе гражданских дел часто приходилось обращаться за консультацией и наведением разного рода справок в различные центральные и местные вышестоящие учреждения. В связи с этим сроки рассмотрения дел затягивались. Затягивание канцелярскими служащими дела или неправильное вынесение приговора воеводами позволяли им греть свои руки, а участники суда несли большие расходы. Так, в 1772 г. Свияжская провинциальная канцелярия была обеспокоена тем, как идет следственное дело по исковому челобитью Чебоксарского Спаса-Преображенского монастыря с деревенскими жителями Чебоксарского уезда. Провинциальные власти требовали от воеводы г. Чебоксары выяснить, «по каким случаем то дело завалилось» и нет ли за повытчиком И. Мартыновым какой-либо «фальши»². За время судебных тяжб незаконно изъятые ответчиком земли или имущество наносили истцу большой убыток. По подсчетам челобитчика канцеляриста Ф.Н. Трушенникова с 1742 по 1751 г. с его отцовской мельницы и сенных покосов он потерял свыше 900 руб.³ По решению казанского губернатора было приказано взыскать с бывшего чебоксарского воеводы князя А.А. Путятина и подьячего с приписью Я. Смирнова в пользу государства 500 руб.⁴

Дополнительным бременем ложились на местное население различные поборы, собиравшиеся канцелярскими служителями во время досудебного расследования. Например, новокрещенные чуваша д. Тоганашево Чебоксарского уезда заявили подполковнику А. Свечину о том, что нарочные солдаты, приезжая за ответчиком, за каждый приезд брали от 70 коп. до 2 руб. Кроме этих издержек «с челобитчика, так и ответчика воеводы прежде бывшие и

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 46. Л. 4–71; Д. 106. Л. 2–46.

² РГАДА. Ф. 441. Оп. Д. 85 а. Л. 379.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 2–2 об.

⁴ Там же. Л. 45–46.

ныне имеющиеся, так же и приказные служители берут деньги по 50 коп. и по рублю и больше с человека»¹.

Местное население непрерывно обращалось за справедливостью к губернатору, в Юстиц-коллегию и даже в Сенат. Так, жалобы жителей д. Второй Степановой о злоупотреблениях гражданского посадского человека П.Л. Демяшева остались не услышанными ни воеводой, ни состоявшим «у защищения» новокрещен титулярным советником Мякишевым, ни другими должностными лицами местных и центральных учреждений. В экстракте подполковника А. Свечина показано, что они при подаче только челобитен выплатили Мякишеву 8 руб. 90 коп., в Цивильском магистрате за гербовую бумагу 85 коп., подьячему О. Чеадаеву 1 руб., майору следственной комиссии Анушкину 15 руб., поверенному г. Козьмодемьянска посадскому человеку И. Сидорову за ходатайство в следственную комиссию 13 руб., за гербовую бумагу 55 коп. и т.д. Безуспешны были обращения степановцев в Юстиц-коллегию и в Сенат².

С введением в уездах воеводских канцелярий крепостные дела перешли под юрисдикцию областных правителей и находились в этом ведомстве вплоть до 1780-х гг. Крепостные дела вели специальные приказные служащие. К примеру, еще в 1716 г. в Чебоксарах в земской избе нотариальные обязанности исполняли надсмотрщик подьячий П. Ушаков и писец Н. Трушеников³. С учреждением при Свияжской провинциальной канцелярии крепостной конторы в 1728 г. в ее штате писцами состояли В. Попов и А. Бесхлебницын⁴. В 1735 г. в Алатырской крепостной конторе надсмотрщиком был выбран подканцелярист И. Михайлов, а в 1779 г. – И.М. Фурсов⁵.

По данным законодательных и сохранившихся делопроизводственных материалов воеводских канцелярий и крепостных контор, канцелярские слу-

¹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. Л. 193–194 / [Листы на фотокопиях: 822–822 об.].

² Там же. Л. 116–121 / [Листы на фотокопиях: 783 об.–786].

³ РГАДА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

⁴ Там же. Ф. 441. Оп. 1. Д. 48. Л. 28.

⁵ Там же. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 168. Л. 313; Ф. 615. Оп. 1. Д. 98. Л. 13 об.

жащие назначались на должности надсмотрщика и писца с разрешения воеводы. По именному указу от 18 июня 1731 г. воеводы обязаны были выбирать на двухлетний срок и утверждать на должность надсмотрщика из «самых добрых и правдивых» канцелярских людей. Провинциальные воеводы выдавали им прошнурованные и заверенные печатями книги¹. Они исполняли свои функции согласно внутренней организации деятельности воеводских учреждений, в частности с учетом предписаний Инструкции надсмотрщикам крепостных контор 1738 г.² и других нормативных актов, изданных до 1781 г.

Главной задачей крепостных контор являлось регулирование имущественных и обязательственных отношений в обществе. В ходе их деятельности оформлялись различные правовые акты: купчие, закладные, сделочные, поручные, наемные, заемные и др. Часто на их основе судебными органами разрешались наследственные и спорные дела.

В 1742 г. алатырских крепостных дел надсмотрщик придал юридическую силу продаже А.С. Масловым дворового места в Алатыре И.И. Тимофееву за 8 руб.³ В 1753 г. извозчики д. Карачюры Чебоксарского уезда договорились с купцом К. Кадомцовым о перевозке из Чебоксар до Санкт-Петербурга «красного яфатного товара и сала на 63 подводах» за 334 руб. 80 коп.⁴ В 1756 г. чувашские крестьяне с. Богородское Первые Хормалы тож Шерданской волости Чебоксарского уезда заняли на мирские нужды 60 руб. и сдали заимодавцам из д. Сурский Майдан на пять лет мельницу на р. Хорамалке и сенные покосы. Все эти сделки юридическую силу получили в Чебоксарской крепостной конторе⁵. В 1765 г. Алатырской провинциальной канцелярии канцелярист К.П. Зеленин представил в крепостную контору поручную запись. В акте указывал, что «выбран он канцелярскими служителями в будующие 1765 и 1766 годе для зборы с крестьян пошлин денежной казны надсмотрщики». Условия поручного документа были направлены

¹ ПСЗ–1. Т. 8. № 5783. 18 июня 1731 г. С. 479–480.

² Там же. Т. 10. № 7594. 8 июня 1738 г. С. 505–533.

³ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 15. Л. 5–5 об.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 59. Л. 62.

⁵ Там же. Л. 155–155 об.

на то, чтобы в случае недостачи казенных средств или хищений, надсмотрщик должен будет возместить утраченные суммы путем продажи дворового места и пожитков. Дополнительно за него поручались трое горожан¹. 19 декабря 1771 г. и 9 февраля 1772 г. в крепостной конторе Алатыря были оформлены явленные отпускные, дающие право дворовым людям жены архитектора А.П. Евлашева С. Степановны после ее кончины уйти «на волю»².

В практике исполнения воеводами нотариальных функций важно было навести справки по совершаемым сделкам, что можно встретить в протоколах уездных и провинциальных канцелярий. К примеру, 15 апреля 1779 г. чебоксарский мещанин Ф.И. Елкин договорился о продаже в Чебоксарах двора с свияжским купцом И.И. Кулеховым. До процедуры оформления воевода хотел разузнать от администрации Чебоксарского магистрата: «нет ли на нем Елкине... казенных и... партикулярных домов»³.

Итак, воеводское судопроизводство и институт нотариата регулировали правовые основы в обществе и играли огромную роль в сохранении устоев абсолютизма. Воеводы, осуществлявшие суд на территории Чувашии, применяли на практике нормы закона, позволявшие нерусскому населению в случае принятия православия уйти от судебного преследования и наказания. Несмотря на развитость судебной системы, население в наказах указывало на ряд недостатков воеводского судопроизводства. Порядок воеводского расследования и суда нуждался в корректировке и упрощении, в частности путем передачи части судебных полномочий воевод другим должностным лицам, организации суда по мелким делам, возложении судебных функций представителям местного самоуправления.

---

¹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

² Там же. Д. 88. Л. 60 об.; Д. 89. Л. 2 об.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 54. Л. 331.

3.4. Взаимодействие воеводской власти с органами общинного самоуправления и различными социальными группами

Низшая ступень воеводского управления была сконцентрирована в сельских и городских общинах. Она состояла из волостных сотников, пятидесятников («полусотников»), десятников, деревенских старост и др. На сходах общин решались насущные, в том числе спущенные областными правителями, вопросы.

Без четкой организации института общинного самоуправления и подчинения его воеводской системе управления трудно себе представить полноценное функционирование местных государственных учреждений XVIII столетия. По мнению Б.Н. Миронова, в XVIII – первой половине XIX вв. «происходило усиление формальной структуры общины, расширение ее полицейской и податной функций... Наделяя общину полицейской и податной функциями, власти оставляли за ней выполнение других функций, направленных на удовлетворение материальных, правовых и духовных потребностей»¹. Важной составляющей общинного самоуправления была круговая порука. Она выражалась «в ответственности всех членов общины за каждого отдельного члена и каждого отдельного члена за всех членов общины в выполнении феодальных и государственных повинностей, в соблюдении общественного порядка и законов феодального государства»². С одной стороны, население управлялось выборными лицами из своей среды, но под пристальным смотрением местной администрации. С другой стороны, такая организация была обоюдно выгодна как для общины, так и для центральной власти. Во-первых, как отмечает В.Д. Дмитриев, общинная организация крестьян играла в их жизни положительную роль³, в том числе по сохранению рычагов традиционного управления и связей с коронной администрацией. Во-вторых, госу-

---

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи... Т. 1. С. 431–432.

² Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 329–330.

³ Там же. С. 330.

дарству не приходилось организовать дополнительные учреждения или расширять аппарат управления, что позволяло сэкономить казенные деньги.

Центральной и в тоже время наиболее близкой к воеводской администрации фигурой являлся волостной сотник, в лице которого аккумулировалось общинное волостное управление. Ему подчинялись остальные сотники, полусотники или пятидесятники, десятники, старосты. На эти должности в мирах организовывали выборы¹. Так, в 1739–1741 гг. волостным сотником Андреевской волости Свияжского уезда являлся К. Кичекеев. После его смерти были проведены очередные выборы с участием крестьян из 19 селений, на которых победу одержал чуваш д. Янситова Б. Саросламов². В 1773 г. в Чекурской волости Свияжского уезда «с общего мирского согласия выбрали» А. Михайлова (Артюшку). Он сменил волостного сотника Б. Федорова (Отхилу), который сложил свои полномочия из-за «непорядки...» и в связи с причинением различных обид членам общины³.

Новый волостной сотник давал клятвенное обещание перед воеводской властью⁴. С 1774 г. после процедуры принесения клятвы волостной сотник А. Михайлов (Артюшка) стал управлять 5278 ревизскими душами в 25 населенных пунктах Чекурской волости⁵. 10 марта 1775 г. в протокол Ядринской воеводской канцелярии был внесен вопрос о выборе волостного сотника. Крестьяне Ядринской волости просили вместо бывшего волостного сотника Ф. Семенова (Сибекеея) («за старостию и слабостию от бытия в соцких отрекся и быть более не желает») назначить выбранного ими нового сотника В. Никитина (Шарипа)⁶.

Избранные сотники и другие общинные должностные лица обязаны были подавать в воеводские учреждения сказки, т.е. отчеты, или рапорты. В документах Чебоксарской воеводской канцелярии, составленных в 1749 г.,

¹ Подробнее см.: Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 330–333.

² РГАДА. Ф. 441. Оп. 2. Д. 340. Л. 1–9.

³ Там же. Оп. 1. Д. 757. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 199. Л. 15–15 об.

читаем, что согласно Новоуказным статьям 1669 г. и указу 1738 г. повелевалось выбирать для сыска и искоренения воров и разбойников «с каждых ста дворов соцкого и пятидесяцкого». Они по окончании каждого месяца в первых числах обязаны были подавать в воеводские учреждения сказки¹. За неисполнение своих обязанностей воеводы отрешали их от дел, наказывали плетьюми².

Общинные должностные лица сосредотачивали в своих руках широкие полномочия³. По сути, они дублировали на местном уровне функции вышестоящих органов и претворяли в жизнь многие пункты Инструкции губернаторам и воеводам 1728 г. В их числе – сбор налогов, осуществление выборов в рекруты, пресечение воровства, разбоев и бегства среди односельчан, подача сказок при ревизиях, охрана лесов, принятие мер по борьбе с пожарами, эпизоотией, голодом и мн. др. Лишь вкратце остановимся на отдельных сюжетах. Исполняя положения инструкции по борьбе с воровством и разбоями, в 1771 г. сотники «к искоренению воров и разбойников» с. Рождественское Ядринского уезда задержали двух подозрительных людей. Последние при себе имели «две рагатины и два зараженных ружей и три тесака»⁴. В 1780 г. сотник Князь-Аклычевой сотни Свяжского уезда С. Солтанов рапортовал свияжскому воеводе о взыскании «за пустовые души» денег 31 руб. 62 коп.⁵ Аналогичные рапорты подали волостные сотники Я. Ишметев и С. Лукоянов⁶. В том же году староста д. Климова Свяжского уезда А. Васильев (Елхиня) подал в Свяжскую провинциальную канцелярию челобитную, где указал, что крестьяне округа незаконно вырубают лес⁷.

Воеводская администрация использовала мирских управленцев и для регулирования цен. В качестве мер воздействия на население, которое было

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 49. Л. 5–6

² Там же. Д. 54. Л. 4.

³ Подробнее см.: Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 330–333.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 3.

⁵ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 92 а. Л. 40 об.

⁶ Там же. Л. 43 об., 56 об.

⁷ Там же. Л. 242 об.

заинтересовано в продаже, например, хлеба по более высоким ценам, выступали расписки волостных сотников. Так, в 1770 г. сотники Свияжского уезда обязались, что крестьяне будут продавать хлеб для корабельных работников «умеренною ценою»¹.

С первой четверти XVIII в., по сравнению с предыдущим периодом развития общинного управления, во время ревизий выборные с миров подавали в органы власти сказки о численности душ. Хотя провинциальные и уездные воеводские учреждения сами не проводили ревизию душ, они занимались выяснением причин утайки и требовали объяснений непосредственно от сотников и других выборных людей².

У воевод и должностных лиц не было возможности уследить за обширным лесным хозяйством. Поэтому эффективной была организация охраны заповедных лесов общинами, что способствовало возникновению должности лесных смотрителей³. Кроме опеки со стороны воеводских учреждений они получали инструкции от «вальтмейстеров и форштмейстеров», о недопущении незаконной рубки леса и чтобы «свиной, коз и коров в рощи не впускать»⁴.

Воеводские органы управления, наряду с требованиями исполнения различных указаний, обязаны были защищать интересы представителей общинного управления и сельских жителей в целом. В 1769 г. сотники Шерданской и Кувшинской волостей Чебоксарского уезда обратились в связи с тем, что в 1768 г. у них были солдаты и за лес «требовали с них денег..., сотника... били немилостиво». Они требовали от воеводы защиты от обид и возмещения материального вреда⁵.

Заинтересованность центральной власти в укреплении связи воеводской власти с общинными институтами самоуправления видна из принятого

---

¹ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 595. Л. 2–12 об.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 107–107 об.; Д. 54. Л. 64; Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 361.

³ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 333.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. [На фотокопии: Л. 615–615 об.].

⁵ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 135. Л. 16 об.–17.

в 1774 г. единой общероссийской «Инструкции сотскому с товарищи»¹. Она состояла из 26 пунктов. В ней зафиксировано законодательное закрепление за представителями общин широких управленческих функций, существовавших с 1720-х по 1770-е гг.

Структура общинной власти, по инструкции 1774 г., была представлена сотником – главой волостного управления, пятидесятниками и десятниками. Они избирались «во исполнение губернаторского и воеводского Наказа, и состоявшихся в пополнение оного Правительствующего Сената»². Согласно пункту 25, сотники волостей и их подчиненные переизбирались в конце каждого года. Кандидаты должны были выбираться «из достаточных и неподозрительных людей по очереди». По устоявшейся традиции, новоизбранные представители миров давали присягу об исполнении указанной инструкции³. Организация управления, взаимодействие волостного сотника с выборными из пятидесятен и десятен осуществлялись на основе пункта 23⁴, по содержанию которого можно сказать, что была создана трехзвенная система волостного управления: волостные сотники – пятидесятники – десятники. При исполнении возложенных по инструкции функций им предписывалось «никуда не отлучаться».

В инструкции на первый план были вынесены вопросы, связанные с полицейским надзором (пп. 3–4, 13, 15). Сотники и их подчиненные боролись с беглыми (пп. 3–4, 13), следили за членами общины, имевшими «прокормежные письма» и разрешение удаляться от места своего жительства не более 30 верст⁵. Общинные представители власти получили различные права (пп. 5–9, 12, 14, 18–19). Правительством им вменялось проследить, чтобы во вверенных территориях никто не занимался корчемством вина. Надлежало пресекать и незаконную торговлю солью⁶. Сотниками с пятидесятниками и

---

¹ ПСЗ–1. Т. 19. № 14231. 19 декабря 1774 г. С. 1067–1081.

² Там же. С. 1067.

³ Там же. С. 1067, 1080.

⁴ Там же. С. 1079–1080.

⁵ Там же. С. 1068–1070.

⁶ Там же. С. 1070–1071.

десятьниками проводились работы по борьбе с мором, эпизоотией, устранению последствий природных стихий и пожаров.¹ Общинные предводители должны были проследить, например, чтобы селяне не строили бани в непосредственной близости от жилых построек, не топили печи в ночное время, не разжигали костры вблизи лесов и посевов, запасались водой и вооружались пожарными инструментами. Погорельцы могли восстановить свои избы с дворовыми строениями только с разрешения воеводской власти².

Сотниками и их подчиненными распутывались земельные и связанные с природными недрами вопросы. К примеру, при возникших земельных спорах пункт 9 призывал участникам сохранять порядок и чтобы они, незаконно вырубив лес и собрав урожай, не приносили друг друга убытки. В инструкции же говорилось, чтобы тяжущиеся стороны «меж, ям и столбов не портили»³. Ловля птиц и зверей (кроме хищных), организовывалась только в установленное время. Во время охоты не разрешалось пользоваться «тенетами, цевками, петлями, клевцами». Были специальные требования к вырубкам леса. Для рационального использования лесного материала в общинах запрещалось изготавливать долбленые гробы⁴.

Пункт 21 обязывал общинное самоуправление приложить усилия по содержанию дорог, мостов, перевозов и бечевников⁵. Инструкция затрагивала сферы взаимодействия жителей общины с духовными лицами (пп. 1–2), вопросы перевода жителей из одного уезда в другой (п. 10), «О вспоможении в забрани оговорных» (п. 16), извещения уездным властям о «монстрах и о куриозных птицах и зверях» (п. 22)⁶.

Отдельно можно выделить пункты, относившиеся к привлечению сотников, пятидесятников и десятников ответственности за неисполнение пунктов инструкции. Им за ненадлежащую службу грозило наказание «по указу

---

¹ ПСЗ–1. Т. 19. № 14231. 19 декабря 1774 г. С. 1071–1072.

² Там же. С. 1074, 1075.

³ Там же. С. 1074.

⁴ Там же. С. 1078–1079.

⁵ Там же. С. 1079.

⁶ Там же. С. 1067–1068, 1074–1075, 1079.

без упущения»¹. На первый взгляд, пункт 17 «О не сборе с крестьян сверх положенного по указам другого ничего, и не отягощении постоями» касался только сборщиков подушины и рекрут. Однако выборным общинным людям, принимавшим непосредственное участие в этой деятельности, четко напоминалось о недопущении взяток и лихоимства². Наиболее ярко и точно о возможных преследованиях сотников с пятидесятниками и десятниками указано в пункте 24 «О чтении сей Инструкции еженедельно»³.

Взаимодействие провинциальных и уездных воеводских канцелярий с духовными учреждениями велось на основе законодательства первой четверти XVIII столетия. Так, при необходимых случаях священнослужители были обязаны открывать тайну исповеди прихожанина⁴. По Наказу 1728 г. губернаторы и воеводы должны были следить, чтобы новокрещены не были обращались в ислам⁵. В этом плане духовенство и местные власти претворяли в жизнь план христианизации нерусского населения. В законодательных актах 1730 г. духовенству предписывалось иноверцев принимать в лоно православия увещеванием, вести учет непричастившихся мирян и т.д.⁶

Приходы были низшими административными единицами церкви, объединявшими несколько деревень вокруг православного села, в котором располагался храм. В руках духовных лиц сконцентрировались широкие функции. Эти функции имели огромное значение в среде сельского и городского населения, в частности для правительственных органов управления.

В 1740-х гг. тесное взаимодействие воеводских и духовных учреждений было вызвано начавшейся активной фазой христианизации «иноверцев». Им вменялись принять меры по запрету строительства мечетей, разведыванию и слежению за некрещеными и принявшими православие крестьянами. В случае отказа от принятия христианской веры, на «иноверцев» налагались

---

¹ ПСЗ–1. Т. 19. № 14231. 19 декабря 1774 г. С. 1070.

² Там же. С. 1076–1077.

³ Там же. С. 1080.

⁴ Там же. Т. 6. № 4012. 17 мая 1722 г. С. 685–689.

⁵ Там же. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 100.

⁶ Там же. № 5496 и № 5518. 14 января и 17 марта 1730 г. С. 245, 257.

штрафы¹. В связи с предоставлением новокрещенам трехлетней льготы, провинциальные и уездные воеводские канцелярии не собирали с них подушину. Тяжелым бременем она ложилась на оставшихся «иноверцах некрещеных»². Однако усилия светских и духовных учреждений не всегда оправдывали надежд самодержавного правительства. Немало хлопот им приносили отпавшие от православия новокрещены или «иноверцы», не принявшие православную веру и примкнувшие к исламу³.

Труд священников на христианско-нравственном поприще в среде язычников и мусульман был не из легких. Духовенству часто приходилось обращаться в воеводские канцелярии для решения тех или иных религиозных вопросов. Например, в 1742 г. Новокрещенской конторой преследовался чуваш П. Патрикеев из д. Босаева Чебоксарского уезда. Его обвиняли в осквернении икон («о святые иконах ругательствах и христианской вероуничижении»). Расследование велось с привлечением представителей местной администрации – рассыльщиков Свияжской провинциальной канцелярии⁴. В 1744 г. в Сенат поступило дело о богохульниках чувашах М. Алешкине и П. Пиксубаеве. Им грозила смертная казнь за «злоумышленные слова про образ Господа нашего Иисуса Христа». Предварительно следствие произвели воевода Кокшайской воеводской канцелярии и казанский губернатор⁵. В мае 1769 г. священнослужитель с. Богородское Первые Киняры тож Чебоксарского уезда Б. Андреев направился в Чебоксарскую воеводскую канцелярию. Он просил дать нарочного, чтобы разыскать новокрещеных чувашей из д. Вторые Киняры Чебоксарского уезда («в не показывании ими русских имен и о не хождении на исповедь»)⁶. В 1771 г. Симбирское духовное правление обратилось к воеводским властям, предъявив реестр новокрещен округа. Поводом послужили нехождение новокрещен в церковь «в воскресные

---

¹ ПСЗ–1. Т. 11. № 8664. 19 ноября 1742 г. С. 719–720.

² Там же. № 8792. 28 сентября 1743 г. С. 916–917.

³ Там же. № 9631. 14 июня 1749. С. 82–85.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34. Л. 300, 456–457.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 6. Кн. 350. Л. 40–46 об.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 135. Л. 93.

праздничные и высокаторжественные дни... в погребении самими собою умерших своих» и т.д.¹

Были случаи, когда воеводские учреждения нуждались в помощи священнослужителей. Так, при расследовании обстоятельств убийства отставного солдата Ф. Анчютина (Он(т)чютина) чебоксарский воевода обратился к настоятелю Чебоксарского архиерейского духовного приказа. Он требовал провести допрос священника, который исповедовал при смерти лежащего солдата². Рассылщикам провинциальных и уездных воеводских канцелярий приказывалось производить осмотры умерших только в присутствии духовенства и жителей округи³. Чебоксарской воеводской канцелярией, например, был дан приказ, по которому нарочному необходимо было выехать в д. Вторые Тинсарини Туруновской волости Чебоксарского уезда и освидетельствовать тело умершего. В нем говорилось: «Какие... есть признаки при священно- и церковнослужителей и тутошних лутчих обывателях, осмотря, описать»⁴. В апреле 1762 г. в д. Котякова Первой Тугаевской волости Цивильского уезда произошло убийство Д. Яковлевой. Осмотр умершей при понятых производили священнослужитель и канцелярист Цивильской воеводской канцелярии И. Попов. В совершении тяжкого преступления подозревался С. Васильев. По показаниям свидетелей оказалось, что Д. Яковлева направилась к нему «для прошения котла медного к варению пива». Исходя из этого, священнослужителем было принято решение подозреваемого С. Васильева, «набив на того... колодку», этапировать в Цивильскую воеводскую канцелярию⁵.

Воеводские органы управления и духовенство тесно сотрудничали в области судебно-следственной практики, в проведении повальных обысков, в расследовании дел о незаконной рубке заповедных лесов, и т.д.⁶

¹ РГАДА. Ф. 443. Оп. 2. Д. 169. Л. 1–2.

² ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 16.

³ Там же. Оп. 2. Д. 41. Л. 3 об., 12.

⁴ Там же. Д. 54. Л. 108 об.–109.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1 Л. 240–243 об.

⁶ Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 7. Л. 13–14, 26 об.; Д. 8. Л. 28 об.; Д. 10. Л. 14–16 об.; Д. 11. Л. 11 об.

Воеводская администрация была заинтересована в выборе сотников из принявших крещение. Она имела отношение и к кампании по христианизации «инородцев» Среднего Поволжья в 1740-х гг. Например, указом из Свияжской провинциальной канцелярии запрещалось выбирать в сотники для смотрения заповедных лесов, воров и разбойников из числа некрещеных жителей общин. В указе говорилось, что иноверческие сотники могут причинить обиды и разорения крещеным односельчанам¹. Следовательно, исполнение указа кроме воевод ложилось и на священников. Они принимали непосредственное участие в выборах должностных лиц низшего звена воеводского управления. К примеру, вместо волостного сотника Князь-Аклычевой сотни Свияжского уезда Р. Сулейманова жителями десяти деревень был выбран П. Селиверстов (Абдылмен). Его кандидатура на выборную должность волостного сотника проходила процедуру согласования с местным священником. Затем в Свияжскую провинциальную канцелярию было направлено доншение и «поверенное за священниковыми руками письмо»². В 1769 г. «за рукоприкладством», т.е. с участием, священника был избран в должность толмача Шерданской волости Чебоксарского уезда Н. Власов³. В свою очередь представители духовного ведомства обращались к местным органам управления о сыске и поимке беглых церковнослужителей и монахов⁴.

Церковь являлась рупором царского правительства, перед мирянами по ее каналам оглашались указы и распоряжения государственных учреждений Российской империи⁵.

Согласно государственной идеологии и по инструкциям для губернаторов и воевод, служащие воеводских канцелярий присягали государю на верность в службе. При получении ими нового чина они, в соответствии с предписаниями, еще раз давали клятвенное обещание императору перед Богом. Присяга проходила в церквях. Текст клятвенного обещания гласил, что прися-

¹ НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Т. 197. С. 128.

² Там же. Фонд В.Д. Дмитриева. Т. 58. Л. 16–16 об.

³ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 135. Л. 86.

⁴ Там же. Л. 53–53 об.

⁵ Там же. Ф. 289. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

гающий обязуется пред Богом верно и нелицемерно служить государю, «по совести своей исправлять» должностные обязанности¹. Так, по приказу Чебоксарской воеводской канцелярии от 12 февраля 1776 г. подканцеляристу А. Попову, после дачи клятвы было решено дать чин канцеляриста². После зачитывания клятвенного обещания и церковного обряда целования креста и Евангелия, присягающий и священнослужитель подписывали присяжный лист³.

Городские власти и провинциальные и уездные воеводские канцелярии взаимодействовали достаточно тесно. Уездные воеводы по указанию провинциального центра выступали в роли контрольно-надзорного и апелляционного органа, и при необходимости активно участвовали в городских делах.

В 1728 г. Свияжской провинциальной канцелярии стало известно о заключении сделки с подрядчиком А.И. Проскуряковым. Он заручился поставить на Чебоксарский кружечный двор 300 ведер простого вина. Провинциальные власти требовали от Чебоксарской воеводской канцелярии, чтобы она через Чебоксарскую ратушу получила «письменное известие» как о самом подрядчике, так и о тех, кто выступал в роли поручителей с подробным описанием имущества. Городские власти сумели предоставить необходимые сведения в июле 1728 г.⁴ Военная коллегия указом от 7 мая 1734 г. наложила штраф за беглого солдата из Чебоксар на ратушского бурмистра Котельникова. Его разыскивала Чебоксарская воеводская канцелярия⁵. В 1734 г. Свияжская провинциальная канцелярия просила погасить образовавшуюся за 1731–1733 гг. недоимку по г. Чебоксары в размере 1134 руб. 52 коп. И на этот раз не обошлось без участия уездного воеводы⁶. В начале 1738 г. воеводская канцелярия Чебоксар, чтобы заставить городские власти подготовить ведомости и счета, отправила капрала Лаптева с двумя рассыльщиками «понууж-

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 54. Л. 76–76 об.

² Там же. Д. 13. Л. 105.

³ Там же. Д. 54. Л. 76–76 об.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 159–163 об.

⁵ Там же. Д. 21. Л. 1249.

⁶ Там же. Д. 19. Л. 57–58.

дать» «бургомистра с товарищи»¹. В 1746 г. воеводские власти докладывали в Казань, что требуемых кузнецов собрать не удастся. Причиной была неотдача 2 кузнецов со стороны руководителей магистрата². В 1774 г. Свияжская питейная контора жаловалась в провинциальную канцелярию о не предоставлении Чебоксарским магистратом ведомостей о питейных продажах за 1773 г. Свияжский воевода приказал Чебоксарской канцелярии «понудить» магистратские власти в подготовке и высылке требуемых ведомостей³.

Фискально-финансовая составляющая функционирования города была под пристальным контролем воеводских органов управления. Сложившаяся практика хорошо прослеживается рапортов ратушских чинов, поданных в воеводские канцелярии, по переписке провинциальных воеводских и городских органов управления⁴. При несвоевременной доставке ведомостей или исполнении поручений городскими властями, уездные воеводы получали нарекания со стороны провинциальных воевод. Так, в 1741 г. Свияжская провинциальная канцелярия сообщала в Сенат, что финансовая документация не выслана и еще готовится. Причиной неприсылки различных ведомостей, например, из Цивильска за 1725–1727 гг., из Чебоксар о кабацких и канцелярских сборах за 1725–1728 гг., таможенных – за 1725 г., указывалось, что «неисправность в том чинится от городовых той провинции воевод»⁵.

Ратуши были обязаны ставить воеводские канцелярии в известность о производящиеся выборах и назначениях на общественные должности. Так, в мае 1742 г. произошло обновление состава выборных служащих из числа чебоксарского купечества⁶. В январе 1744 г. в Алатыре из среды посадских людей выбирали бурмистров, ларечных и целовальников. Они отвечали перед ратушей за таможенные, кабацкие, конские и перевозные сборы. В общей

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.

² Там же. Д. 37. Л. 251.

³ РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 87. Л. 32.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 212–232; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 706. Л. 250–250 об.; Ф. 441. Оп. 1. Д. 92 а. Л. 474; Ф. 627. Оп. 1. Д. 13. Л. 2; Ф. 796. Оп. 1. Д. 1241. Л. 1–1 об., 9 об.–10, 31–32; Оп. 2. Д. 112. Л. 1–1 об., 4, 9; Ф. 814. Оп. 1. Д. 49. Л. 8–8 об.

⁵ Сенатский архив. Т. 3. С. 448.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34. Л. 452.

сложности их было выбрано 105 чел.¹ В свою очередь Алатырская канцелярия предписывала ратуше, чтобы соляные бурмистры с ларечными «над целовальниками имели неослабное повсечастое смотрение». Акцент также был сделан на соблюдении целовальниками технологии сбора средств². В 1760 г. Ядринская ратуша в промемории, адресованной к воеводе, говорилось о выборе счетчика Г. Тетерина³.

Воеводским учреждениям приходилось защищать интересы горожан, пресекать злоупотребления со стороны городских властей. В 1728 г. к чебоксарскому воеводе А.Е. Заборовскому поступил сенатский указ, гласивший о немедленной высылке посадского человека Чебоксар Г. Шитова в Казань. В нем говорилось, что он раскрыл «похищение интереса» представителями городской администрации. Он в свою очередь преследовался городскими властями и «держался в том магистрате под караулом два года..., был под смертным боем»⁴. По указу Сената под личный контроль чебоксарского воеводы было взято затянувшееся следствие между чувашом К. Базанековым и посадским человеком М. Шитовым. Дело, рассматривавшееся Чебоксарской ратушей (магистратом), тянулось с 1725 г.⁵

Городские власти решали вопросы, связанные с уездными жителями, через воеводские учреждения. К примеру, в 1732 г. Чебоксарская ратуша обратилась к воеводским властям с тем, чтобы с «инородцев», продававших лошадей, собирать «конские пошрины»⁶. Для этих целей из среды городского населения выбирали сборщиков. В 1750 г. на указанную должность в Чебоксарах были выбраны Ф.И. Костромитинов и П.Д. Мочалов. В своем обращении они просили, чтобы «ис Чебоксарской воеводской канцелярии дать послушной указ и для вспоможения розсылщика». «Послушной указ» воеводой выдавался не сборщикам, а сотникам и выборным людям. В нем подчеркива-

---

¹ РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 49. Л. 38–42.

² Там же. Л. 233–233 об.

³ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 103. Л. 7.

⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 228.

⁵ Там же. Л. 232.

⁶ Там же. Д. 14. Л. 50.

лось, что конские пошлины будут собираться «по торшкам, а по деревням и по новокрещенским домам отнюдь не збирать»¹. Городские выборные люди с подобными просьбами обращались к воеводской канцелярии также о даче штатного солдата и издания «послушного указа» как в 1749 г., так и в 1751–1752 гг.²

Воеводская администрация совместно с ратушами (магистратами) разбирала общие дела, например, связанные с чрезвычайными происшествиями в городе, хозяйственного характера и т.д. Такое общее заседание проходило в мае 1779 г. На нем утверждался план постройки каменных в два корпуса соляных магазейнов³. 11 ноября власти города и уезда собирались по случаю в городе пожара на кирпичном заводе московского второй гильдии купца С. Климонтова. От стихии были уничтожены строения, материалы для изготовления кирпича и т.д.⁴

Между городскими и уездными властями происходило некоторое противостояние на почве установления того, кому и как управлять. Особенно явно оно проходит по судебным материалам. Здесь же можно выяснить, какому из указанных учреждений давали предпочтение тяжущиеся стороны. Например, в марте 1742 г. крестьяне д. Оточево Чебоксарского уезда через Казанскую губернскую канцелярию добились перенесения спорного дела с посадским человеком П. Пичюгиным из Чебоксарской ратуши в воеводскую канцелярию⁵. В 1740–1750-х гг. продолжался спор Ф.Н. Трушенникова за наследство с сестрой. В 1754 г. Чебоксарский магистрат начал следствие по иску его сестры А.Н. Шитовой (Трушенниковой). Ответчик Ф.Н. Трушенников попадал под «ведомство канцелярское» и поэтому протестовал, указывая, что магистрату следовало производить опись имущества сообща с канцелярией. А то городские власти, ссылаясь на регламент Главного магистрата, доказывали обратное: мол, в Чебоксарскую вое-

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 52. Л. 21–21 об., 23.

² Там же. Д. 49. Л. 23; Д. 52. Л. 26, 32–32 об.;

³ Там же. Оп. 2. Д. 54. Л. 411–411 об.

⁴ Там же. Д. 53. Л. 323.

⁵ РГАДА. Ф. 601. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об.

водскую канцелярию о следствии «сообщить не следовало»¹. В июне 1778 г. воеводская канцелярия и ратуша в Курмыше переписывались по поводу расследования дела о краже чувашом А. Ивановым (Чалаем) и мещанином А.Т. Старицыным лошадей. Получилось так, что первый был подведомственен уездному воеводе, другой – городской власти. Решительнее была администрация Курмышской канцелярии, посылавшая несколько промеморий о выдаче к следствию мещанина А.Т. Старицына. В одной из них отмечается, что Курмышской ратуше «излишних и незаконных переписок чинить не следовало». Ей по резолюции Курмышской воеводской канцелярии необходимо было мещанина Старицына, «не принося более никаких оговорок», доставить к воеводе². В июле 1778 г. Курмышская ратуша заявила, что по нормам закона А. Старицыну следует «решение учинить в здешней ратуше». Однако ратуша, «по не имению приказных служителей для производства и решения, отсылается... з депутатом курмышским мещанином И. Свешниковым в Курмышскую воеводскую канцелярию»³. В конце концов, курмышский воевода в феврале 1779 г. вынес обвинительный приговор⁴.

Предметом соприкосновения между воеводами и главами городских администраций являлись и городские здания. Например, в 1738 г. Чебоксарская воеводская канцелярия, ссылаясь на неудовлетворительное состояние тюремного двора и строений, решила, чтобы заключенных «под Чебоксарскую ратушею или в другое место... перевести на время»⁵. В 1754 г. служилые чины Чебоксарской воеводской канцелярии вовсе «по усилую» заняли половину офиса Чебоксарского магистрата⁶.

В заключении следует сказать, что деятельность воеводских учреждений зависела от выборных лиц крестьянских самоуправлений. На них были возложены широкие функции по управлению уездом и провинцией в целом,

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 25 об., 27–27 об.

² Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 23. Л. 4, 7, 8–8 об.

³ Там же. Л. 11–11 об.

⁴ Там же. Д. 18. Л. 8–14; Д. 23. Л. 19–20.

⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 8 об.

⁶ Наказ от купечества города Чебоксар // Сб. ИРИО. Т. 107. С. 599.

которые контролировались воеводами. В деле по осуществлению административных полномочий областных правителей над представителями общинного самоуправления были задействованы духовные лица. Периодически воеводским органам управления приходилось принимать участие в деятельности городских учреждений, срывавших сроки и планы реализации политики правительства. С другой стороны, воеводы являлись той инстанцией в уезде и провинции, которой решались насущные вопросы различных социальных прослоек, городских и духовных властей.

Итак, воеводские учреждения – многофункциональные органы местного управления с широкими административными, полицейскими, военными, фискально-налоговыми, хозяйственными, судебными и нотариальными полномочиями.

Воеводские органы управления исполняли свои функции для осуществления политики абсолютизма и решения управленческих вопросов. В процессе деятельности административные полномочия позволяли воеводам сконцентрировать в своих руках всю полноту управления провинцией и уездом. Особую роль в практике функционирования воеводских учреждений на территории Чувашии с нерусским составом населения играл полицейский надзор, направленный на сохранение правопорядка и спокойствия. Несмотря на то, что воеводы не были наделены особыми полномочиями по борьбе с голодом и эпизоотией, охвативших в 1730-х гг. часть территории Чувашии, они активно принимали участие в правительственной кампании по ликвидации их последствий.

Воеводами решались вопросы организации рекрутского набора, покупки и приема лошадей для армии, заготовки провианта согласно заданиям Военной коллегии. Сбор налогов с крестьян и городских людей на территории Чувашии был одной из главных задач воеводских администраций. Однако им не удавалось бесперебойно обеспечить казну сборами, вследствие чего год за годом возрастали недоимки. В связи с плохим денежным обеспечением вое-

воды не могли в полном объеме исполнять хозяйственные функции, обязанности по содержанию казенного имущества и управлению вверенной территорией в целом.

Удовлетворение запросов населения по гражданским и уголовным делам, подготовка и регистрация прав на движимое и недвижимое имущество, различных сделок и т.д. являлись одними из ключевых функций воевод по проведению правительственной политики на территории Чувашии. Уездные воеводские органы управления были судебными учреждениями первой инстанции (без городских обывателей). Провинциальные воеводы как судьи второй инстанции рассматривали апелляции как уездного сельского, так и городского населения. Несмотря на соблюдение всей технологии сыска, расследования и проведения суда, воеводский «суд по форме» судя по материалам наказов в Уложенную комиссию 1767 г., имел существенные недостатки и не удовлетворял тяжущихся сторон, проживавших на территории Чувашии и за ее пределами. По мнению крестьян и других социальных групп процедуру воеводского судопроизводства требовалось упростить или вовсе заменить.

Исполнение воеводами полицейских, военных, фискальных и отчасти судебных функциональных обязанностей проходило при тесном взаимодействии с представителями крестьянского самоуправления. Общинные организации русских, чувашей, татар, марийцев и других нерусских народов на территории Чувашии осуществляли вышеперечисленные функции и несли многочисленные государственные повинности. Воеводам, управлявшим уездами и провинциями, посильную помощь оказывали толмачи и представители духовенства. В уездную городскую жизнь воеводы вмешивались в основном по указам из провинциального центра и других вышестоящих учреждений. Без воеводских органов власти не обходилось принятие решений обращениям городских и духовных учреждений.

Специфика провинциальной и уездной воеводской власти на территории Чувашии заключалась, в отличие от великорусских уездов и губерний, в управлении нерусским населением со сложным социальным и конфессио-

нальным составом. После массовой христианизации «иноверцев» в 1740-х гг. воеводские органы управления использовали нормы закона, дающие крещеным льготы, а остальным некрещеным – усиление социально-экономического давления. Эти особенности позволяли воеводам регулировать и дифференцированно подходить к осуществлению набора рекрутов, сбору подушных денег, проведению суда и расправы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное изучение деятельности провинциальных и уездных воеводских учреждений в 1708–1781 гг. позволило выявить общие и специфические черты управления на территории Чувашии.

В ходе крупной административно-территориальной реформы 1708 г. уезды, занимавшие территорию современной Чувашии, полностью вошли в Казанскую губернию (1708–1781 гг.), а в последующем – в Нижегородскую (1714–1717, 1719–1780 гг.) и Астраханскую (1719–1722 гг.) губернии. На новых территориальных образованиях было учреждено губернаторское правление. Несмотря на имеющиеся характерные черты, присущие воеводской власти XVII в. и губернаторам XVIII столетия, институт губернаторства стал особым этапом развития административного управления в истории российской государственности.

Объединение в губернии несколько различных по площади уездов без учета численного, этнического, конфессионального и социального состава населения проводилось в условиях военного времени и строительства Петербурга. При острой нехватке бюджетных средств старое воеводское управление не могло в полной мере удовлетворить правительственные запросы. Постепенное сужение воеводской власти, начатое еще в 1699 г., привело в результате к подчинению воевод губернаторам и полной ликвидации их должностей в 1710-х гг. Для управления обширными территориями и всеми отраслями государственного хозяйства губернаторы были наделены широкими административными, полицейскими, фискально-финансовыми, судебными и иными функциями. В целях бесперебойного и эффективного извлечения с территории Чувашии материальных и людских ресурсов губернаторская власть держала уездные органы управления в строгой подчиненности и отчетности. Эти изменения местной системы управления определялись происходившим процессом бюрократизации и установления абсолютистских устоев в России в целом.

Параллельно с унификацией структуры местных органов управления шел поиск оптимальной организации административно-территориального устройства. В ходе очередной областной реформы 1719 г. крупнейшая Казанская губерния была разукрупнена и территория Чувашии оказалась в ведомстве казанского и нижегородского губернаторов. Следующим этапом переустройства территорий было учреждение провинций во главе с провинциальными воеводами. В промежуточных между уездом и губерниями образованиях функционировали органы отраслевого управления – судебные, финансовые, военные, нотариальные и надзорные государственные учреждения. В целях улучшения работы местной администрации была произведена децентрализация власти губернаторов, что усилило роль провинциальной воеводской власти.

Новая вертикаль местной системы управления, не успев окрепнуть, была подвергнута изменению очередной областной реформой 1726–1727 гг. В ходе нее разветвленная специализированная сеть властных структур была ликвидирована. Их заменили провинциальные и уездные воеводы, подчиненные власти губернатора и наделенные широкими административными полномочиями. По реформе 1763 г. об оптимизации воеводских учреждений Ядринская воеводская канцелярия Алатырской провинции Нижегородской губернии перешла к комиссару, подчиненному курмышскому воеводе. Развитая законодательная основа, регламентировавшая все стороны организации и функционирования воеводских учреждений, упрочила местную власть в губерниях, позволила воеводам и комиссарам активно взаимодействовать как между собой, так и с различными ведомствами.

При этом деятельность воевод регулировалась особыми правовыми нормами, относящимися к нерусскому населению на территории Чувашии. Отдельные узаконения должны были воеводской администрацией применяться на практике в процессе исполнения сбора налогов, отдачи рекрут, вынесения судебного вердикта и т.д. Они были связаны с христианизаторской политикой правительства, проводившейся в середине XVIII в., и с предостав-

лением новокрещенам льгот. В отличие от великорусских уездов и провинций здесь воеводам предлагалось одних «иноверцев» за принятие православия материально поощрять, а других – противников христианизации – наказывать штрафами, взимать двойные налоги и т.д.

Важной составляющей в деле функционирования местных учреждений выступала организация службы чиновничества. Согласно правительственным предписаниям, структура провинциальных и уездных воеводских органов власти была однотипна и состояла из администрации – воевод, и.о. и заместителей воевод, секретарей – и работников канцелярии – канцеляристов, подканцеляристов и копиистов, а также штатной команды (рассыльщиков), сторожей. Подразделениями канцелярий были столы и повытья.

Кадровый состав воеводских учреждений главным образом отличался в зависимости от уровня территориального управления. Герольдмейстерская контора при Сенате старалась в провинциальные города на территории Чувашии направлять дворян-чиновников I–II разрядов (I–V и VI–VIII классы по Табели о рангах), а в уезды – II–III разрядов с VI–VIII и IX–XIV рангами по Табели о рангах. Большинство воевод являлись отставными военными в возрасте от 30 и старше 50 лет. Важно отметить, что как и в случае с ранговым составом, в провинции определяли более опытных воевод преимущественно старше 50 лет. Срок нахождения воевод, заместителя воевод и секретарей при должности зависел от их профессиональных качеств, опыта работы, исполнения служебных обязанностей.

Решение текущих делопроизводственных дел воеводских канцелярий ложилось на приказных людей и штат рассыльщиков. Согласно бюрократическим устоям и в зависимости от профессиональной квалификации канцелярские служители делились на три группы: канцеляристы, подканцеляристы и копиисты. Они исполняли свои полномочия в строгом соответствии с законодательством и находились под опекой воеводской администрации. Поступление на службу, чинопроизводство, наказания, увольнения и другие условия их деятельности регламентировались едиными правовыми актами.

Анализ сведений о социальном составе приказных людей провинциальных и уездных воеводских канцелярий позволяет заключить, что на территории Чувашии шел постепенный процесс формирования местного чиновничества. Различные источники проникновения в корпорацию канцелярских служащих из духовного звания, разночинцев и других сословий отразилось на неоднородности их состава. В провинциях доля занятых в канцеляриях из подьяческой среды была больше, чем в уездах.

Численность канцелярских служащих и рассыльщиков определялась правительством, и от нее зависела эффективность деятельности всей воеводской системы управления. Основной проблемой для воеводских ведомств оставалась нехватка рабочих рук. Она, несмотря на принятые Штаты 1763 г. о выдаче денежного жалованья, сохранялась вплоть до 1781 г. При этом в трех провинциальных и четырех уездных воеводских органах управления на территории Чувашии должен был нести службу 361 чел., в том числе руководящий состав, канцелярские служащие, рассыльщики и сторожи. Как и повсеместно, в провинциальных учреждениях количество служащих было выше по сравнению с уездными воеводскими канцеляриями.

Чиновничество воеводских органов управления было представлено русскими. Поэтому на территории Чувашии в условиях многонациональности населения была востребована должность толмача-переводчика, которая выбиралась по мирскому согласию нерусских народов и утверждалась воеводами. На институт толмачества ложилась большая ответственность по трансляции воеводского управления и проведению политики правительства в инонациональной среде. Однако толмачи не получили должного оформления в структуре воеводского управления, как это было сделано в губернских канцеляриях по Штатам 1763 г., и не обеспечивались денежным жалованьем.

Материальное обеспечение и условия службы воеводского чиновничества были неудовлетворительными. Постоянная нехватка денежных средств канцелярий и нерегулярная выплата жалованья до 1763 г. отрицательно сказывались на мотивационных составляющих у служащих и свидетельствовали

о неважном их служебном и материальном положении. Дополнительным источником получения заработка для них являлись ведение собственного хозяйства и занятие различными промыслами. При этом воеводская администрация и другие должностные лица возмещали свои материальные затруднения и улучшали условия службы за счет управляемого населения. Незаконные поборы и выбивание взяток на территории Чувашии получили широких размах. В разорении крестьян и других социальных групп участвовали практически все уровни, начиная от воеводы и закачивая представителями выборных людей общинного самоуправления и толмачами. Надзорные и следственные органы, проводившие регулярную борьбу с лихоимцами, не могли повсеместно искоренить вышеуказанные пороки местной системы органов управления.

Существование широких административных, полицейских, военных, фискально-налоговых, хозяйственных, судебных и нотариальных функций позволяет вести речь о многофункциональности провинциальных и уездных воеводских органов власти. При этом на территории Чувашии практика применения воеводской власти имела свои особенности.

Административные функции воевод регулировали всю деятельность их аппаратов управления и позволяли всеобъемлюще проводить политику абсолютизма. Одним из главных рычагов сохранения спокойствия и стабильности во взаимоотношениях среди различных социальных групп населения на территории Чувашии оставались полицейские функции воеводских ведомств. В рамках полицейского надзора велась борьба с беглыми, разбойничьими шайками, пугачевцами и др. Не без участия воевод в 1733–1735 гг. проводились правительственные мероприятия по оценке ущерба и ликвидации голода и эпизоотии на территориях Ядринского и Курмышского уездов.

Наряду с реализацией полицейских прерогатив воеводская администрация организовывала отбор и отправку рекрутов, готовила провиант и лошадей на нужды армии и т.д. Фискально-финансовая функция являлась ключевой среди других полномочий провинциальных и уездных воевод.

Бывшие ясачные чувашаи, вошедшие в 1724 г. в состав сословия государственных крестьян, платили с другими податными группами населения с каждой ревизской души мужского пола подушину и собирали многочисленные мелкие налоги. Некоторые сборы, введенные с начала XVIII в., взымались вплоть до 1780-х гг. Несмотря на строгий контроль со стороны воевод и военных ведомств, недоимки по сборам росли, а казна недополучала огромные денежные суммы. Все это говорило о неэффективности системы налогового сбора на местах. Дефицит средств приводил к сокращениям ассигнований, выделявшихся на хозяйственные нужды воеводского управления. Поэтому казенные здания и инвентарь находились в плачевном состоянии, областным правителям редко удавалось добиться постройки новых каменных палат или тюрьмы для воеводских учреждений на территории Чувашии.

Воеводская судебная власть разрешала различные гражданские иски, выносила вердикты на основе уголовных статей Соборного уложения 1649 г. и других законодательных норм, принятых в XVIII столетии. Провинциальные воеводские учреждения являлись апелляционной инстанцией и разбирали рассмотренные уездными воеводами-судьями дела. К ним же обращались с заявлениями сельское и городское население. Воеводские органы старались соблюсти всю процедуру расследования и проведения судебного процесса. При этом волокита и большие издержки судебной тяжбы ложились огромным бременем на население и разъедали воеводскую судебную практику. Поэтому в наказах, составленных крестьянами и другими социальными группами для Уложения 1767 г., говорилось о необходимости упрощения воеводского судопроизводства или замены другими судебными учреждениями.

Крепостные конторы при уездных и провинциальных воеводских ведомствах придавали юридическую силу частноправовым актам и различным документам, связанным с земельными, наследственными и другими вопросами сельских и городских обывателей. За заключенные сделки и оформление крепостей взымались пошлины, которые шли в бюджет.

На территории Чувашии огромные исполнительные функции осуществляло низшее звено воеводского управления в лице не только толмачей, но и волостных сотников, пятидесятников, десятников, старост и т.д. Общинное самоуправление, находившееся в тесном взаимодействии с воеводскими структурами, было проводником политики воеводской воли. Определенную помощь воеводским органам управления в нерусской среде оказывали представители духовенства. Дополнительными прерогативами для воевод были постоянное вмешательство в дела городской администрации, связанные с фискальными, полицейскими и судебными вопросами.

Многонациональный и поликонфессиональный состав населения на территории Чувашии привносил свои особенности в деятельность провинциальных и уездных воеводских учреждений. В период массовой насильственной христианизации чувашей и других нерусских народов в середине XVIII столетия воеводские власти всячески содействовали в работе духовным лицам. Воеводскими канцеляриями новокрещенам предоставлялись на определенный срок льготы. Все тяготы налогового нажима, рекрутского набора и несения многочисленных повинностей ложились на не принявших православие язычников, в том числе и за новокрещен. При судебном разбирательстве воеводы давали снисхождение иноверцам, которые принимали православную веру.

В целом провинциальные и уездные воеводские учреждения, представлявшие звенья губернской системы власти, претворяли в жизнь политику абсолютизма. При этом организация и функционирование воеводского управления происходили с учетом правительственных задач и без уделения должного внимания к локальным и этническим особенностям на территории Чувашии. Кроме сохранения крепостнических устоев на местах воеводы исполняли главные задачи по извлечению материальных и людских ресурсов и проведению инкорпорации нерусского населения путем насильственной христианизации и использования дифференцированной политики в регионах Среднего Поволжья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**1. Архивные источники****Российский государственный архив древних актов (РГАДА)**

1. Ф. 16. Разряд XVI – Внутреннее управление. Оп. 1. Д. 228, 712, 713, 720, 774, 928, 930.
2. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 7 а. Д. 5212.
3. Ф. 248. Сенат и его учреждения. (Объединенный фонд). Оп. 3. Кн. 131. Оп. 5. Кн. 269. Оп. 6. Кн. 350. Оп. 13. Кн. 706, 730, 751. Оп. 14. Кн. 796. Оп. 15. Кн. 818, 830, 840, 847, 855, 856 (ч. 1), 898. Оп. 106. Кн. 161, 306, 439, 778, 1068, 1178. Оп. 109. Кн. 205.
4. Ф. 273. Камер-коллегия. Оп. 1. Д. 30067, 30566, 30592.
5. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 3. Д. 614.
6. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 134, 168, 301, 387, 604, 910. Оп. 15. Кн. 601, 617.
7. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 24, 2972, 4014, 4019.
8. Ф. 407. Казанская губернская канцелярия. Оп. 1. Д. 146.
9. Ф. 418. Алатырская провинциальная канцелярия. Оп. 1. Д. 86.
10. Ф. 441. Свияжская провинциальная канцелярия. (Документы надсмотрщиков крепостных дел в Свияжской провинции, провинциальных прокуроров). Оп. 1. Д. 3, 48, 85а, 87, 88, 92а, 93, 181, 197, 199, 289, 304, 595, 646, 757, 824. Оп. 2. Д. 340.
11. Ф. 443. Симбирская провинциальная канцелярия. Оп. 1. Д. 65. Оп. 2. Д. 169. Оп. 3. Д. 7, 13.
12. Ф. 478. Ядринская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 5.
13. Ф. 519. Курмышская воеводская канцелярия (Документы надсмотрщиков крепостных дел в Алатырской провинции). Оп. 1. Д. 40, 1311.
14. Ф. 601. Чебоксарская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 4, 6, 10.

15. Ф. 615. Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв. Алатырская крепостная контора. Оп. 1. Д. 2, 14, 15, 18, 19, 21, 71, 77, 80, 87–90, 95, 98.
16. Ф. 627. Цивильская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 12, 13.
17. Ф. 796. Чебоксарская земская изба, ратуша и городской магистрат (Чебоксарская земская изба XVIII в.; Чебоксарский городской магистрат; Чебоксарское соляное правление). Оп. 1. Д. 2, 4, 10, 1241. Оп. 2. Д. 112.
18. Ф. 814. Алатырская ратуша и провинциальный магистрат (Алатырский провинциальный магистрат). Оп. 1. Д. 49.
19. Ф. 887. Курмышская ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел, земский комиссар и полковой двор (Курмышская канцелярия судных и розыскных дел; Курмышская ландратская канцелярия; Полковые дворы в Нижегородской губ.). Оп. 1. Д. 6, 40.
20. Ф. 916. Алатырская ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел, камерирская контора. Оп. 1. Д. 47.
21. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 4. Д. 6461.
22. Ф. 1239. Дворцовый отдел (архив). Оп. 52. Д. 2004.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

23. Ф. 467. Контора от строений ее императорского величества домов и садов. Оп. 1. Кн. 1в, 2а, 2в, 19а, 24.
24. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 24. Д. 458. Оп. 35. Д. 277.
25. Ф. 1329. Именные указы и «высочайшие» повеления Сенату (коллекция). Оп. 3. Д. 104, 188.
26. Ф. 1399. Карты, планы и чертежи Петербургского сенатского архива (коллекция). Оп. 1. Д. 406, 725.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

27. Ф. 1305. Поздеевы А.В., М.И., И.А. Ед. хр. 6.

**Государственный исторический архив Чувашской Республики
(ГИА ЧР)**

28. Ф. 1. Цивильская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 1–5, 9.
29. Ф. 2. Чебоксарская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 6, 8, 9, 11–16, 19, 21, 22, 24, 27, 30–32, 34, 36–41, 46, 47, 49–52, 54, 55, 57, 59, 66, 73, 76, 77, 79, 85, 98, 106, 133–135, 142, 143, 147, 149, 153, 155, 157. Оп. 2. Д. 1, 6, 13, 19, 22, 31, 32, 34, 41, 48, 53, 54, 61, 66, 69. Оп. 3. Д. 1.
30. Ф. 3. Ядринская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 1, 6, 8, 9, 20, 22, 30, 31, 36, 63, 74, 96, 103, 114, 115, 133, 135, 141, 141а, 143, 150, 153, 155, 183, 184, 186, 195–197, 199, 211, 221, 223, 224, 230, 235, 246.
31. Ф. 224. Алатырское духовное правление. Оп. 1. Д. 94.
32. Ф. 298. Чебоксарский Троицкий монастырь. Оп. 1. Д. 1.
33. Ф. 474. Курмышская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 1, 4–6, 10, 12, 14, 18, 23, 26, 27, 29.
34. Ф. 544. Алатырская провинциальная канцелярия. Оп. 1. Д. 2.
35. Ф. 545. Свияжская провинциальная канцелярия. Оп. 1. Д. 6–8, 10–14, 17, 20.

Государственный архив Ульяновской области (ГА УО)

36. Ф. 732. Симбирская губернская ученая архивная комиссия. Оп. 2. Д. 48, 101.
37. Ф. 818. Симбирская провинциальная канцелярия. Оп. 1. Д. 63.
38. Ф. 819. Алатырская провинциальная канцелярия. Оп. 1. Д. 3, 4.

Центральный архив Нижегородской области (ЦА НО)

39. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 555. Д. 57.

**Научный архив Чувашского государственного института
гуманитарных наук (НА ЧГИГН)**

40. Ф. В.Д. Димитриева. Т. 14, 16, 20, 48, 58.
41. Ф. Н.В. Никольского. Т. 191, 197.
42. Отд. II. Ед. хр. 234. Инв. № 583; Ед. хр. 683. Инв. № 1996; Ед. хр. 1030. Инв. № 4115.

2. Опубликованные источники

1. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1765. СПб., [Б. г.]. – 20+131 с.
2. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1766. СПб., [Б. г.]. – 20+169 с.
3. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1767. СПб., [Б. г.]. – 20+187 с.
4. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2 / под ред. Н. Калачова. – СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1864. – X с.+872 стб.
5. Димитриев, В.Д. Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков / В.Д. Димитриев // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 21 / отв. ред. В.Д. Димитриев; ЧНИИ – Чебоксары: [б. и.], 1962. – С. 282–318.
6. Димитриев, В.Д. «Царские» указы казанским воеводам XVII века / В.Д. Димитриев // История и культура Чувашской АССР. Вып. 3. / ред. А.В. Изоркин; ЧНИИ. – Чебоксары: [б. и.], 1974. – С. 284–419.
7. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствовании Петра Великого. Т. 1: Год 1711-й / под ред. Н.В. Калачова.– СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1880. – IV+476 с.; Т. 2. Кн. 2: Год 1712-й. СПб., 1883. – 16+551 с.
8. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствовании Петра Великого. Т. 3. Кн. 2: Год 1713-й / под ред. Н.Ф. Дубровина.– СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1888. – 35 с.

+ С. 451–1571; Т. 5. Кн. 1: Год 1715-й. СПб., 1892. – 25+584 с.; Кн. 2: Год 1715-й. СПб., 1897. – 24 с. + С. 585–1453.

9. Енин, Г.П. Словесный воеводский суд (Исследование и источники) / Г.П. Енин. – СПб.: Изд-во РНБ, 1995. – 148 с. – (Рукописные памятники. Вып. 2).

10. Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский и Т.Е. Новицкая. М.: Юрид. лит, 1997. – 880 с.

11. Кирилов, И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства / И.К. Кирилов. – М.: Наука, 1977. – 443 с.

12. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / Мар. гос. ун-т; сост., предисл. и коммент. А.Г. Иванова. – Йошкар-Ола: [б.и.], 2008. – 616 с.

13. Корсакова, В.Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г. / В.Д. Корсакова // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 24. Вып. 5. – Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1908. – С. 9–10.

14. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии: сб. док. / сост. Р.В. Овчинников, И.М. Гвоздиков, А.П. Николаенко. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1975. – 496 с.

15. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева / отв. ред. В.В. Мавродин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. – Т. 2. – 512 с.; 1970. – Т. 3. – 488 с.

16. Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева в Марийском крае: Документы и материалы для практ. занятий по курсу истории Марийской АССР / сост. и авт. поясн. текста А.Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. – 181 с.

17. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии: сб. док. / сост. П.Г. Григорьев, В.А. Нестеров; под ред. В.А. Нестерова; ЧНИИ. – Чебоксары: [б. и.], 1972. – 528 с.

18. Материалы и документы // Практикум по истории Чувашской АССР «Чувашия в середине XVIII века». (1740–1760-е годы) / сост. В.А. Нестеров; отв. ред. П.В. Денисов. – Чебоксары: ЧГУ, 1978. – С. 6–94.
19. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1772. СПб., [Б. г.]. – XX+221+X с.; 1773. – XX+219+XII с. 1775. – XXI+264+XX с.; 1777. – XX+366+IX с.; 1778. – XX+366+IX с.; 1779. – XXI+444+XVIII с.; 1780. – XXI+479+XVII с.; 1781. – XXI+435+IX с.
20. Областные правители России, 1719–1739 гг. / сост. М.В. Бабиц, И.В. Бабиц. – М.: РОССПЭН, 2008. – 831 с.
21. «От Петра губернии берем начало...» (становление Нижегородской губернии в документах первой четверти XVIII века): сб. док. / сост. Е.Э. Ешан, С.В. Сироткин. – Нижний Новгород: Центр. архив Нижегород. обл., 2014. – 296 с.
22. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). Вып. 3: Численность и сословный состав населения России по II–III ревизиям (1745–1763 гг.). М.: [Б. м.], 1972.
23. Петр Великий. Избранное / Петр Великий; [сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Б. Каменский]. – М.: РОССПЭН, 2010. – 488 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – XXXI+1029+12 с.; Т. 4. – 881 + 3 с.; Т. 5. – 780 с.; Т. 6. – 815 с.; Т. 7. – 922 с.; Т. 8. – 1014 с.; Т. 9. – 1023 с.; Т. 10. – 995 с.; Т. 11. – 988 с.; Т. 12. – 960 с.; Т. 13. – 957 с.; Т. 14. – 863 с.; Т. 15. – 1050 с.; Т. 16. – 1080 + 103 с.; Т. 17. – 1135 с.; Т. 18. – 1033+7 с.; Т. 19. – 1081 с.; Т. 20. – 1034 + 7 с.; Т. 21. – 1083 с.; Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отделение 4. – 410+286+236+150 с.
25. Реформы Петра I: сб. док. / сост. В.И. Лебедев. – М.: Государственное социально-экономическое издание, 1937. – 379 с.
26. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1986. – 512 с.

27. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 106 [продолжение т. 104]. Бумаги Кабинета императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Ч. 2: 1733 г. / сост. и ред. А.Н. Филиппов – Юрьев: Типография К. Матисена, 1899 – XLVI+654+VI с.

28. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 107. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. (Т. IX). – СПб.: Типография М. Меркушева, 1900. – XI+645+VI с.; Т. 115. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1903. – XIV+546+VII с.; Т. 134. – СПб., 1911. – VIII+555+XXIX+IX с.

29. Сенатский архив. Т. 3. Журналы и определения Правительствующего Сената за март, апрель и май 1741 г. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1890. – 620+64 с.; Т. 6. Журналы и определения Правительствующего Сената 1744–1746 г. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1893. – 770 с.

3. Монографии

1. Алишев, С.Х. Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании / С.Х. Алишев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 216 с.

2. Ананьев, Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. / Д.А. Ананьев; отв. ред. А.Р. Ивонин. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005. – 264 с.

3. Андреевский, И. О наместниках, воеводах и губернаторах: История государственного управления в России (IX–XIX вв.) / И. Андреевский. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 160 с.

4. Андреевский, И. Русское государственное право. О Правительстве / И. Андреевский. СПб.: Издание М.О. Вольфа, 1866. – IV+496+IV с.

5. Анисимов, Е.В. Время петровских реформ / Е.В. Анисимов. – Л.: Лениздат, 1989. – 496 с.

6. Анисимов, Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е.В. Анисимов. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 720 с.

7. Анисимов, Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. / Е.В. Анисимов. – Л.: Наука, 1982. – 296 с.
8. Анисимов, Е.В. Россия без Петра: 1725–1740 / Е.В. Анисимов. СПб.: Лениздат, 1994. – 496 с.
9. Архипова, Т.Г. История государственной службы в России. XVIII–XX века / Т.Г. Архипова, М.Ф. Румянцева, А.С. Сенин. – М.: РГГУ, 2000. – 230 с.
10. Бабич, М.В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени / М.В. Бабич. – М.: РОССПЭН, 2003. – 480 с.
11. Баггер, Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований / Х. Баггер. – М.: Прогресс, 1985. – 199 с.
12. Беляев, И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси / И.Д. Беляев. – М.: Типография Общества распространения полезных книг, арендуемая В.И. Вороновым, 1905. – 136 с.
13. Блинов, И. Губернаторы: Историко-правовой очерк / И. Блинов. – М.-Тверь: ИБПУ–Научная книга, 2008. – 271 с.
14. Богословский, М.М. История России XVIII века (1725–1796 гг.) / М.М. Богословский. – М.: О-во взаимопомощи студентов-филологов И.М.У., 1915. – 375 с.
15. Богословский, М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. / М.М. Богословский. – М.: Университетская типография, 1902. – 521+44 с.
16. Буганов, В.И. Петр Великий и его время / В.И. Буганов; отв. ред. А.П. Новосельцев. – М.: Наука, 1989. – 192 с.
17. Буганов, В.И. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы / В.И. Буганов, А.А. Преображенский, Ю.А. Тихонов. – М.: Мысль, 1980. – 342 с.
18. Видяйкин, С.В. Народ и власть: налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII–начале XVIII в. / С.В. Видяйкин; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск: [б. и.], 2011. – 352 с.

19. Вицын, А. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания общего учреждения министерств / А. Вицын. – Казань: Типография губернского правления, 1855. – 288 с.
20. Волков, М.Я. Очерки истории промыслов России (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.). Винокурное производство / М.Я. Волков; отв. ред. Л.Г. Бескровный. – М.: Наука, 1979. – 336 с.
21. Голикова, Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа / Н.Б. Голикова; под ред. Г.Н. Анпилогова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 336 с.
22. Гольцев, В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века / В.А. Гольцев. – СПб.: Типография А. Якобсона, 1896. – VIII+164+XXXII с.
23. Готье, Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. / Ю.В. Готье. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. – 472 с.; Т. 2. Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений / Ю.В. Готье. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 304 с.
24. Денисов, П.В. Религиозные верования чуваш: Историко-этнографические очерки / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 408 с.
25. Дмитриев, В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов) / В.Д. Дмитриев; под ред. П.П. Елифанова. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 532 с.
26. Дмитриев, В.Д. Чебоксары: Очерки истории города XVIII века / В.Д. Дмитриев, С.А. Селиванова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – 446 с.
27. Дмитриев, В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.) / В.Д. Дмитриев; ред. В.А. Прохорова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 456 с.
28. Евреинов, В.А. Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк / В.А. Евреинов. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1888. – 116 с.

29. Евреинов, Г.А. Прошлое и настоящее значение русского дворянства / Г.А. Евреинов. – СПб.: Типография А. Бенке, 1898. – II+103 с.
30. Ермолаев, И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем) / И.П. Ермолаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 223 с.
31. Ерошкин, Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. – М.: Учпедгиз, 1960. – 396 с.
32. Заварюхин, Н.В. Очерки по истории Мордовского края периода феодализма / Н.А. Заварюхин; науч. ред. Н.Ф. Мокшин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. – 296 с.
33. Захаров, В.Н. История налогов в России. IX–начало XX в. / В.Н. Захаров, Ю.А. Петров, М.К. Шацилло. – М.: РОССПЭН, 2006. – 296 с.
34. Иванов, А.Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века / А.Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. – 368 с.
35. Иванов, А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков. Очерки по истории уездного города / А.Г. Иванов; отв. ред. С.В. Стариков; Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. – 440 с.
36. Иванов, В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения / В.П. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. – 383 с.
37. Изоркин, А.В. Ядрин. Исторический очерк / А.В. Изоркин. – Чебоксары: Изд-во «Калем», 2003. – 232 с.
38. Каменский, А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (Опыт целостного анализа) / А.Б. Каменский. – М.: РГГУ, 2001. – 575 с.
39. Каменский, А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация / А.Б. Каменский. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 328 с.
40. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя / А. Каппелер; [перевод с нем. С.М. Червонная]. – М.: «Традиция»-«Прогресс-Традиция», 2000. – 344 с.

41. Кизеветтер, А.А. Местное самоуправление в России. IX–XIX ст. Исторический очерк / А.А. Кизеветтер. – М.: Типография И.М.У., 1910. – 155 с.
42. Киприянова, Н.В. Социокультурный облик российского купечества (по материалам Уложенной комиссии 1767 г.) / Н.В. Киприянова; науч. ред. И.В. Курукин. – Владимир: Изд-во «Нива», 2011. – 312 с.
43. Ковалевский, М. Из истории государственной власти в России / М. Ковалевский. – М.: «Колокол», 1905. – 112 с.
44. Козлова, Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века / Н.В. Козлова. – М.: РОССПЭН, 2010. – 359 с.
45. Козлова, Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов) / Н.В. Козлова. – М.: Археографический центр, 1999. – 384 с.
46. Коркунов, Н. Лекции по общей теории права / Н. Коркунов. – СПб.: Типо-литография Х.Ш. Гальпери, 1886. – 313+XI с.
47. Корф, С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов / С.А. Корф. – СПб.: Типография Тренке и Фюсне, 1906. – VIII+720 с.
48. Кочетков, В.Д. Алатырь: Краткий исторический очерк / В.Д. Кочетков. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1978. – 200 с.
49. Кочетков, В.Д. Цивильск: исторический очерк / В.Д. Кочетков, Г.А. Николаев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. – 160 с.
50. Кузнецов, И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства / И.Д. Кузнецов; ред. П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. – 344 с.
51. Кузьмин, Е.П. Воеводская власть и управление в Марийском крае в XVIII веке / Е.П. Кузьмин; LAP LAMBERT. – [Б. м., 2014]. – 256 с.
52. Курмачева, М.Д. Крестьянская война 1773–1775 гг. в Нижегородском крае / М.Д. Курмачева. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1975. – 128 с.
53. Курукин, И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. / И.В. Курукин. – Рязань: [б. и.], 2003. – 570 с.

54. Латкин, В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст[олетии]. Историко-юридическое исследование. Т. 1 / В.Н. Латкин. – СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1887. – XI+595 с.
55. Лохвицкий, А. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1 / А. Лохвицкий. – СПб.: Издание книгопродавца А.О. Базунова, 1864. – XXVIII+228 с.
56. Мадариага, И. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. Мадариага; пер. с англ. Н.Л. Лужицкой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 976 с.
57. Макаров, Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.) / Д.М. Макаров. – Чебоксары: [б. и.], 2000. – 279 с.
58. Мартынов, П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске / П. Мартынов. – Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1898. – 400 с.
59. Медушевский, А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование / А.Н. Медушевский. – М.: «Текст», 1994. – 320 с.
60. Милюков, П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Милюков. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. – XIV+678 с.
61. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): В 2-х томах / Б.Н. Миронов. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. Т. 1. – 548 с.; Т. 2. – 568 с.
62. Можаровский, А. Покорение Казани Русской державе и христианству / А. Можаровский. – Казань: Типография и литография М.А. Гладышевой, 1871. – 52 с.
63. Мрочек-Дроздовский, П. Областное управление в России в XVIII веке до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Историко-юридическое исследование. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.) / П. Мрочек-Дроздовский. – М.: В университетской типографии (Катков), 1876. – 2+II+352 с.

64. Никольский, Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей / Н.В. Никольский; [сост., автор предисл., коммент. и примеч. Г.А. Николаев]. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 447 с.
65. Ногманов, А.И. Самодержавие и татары. Очерки законодательной политики во второй половине XVI–XVIII вв. / А.И. Ногманов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 215 с.
66. Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской России: матер. междунар. науч. конф. (Казань, 29–30 ноября 2012 г.) / отв. ред. Г.В. Ибнеева; науч. ред. И.П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 382 с.
67. Ольминский, М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России / М. Ольминский. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. – 223 с.
68. Очерки истории СССР. Период феодализма. Т. 7. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. Б.Б. Кафенгаузена, Н.И. Павленко. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 814 с.
69. Очерки истории СССР. Период феодализма. Т. 8. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. / под ред. А.И. Барановича, Л.Г. Бескровного, Е.И. Заозерской, Е.И. Индовой – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 866 с.
70. Павленко, Н.И. Петр Великий / Н.И. Павленко. – М.: Мысль, 1990. – 591 с.
71. Павлов-Сильванский, Н.П. Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. Т. 2 / Н.П. Павлов-Сильванский. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. – 401 с.
72. Пайпс, Р. Собственность и свобода / Р. Пайпс; пер. с англ. Д. Васильева. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 416 с.
73. Перетяткович, Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (очерки из истории колонизации края) / Г. Перетяткович. – Одесса: Типография П.А. Зеленского (Г. Ульриха), 1882. – III+399+II с.

74. Петров, П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782 / П.Н. Петров. – СПб.: Типография Глазунова, 1885. – XXII+848+246 с.

75. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы / Л.Ф. Писарькова. – М.: РОССПЭН, 2007. – 743 с.

76. Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. / С.И. Штамм, И.А. Исаев, Н.Н. Ефремова. – М.: Наука, 1992. – 312 с.

77. Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. ст. Всерос. науч. конф. «Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.)» (Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 г.) / под науч. ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. – Оренбург: [б. и.], 2012. – 520 с.

78. Редин, Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.) / Д.А. Редин; отв. ред. Н.А. Миненко. – Екатеринбург: «Волот», 2007. – 608 с.

79. Романович-Славатинский, А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права / А. Романович-Славатинский. – СПб.: Типография МВД, 1870. – XXVI+564 с.

80. Романовский, В.Е. Государственные учреждения древней и новой России / В.Е. Романовский. – М.: Издание Т. Кнебель, 1911. – 452 с.

81. Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории / ИРИ РАН. – М.: «Русская панорама», 2011. – 880 с.

82. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / отв. ред. В.В. Трепавлов; ИРИ РАН. – М.: Наука, 2003. – 378 с.

83. Семевский, В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 2 / В.И. Семевский. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – XIV+866 с.

84. Смирнов, Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века / Ю.Н. Смирнов; науч. ред. П.С. Кабытов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. – 190 с.

85. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. / С.М. Соловьев; отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1988–1998. – Кн. 8 (т. 15-16). – 1993. – 639 с. – Кн. 9 (т. 17-18). – 671 с. – Кн. 10 (19-20). – 751 с. – Кн. 11 (т. 21-22). – 620 с.

86. Ташкин, С.Ф. Иностранцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии / С.Ф. Ташкин. – Казань: Чуваш. отделение гос. изд-ва, Казанское подотделение, 1922. – 192 с.

87. Трепавлов, В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. / В.В. Трепавлов. – М.: Вост. лит., 2007. – 255 с.

88. Троицкий, С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии / С.М. Троицкий; отв. ред. Л.Г. Бескровный; Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1974. – 395 с.

89. Троцин, К. История судебных учреждений в России / К. Троцин. – СПб.: Типография Э. Веймера, 1851. – VII+387+3 с.

90. Филиппов, А.Н. Учебник истории русского права (пособие к лекциям). Ч.1 / А.Н. Филиппов. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1907. – 732 с.

91. Фирсов, Н.А. Иностранческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время / Н.А. Фирсов. – Казань: Университетская типография, 1869. – IV+IV+447 с.

92. Хоскинг, Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Дж. Хоскинг; пер. с англ. С.Н. Самуйлова. – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.

93. Чебоксары: исторический очерк / науч. ред. И.И. Бойко, Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев, В.В. Орлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. – 511 с.
94. Чечулин, Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II / Н.Д. Чечулин. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – II+II+380 с.
95. Чичерин, Б.Н. Опыты по истории русского права / Б.Н. Чичерин. – М.: Типография Э. Барфкнехта, 1858. – 380 с.
96. Чичерин, Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке / Б.Н. Чичерин. – М.: Типография А. Семена, 1856. – III+III+591+II с.
97. Шепелёв, Л.Е. Чиновный мир России: XVIII– начало XX в. / Л.Е. Шепелёв. – СПб.: «Искусство–СПб», 1999. – 479 с.
98. Юхт, А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I / А.И. Юхт. – М.: Финансы и статистика, 1994. – 336 с.
99. Яблочков, М. История дворянского сословия в России / М. Яблочков. – СПб.: Типография А.М. Котомина, 1876. – XVII+680 с.

4. Статьи

1. Автократов, В.Н. Военный приказ (К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в.) / В.Н. Автократов // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. ст. / АН СССР. Ин-т истории; АН УССР. Ин-т истории; ред. коллегия: Л.Г. Бескровный и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 228–245.
2. Автократов, В.Н. Первые комиссариатские органы русской регулярной армии (1700–1710 гг.) / В.Н. Автократов // Исторические записки. – Т. 68 / отв. ред. А.Л. Сидоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 163–188.
3. Аксаков, И.С. Бюрократическое и земское государство / И.С. Аксаков // Теория государства у славянофилов. Сб. ст. – СПб.: Типография А. Прохорщикова, 1898. – С. 5–14.
4. Аксаков, К.С. Записка «О внутреннем состоянии России» / К.С. Аксаков // Теория государства у славянофилов. Сб. ст. – СПб.: Типография А. Прохорщикова, 1898. – С. 22–44.

5. Анпилогов, Г.Н. Фискалитет при Петре I / Г.Н. Анпилогов // Вестник МГУ. Серия историко-филологическая. – 1956. – № 2. – С. 63–80.
6. Аполлова, Н.Г. К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII в. / Н.Г. Аполлова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза / отв. ред. Н.М. Дружинин. – М.: Наука, 1964. – С. 355–388.
7. Артамонова, Л.М. Налоги и повинности государственных крестьян Поволжья (по жалобам и требованиям наказов депутатам Уложенной комиссии Екатерины II) / Л.М. Артамонова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2014. – № 1. – С. 156–164.
8. Артамонова, Л.М. Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II / Л.М. Артамонова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2012. – № 1. – С. 222–230.
9. Артамонова, Л.М. Социальное и правовое сознание государственных крестьян Поволжья по наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. / Л.М. Артамонова // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2009. – № 1. – С. 88–90.
10. Балакирева, Л.М. Создание Крепостной конторы при Юстиц-коллегии (1719 г.) / Л.М. Балакирева // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой / отв. ред. А.А. Преображенский. – М.-Новосибирск: Древлехранилище, 2000. – С. 202–218.
11. Басманцев, Д.В. «Государев двор» и административные учреждения в Чебоксарах в XVIII веке / Д.В. Басманцев // Марийский археографический вестник. – 2013. – Вып. 23. – С. 128–142.
12. Басманцев, Д.В. Деятельность Канцелярии от строений и местных органов управления на территории Чувашии в первой четверти XVIII века / Д.В. Басманцев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2014. – № 2 (82). – С. 35–40.

13. Басманцев, Д.В. Документы воеводских канцелярий Чувашии 1727–1781 гг.: источниковедческий анализ / Д.В. Басманцев // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов / гл. ред. В.Г. Агаков. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. – С. 14–19.

14. Басманцев, Д.В. Из практики организации воеводского управления на территории Чувашии в XVIII веке / Д.В. Басманцев // Изменение системных координат российской государственности: исторические дилеммы и содержательные вызовы: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 9 февраля 2012 г.) / под общей ред. В.Д. Данилова. – Чебоксары: Новое время, 2012. – С. 70–77.

15. Басманцев, Д.В. Материальное обеспечение провинциальных и уездных воеводских служащих на территории Чувашии в 1727–1781 гг. / Д.В. Басманцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6 (12). – Ч. 3. – С. 25–28.

16. Басманцев, Д.В. Модернизация системы воеводского управления в России 1719–1781 годах: некоторые итоги (на примере Чувашии) / Д.В. Басманцев // Проблемы модернизации России: история и современность: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. 22 апреля 2011 г. / отв. ред. А.П. Карпов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. – С. 69–76.

17. Басманцев, Д.В. Организация уездного воеводского управления на территории Чувашии в XVIII веке / Д.В. Басманцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6 (20). – Ч. 1. – С. 28–31.

18. Басманцев, Д.В. Правовое обеспечение деятельности провинциальных и уездных воевод на территории Чувашии в 1719–1781 годах / Д.В. Басманцев // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.) / отв. ред. Н.А. Петров. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 148–154.

19. Басманцев, Д.В. Священнослужители и система воеводского управления в Чувашии в 1719–1781 годы / Д.В. Басманцев // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 7–11.

20. Басманцев, Д.В. Система воеводского управления и политика Центра на территории Чувашии в 1719–1781 годах: источниковедческий и историографический обзор / Д.В. Басманцев // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа / сост. и отв. ред. В.Н. Клементьев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – Вып. 5. – С. 59–86.

21. Басманцев, Д.В. Уездные воеводские канцелярии на территории Чувашии в 1727–1781 годах: численность служащих, их состав и функции / Д.В. Басманцев // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа / сост. и науч. ред. А.В. Кузнецов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2013. – Вып. 2. – С. 18–36.

22. Басманцев, Д.В. «Царедворцы» в системе управления Казанской губернии в начале XVIII века / Д.В. Басманцев // Марийский археографический вестник. – 2015. – № 25. – С. 31–35.

23. Басманцев, Д.В. Ценностные ориентации местного чиновничества и их влияние на эффективность работы аппарата управления в XVIII веке (по материалам Чувашии) / Д.В. Басманцев // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII–начало XXI вв.): сб. ст. Всерос. науч. конф. (Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 г.) / под науч. ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. – Оренбург: Пресса, 2012. – С. 485–489.

24. Белявский, М.Т. Сословия и сословный строй / М.Т. Белявский // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2 / гл. ред. Б.А. Рыбаков; отв. ред. А.Д. Горский. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 21–43.

25. Богословский, М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом / М.М. Богословский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1903. – Сентябрь. – Ч. 349. – С. 45–144.

26. Вершинин, Е.В. «Прибыльная» деятельность сибирских воевод в XVII в. / Е.В. Вершинин // Вестник Московского университета. – Серия 8. – История. – 1989. – № 3. – С. 60–70.
27. Гаврилова, Л.М. Административная роль города Чебоксары в XVIII – первой половине XIX вв. / Л.М. Гаврилова // Исследования по истории дореволюционной Чувашии / ред. И.И. Бойко; ЧНИИ. – Чебоксары: [б. и.], 1989. – С. 17–34.
28. Гаврилова, Л.М. Социальный состав и положение населения Чебоксар в XVIII – первой половине XIX веков / Л.М. Гаврилова // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков / ред. И.И. Бойко; ЧНИИ. – Чебоксары, 1990. – С. 3–15.
29. Герцен, А.И. Россия / А.И. Герцен // Полное собрание сочинений. Т. 2 / под ред. М.К. Лемке. – Пг., 1918. – С. 376–409.
30. Голикова, Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. / Н.Б. Голикова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза / отв. ред. Н.М. Дружинин. – М.: Наука, 1964. – С. 243–280.
31. Голикова, Н.Б. Система государственного управления / Н.Б. Голикова, Л.Г. Кислягина // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2 / гл. ред. Б.А. Рыбаков; отв. ред. А.Д. Горский. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 44–108.
32. Готье, Ю.В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке / Ю.В. Готье // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. – М.: Тов-во печатня С.П. Яковлева, 1909. – С. 103–152.
33. Градовский, А.Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. Т. 2 / А.Д. Градовский // Собрание сочинений. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – С. 35–297.
34. Градовский, А.Д. История местного управления в России. Т. 1 / А.Д. Градовский // Собрание сочинений. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – II+492 с.

35. Градовский, А.Д. Системы местного управления на Западе Европы и в России / А.Д. Градовский // Сборник государственных знаний. – Т. 6 / под ред. В.П. Безобразова – СПб.: Типография В.П. Безобразова, 1878. – С. 92–160.

36. Григорьев, П.Г. Из истории второй половины XVIII века. Чувашский край в крестьянской войне 1773–1775 годов / П.Г. Григорьев // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1 / гл. ред. В.Д. Дмитриев; ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. – С. 303–332.

37. Гришкина, М.В. К проблеме адаптации удмуртов в системе Российского государства в XVI–XVIII веках / М.В. Гришкина // Служение истории: сб. ст. / отв. ред. А.Г. Иванов. – Чебоксары: [б. и.], 2008. – Вып. 2. – С. 230–250.

38. Гришкина, М.В. Удмуртское крестьянство: социальные трансформации и особенности адаптации в Российском государстве в XVI–первой половине XIX в. / М.В. Гришкина // Этносоциальная динамика населения Вятско-Камского региона: адаптационные механизмы и практики (XVI–XX вв.) / отв. ред. М.В. Гришкина, Л.Н. Бехтерова; Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2009. – С. 12–71.

39. Данилов, Н.А. Исторический очерк развития военного управления в России / Н.А. Данилов // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 1 / гл. ред. Д.А. Скалон. – СПб.: Типография П.Ф. Пантелеева, 1902. – XI+679 с.

40. Демидова, Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. / Н.Ф. Демидова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза / отв. ред. Н.М. Дружинин. – М.: Наука, 1964. – С. 206–242.

41. Демидова, Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. / Н.Ф. Демидова // Исторические записки. Т. 68 / отв. ред. А.Л. Сидоров – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 211–237.

42. Дмитриев, В.Д. Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века / В.Д. Дмитриев // Вопросы археологии и исто-

рии Чувашии (Ученые записки, вып. XIX) / под ред. М.Я. Сироткина и В.Д. Дмитриева. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. – С. 270–302.

43. Дмитриев, В.Д. Документы Ядринской приказной избы о трудовых и податных повинностях и службах населения Чувашии в конце XVII – начале XVIII веков / В.Д. Дмитриев, И.Д. Кузнецов, А.А. Чибис // Марийский археографический вестник. – 2004. – № 14. – С. 121–122.

44. Дмитриев, В.Д. Чувашия в первой половине XVIII века / В.Д. Дмитриев // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1 / гл. ред. В.Д. Дмитриев; ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. – С. 222–302.

45. Дитятин, И.И. Верховная власть в России XVIII столетия / И.И. Дитятин // Статьи по истории русского права. – СПб.: Паровая скоропечатня, 1895. – С. 591–631.

46. Дитятин, И.И. Из истории местного управления / И.И. Дитятин // Статьи по истории русского права. – СПб.: Паровая скоропечатня, 1895. – С. 386–467.

47. Енин, Г.П. Документ о выводе Кокшайска из штата городов Казанской губернии / Г.П. Енин // Марийский археографический вестник. – 1991. – № 1. – С. 55–59.

48. Енин, Г.П. Праздничное «кормление» царевококшайского воеводы в начале 60-х годов XVIII века / Г.Н. Енин // Марийский археографический вестник. – 1993. – № 3. – С. 25–33.

49. Ефремова, Н.Н. Основные этапы развития судебной системы в России в XVIII в. / Н.Н. Ефремова // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП, 1986. – С. 94–105.

50. Ешан, Е. «Нижегородской губернии быть особо...» / Е. Ешан // Родина. – 2014. – № 2. – С. 22–25.

51. Иванов, А.Г. Взаимоотношения сословных групп и чиновничества в Казанской губернии в середине XVIII века / А.Г. Иванов // Сословия, институты и государственная власть в России. (Средние века и раннее Новое

время): сб. ст. памяти академика Л.В. Черепнина / Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории; [отв. ред.: В.Л. Янин, В.Д. Назаров]. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 793–808.

52. Иванов, А.Г. Прощение марийских и чувашских крестьян Козьмодемьянского уезда 1761 года / А.Г. Иванов // Марийский археографический вестник. – 1991. – № 1. – С. 41–55.

53. Иванов, А.Г. Система воеводского управления в Марийском крае во второй половине XVI–XVIII вв. / А.Г. Иванов // Марийский археографический вестник. – 2000. – № 10. – С. 14–31.

54. Иванов, А.Г. Специфика воеводского управления в Марийском крае в XVI–XVII вв. / А.Г. Иванов // Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской России: материалы междунар. науч. конф. (Казань, 29–30 ноября 2012 г.) / отв. ред. Г.В. Ибнеева; науч. ред. И.П. Ермолаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – С. 115–128.

55. Ильенко, А.К. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. / А.К. Ильенко // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Генеральный штаб. Т. 4. Ч. I. Кн. I. Отд. I / гл. ред. Д.А. Скалон. – СПб.: «Бережливость», 1902. – VIII+317+VI с.

56. Кавелин, К.Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях. Т. 4. / К.Д. Кавелин // Собрание сочинений. – СПб., [б. г.]. – Стб. 205–420.

57. Калачов, Н.В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России (Статья первая) / Н.В. Калачов // Сборник государственных знаний. – Т. 8 / под ред. В.П. Безобразова – СПб.: Типография В.П. Безобразова, 1880. – С. 128–148.

58. Кафенгауз, Б.Б. Хлебный рынок в 20–30-х годах XVIII столетия (по материалам внутренних таможен) / Б.Б. Кафенгауз // Материалы по исто-

рии земледелия СССР. Сб. 1 / отв. ред. Б.Д. Греков. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 459–510.

59. Клокман, Ю.Р. Город в законодательстве русского абсолютизма во второй половине XVII–XVIII вв. / Ю.Р. Клокман // // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза / отв. ред. Н.М. Дружинин. – М.: Наука, 1964. – С. 320–354.

60. Колесников, А.Д. Ссылка и заселение Сибири / А.Д. Колесников // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 38–58.

61. Кормчина, Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах / Е.С. Кормчина // Российская история. – 2013. – № 5. – С. 77–91.

62. Кочетков, В.Д. Винокуренные предприятия Алатырского уезда Нижегородской губернии в первой половине XVIII в. / В.Д. Кочетков, Д.В. Басманцев // Марийский археографический вестник. – 2015. – № 25. – С. 179–204.

63. Кочетков, В.Д. Провинциальные и уездные городовые воеводы по данным ведомости 1745 года / В.Д. Кочетков, С.В. Сироткин // Марийский археографический вестник. – 2013. – № 23. – С. 102–128.

64. Кузьмин, Е.П. Взаимоотношения царевококшайской воеводской власти и крестьянской общины в 30–70-е годы XVIII века / Е.П. Кузьмин // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья / отв. ред. А.Г. Иванов. – Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2002. – С. 92–100.

65. Маньков, А.Г. Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720–1725 гг. / А.Г. Маньков // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: сб. ст. / отв. ред. Н.И. Павленко. – М.: Наука, 1975. – С. 159–180.

66. Марасинова, Е.Н. Русский дворянин второй половины XVIII в. (социо-психология личности) / Е.Н. Марасинова // Вестник Московского университета. – Серия 8. – История. – 1991. – № 1. – С. 17–28.

67. Ногманов, А.И. Законодательная политика Российского государства по отношению к татарам Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XVI – начале XX веков: проблема периодизации / А.И. Ногманов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2006. – № 7. – С. 39–45.

68. Павленко, Н.И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. / Н.И. Павленко // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза / отв. ред. Н.М. Дружинин. – М.: Наука, 1964. – С. 389–427.

69. Петрухинцев, Н.Н. Голод 1733–1735 гг. и правительственная политика по борьбе с ним / Н.Н. Петрухинцев // Особенности российского исторического процесса. Сб. ст. памяти академика Л.В. Милова (к 80-летию со дня рождения) / отв. ред. А.А. Горский. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 217–242.

70. Платонов, С.Ф. Столетие кончины императрицы Екатерины II / С.Ф. Платонов // Статьи по русской истории. (1883–1912). – СПб.: Склад издания у Я. Башмакова и К°, 1912. – С. 234–248.

71. Платонов, С.Ф. Управление и политика с 1725 по 1741 г. / С.Ф. Платонов // Лекции по русской истории. – Пг.: Сенатская типография, 1917. – II+743 с.

72. Покровский, И.М. К истории Казанских монастырей до 1764 года / И.М. Покровский // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1902. – Т. XVIII., вып. 1–3. – 80+XXV с.

73. Пупарев, А. [Без названия] / А. Пупарев // Казанские губернские ведомости. [Часть неофициальная]. – 1856. – № 7 – (13 февраля). – С. 48–51; № 11 – (2 марта). – С. 80–81.

74. Пупарев, А. Казанские губернаторы / А. Пупарев // Казанские губернские ведомости. [Часть неофициальная]. – 1856. – № 47 – (19 ноября). – С. 376–378; № 48. – С. 384–387.

75. Румянцева, М.Ф. Исторические источники XVIII – начала XX века / М.Ф. Румянцева // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источ-

ники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 2000. – С. 318–504.

76. Салмин, А.К. Санкт-Петербург XVIII века и чуваша / А.К. Салмин // Чувашский гуманитарный вестник. – 2009. – № 4. – С. 58–78.

77. Селиванова, С.А. Государственное управление в городах Свияжской и Алатырской провинций в 1719–1781 гг.: законодательное оформление и историческая реальность / С.А. Селиванова // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья: сб. науч. ст. – Т. 2. Ч. 3. / отв. ред. Г.И. Тафаев. – Чебоксары: [Б. и.], 2006. – С. 298–308.

78. Серов, Д.О. Гвардейцы и фискалы Петра I в борьбе с лихоимцами и казнокрадами / Д.О. Серов // Исторический вестник. – 2003. – Т. 6 [153]. – С. 54–81.

79. Смирнов, Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. / Ю.Н. Смирнов // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 5-3 (55). – С. 158–166.

80. Тарловская, В.Р. Из истории городской реформы в России конца XVII – начала XVIII в. / В.Р. Тарловская // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. / под ред. Н.Б. Голиковой. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 98–118.

81. Тихонов, В.А. Ядринский набор посадских в солдаты в 1702 году и проблема истощения городов Поволжья в начале Северной войны / В.А. Тихонов // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: материалы II Всерос. (X межрегион.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2008 г.) / отв. ред. А.Г. Иванов – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2009. – С. 38–42.

82. Троицкий, С.М. Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. (20–60-е годы) / С.М. Троицкий // История СССР. – 1957. – № 3. – С. 176–198.

83. Троицкий, С.М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. / С.М. Троицкий // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и

педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза / отв. ред. Н.М. Дружинин. – М.: Наука, 1964. – С. 281–319.

84. Федосов, И.А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма / И.А. Федосов // Вопросы истории. – 1971. – № 7. – С. 46–65.

85. Филиппов, А.Н. Правительствующая олигархия после Петра Великого / А.Н. Филиппов // Русская мысль. – Кн. XI. – 1895. – Год шестнадцатый. – С. 94–108.

86. Хайрутдинов, Р.Р. Переводчики в структуре местного управления Казанской губернии в конце XVIII – первой трети XIX века / Р.Р. Хайрутдинов // История и культура Волго-Вятского края (90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, Кировское отд., 1994. – С. 135–138.

87. Черникова, Т.В. «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны / Т.В. Черникова // История СССР. – 1989. – № 5. – С. 155–163.

88. Щапов, А.П. Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 годов. Т. 1 / А.П. Щапов // Сочинения. – СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. – С. 718–752.

89. Юхт, А.И. Денежная система в России (20-е – начало 60-х гг. XVIII в.) / А.И. Юхт // Отечественная история. – 1992. – № 5. – С. 74–90.

90. Юхт, А.И. Русская промышленность и снабжение обмундированием и амуницией / А.И. Юхт // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. ст. / АН СССР. Ин-т истории; АН УССР. Ин-т истории; ред. коллегия: Л.Г. Бескровный и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 210–227.

5. Авторефераты диссертаций и диссертации

1. Кузьмин, Е.П. Воеводское управление в Марийском крае в XVIII веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кузьмин Евгений Петрович. – Чебоксары, 2009. – 22 с.

2. Муратова, В.Н. Управление Башкирией во второй половине XVI – 40-х годах XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Муратова Венера Нажиповна. – Уфа, 1991. – 18 с.

3. Селиванова, С.А. Уездные города Свияжской и Алатырской провинций в 1700–1780 годах: проблемы политической и социально-экономической истории города в многонациональном регионе: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Селиванова Светлана Александровна. – Чебоксары, 2002. – 28 с.

4. Смирнов, Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII – середина XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Смирнов Юрий Николаевич. – 1999. – 539 с.

5. Чибис, А.А. Монастыри правобережья Казанской земли во второй половине XVI – первой половине XVIII веков: функционирование, землевладение и хозяйство: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чибис Александр Алексеевич. – Чебоксары, 2011. – 22 с.

4. Энциклопедии, словари, справочники

1. Государственность России (конец XV века – февраль 1917 года): словарь-справочник / сост. О.Ф. Козлов, В.Ф. Янковая. – М.: Наука, 1996. – Кн. 1 (А-Г). – 330 с.;

2. Государственность России (конец XV века – февраль 1917 года): словарь-справочник / сост. О.Ф. Козлов, В.Ф. Янковая. – М.: Наука, 1999. – Кн. 2 (Д-К). – 447 с.

3. Государственность России (конец XV века – февраль 1917 года): словарь-справочник / сост. В.А. Владыкина, О.Ф. Козлов, Н.И. Хими́на, В.Ф. Янковая. – М.: Наука, 2001. – Кн. 4 (Р-Я). – 471 с.

4. Государственность России (конец XV века – февраль 1917 года): словарь-справочник / сост. И.В. Сабенникова, Н.И. Хими́на. – М.: Наука, 2005. – Кн. 5, ч. 2. – 508 с.

5. Димитриев, В.Д. Чувашские материнские селения Свияжского, Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринско-

го, Курмышского и Симбирского уездов первой половины XVIII века. Справочник / В.Д. Димитриев; отв. ред. В.Н. Клементьев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2006. – 83 с.

6. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). Список по Месяцесловам / сост. В.П. Степанов. – СПб.: Академический проект, 2003. – 832 с.

7. Чувашская энциклопедия: в 4 т. – Т. 1: А–Е / гл. ред. В.С. Григорьев; ЧГИГН. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – 590 с.; – Т. 2: Ж–Л. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. – 494 с.; – Т. 3: М–Се. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 686 с.; – Т. 4: Се–Я / гл. ред. Ю.Н. Исаев; ЧГИГН. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – 798 с.

5. Интернет-ресурсы

1. Тихонов, В.А. Рекрутская система комплектования русской армии в 1705–1710 гг. / В.А. Тихонов // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2012. – № 4. – С. 28–36; URL: <http://vestnik-mgou.ru> / E-mail: evest_mgou@mail.ru. (дата обращения: 03.04.2015).

2. Юрченков, В.А. Мордовский этнос в имперском социуме: XVIII – начало XX вв. / В.А. Юрченков. – URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicatn/volga_ural/contents.html (дата обращения: 20.04.2010).

Административно-территориальное устройство
на территории Чувашии в середине XVIII в.

Источник: Карта Казанской провинции и реки Волга. 1745. URL: <http://book-old.ru/BookLibrary/14000-Kazanskaya-guberniya/1745.-Karta-Kazanskoj-provintsii-i-reki-Volga.html>. (дата обращения: 17.12.2014).

**Списки губернаторов Казанской и Нижегородской губерний
за 1708–1781 гг.**

Казань:

- Пётр Матвеевич Апраксин (1708–1713) – ближний боярин
 Пётр Самойлович Салтыков (1713–1719) – ближний боярин
 Алексей Петрович Салтыков (1719–1720) – боярин
 и.о. Василий Матвеевич Вяземский (1720–1721) – князь
 и.о. Григорий Стахеевич (Никитич) Хвостов (1722) – управитель подполковник
 Алексей Петрович Салтыков (1722–1724) – боярин
 Александр Семенович Волконский (1724–1725) – князь, генерал-майор
 Иван (Иоганн) Алексеевич Фамендин (1725) – генерал-майор
 Артемий Петрович Волынский (1725–1726) – генерал-майор
 и.о. Кузьма Федорович Толстов (1726)
 Василий Никитич Зотов (1726–1728) – бригадир / генерал-майор,
 Артемий Петрович Волынский (1728–1730) – генерал-майор,
 Михаил Владимирович Долгорукий (Долгоруков) (1730–1732) – князь, действительный тайный советник
 Платон Иванович Мусин-Пушкин (1732–1735) – граф, действительный статский советник
 Александр Иванович Румянцев (1735) – генерал-лейтенант
 и.о. Семен Иванович Гагарин (1735–1736) – князь
 Сергей Дмитриевич Голицын (1736–1739) – князь, тайный советник,
 и.о. Семен Иванович Гагарин (1739–1740) – князь
 и.о. Леонтий Яковлевич Соймонов (1740–1741) – генерал-майор
 и.о. Никита Ушаков (1741) – статский советник
 Артемий Григорьевич Загряжский (1741–1748) – генерал-поручик / генерал-лейтенант
 Степан Тимофеевич Греков (1748–1755) – тайный советник / действительный статский советник
 Федор Иванович Головин (1755–1760) – граф, тайный советник
 Василий Борисович Тенишев (1760–1764) – князь, действительный статский советник
 Андрей Никитич Квашнин-Самарин (1765–1767) – действительный статский советник
 Яков Ларионович фон Брандт (Брант) (1770–1774) – генерал-поручик / генерал-лейтенант
 Платон Степанович Мещерский (1774–1781) – князь, генерал-поручик (генерал-лейтенант)

Нижний Новгород:

- Андрей Петрович Измайлов (1714) – стольник
 Степан Иванович Путятин (1715–1717) – князь, стольник
 Юрий Алексеевич Ржевский (1719–1720 гг.) – (в 1706 г. комнатный стольник) гвардии капитан-поручик
 и.о. Иван Михайлович Шипилов (1720 г.)
 Юрий Алексеевич Ржевский (1720–1721 гг.)
 и.о. Иван Михайлович Шипилов (1722 г.)
 Юрий Алексеевич Ржевский (1722–1726 гг.)
 и.о. Иона Яковлевич Новосильцев (1726–1727 гг.)
 Юрий Алексеевич Ржевский (1727–1728 гг.)

и.о. Григорий Стахеевич (Никитич) Хвостов (1729–1730 гг.) – управитель подполковник

Петр Михайлович Бестужев-Рюмин (1730 г.) – (в 1706 г. стольник) тайный советник

Иван Михайлович Волынский (1730–1740 гг.) – бригадир / действительный статский советник

Григорий Наумов (1740 г.) – бригадир

Семен Иванович Гагарин (1741–1742 гг.) – князь, подполковник

Даниил Андреевич Друцкой-Соколинский (1742–1752 гг.) – князь, действительный тайный советник / полковник

Александр Иванович Панин (1753–1757 гг.) – действительный тайный советник

Максим Иванович Макшеев (1757–1762 гг.) – статский советник

Сергей Иванович Измайлов (1762–1764 гг.) – действительный тайный советник,

Яков Степанович Аршеневский (1764–1770 гг.) – генерал-поручик / генерал-лейтенант.

Андрей Никитич Квашнин-Самарин (1770–1773 гг.) – действительный статский советник.

Алексей Алексеевич Ступишин (1777–1779 гг.) – генерал-поручик (генерал-майор). С 1779 г. – генерал-губернатор.

Составлено по: Областные правители России... С. 756–757, 772; Курукин И.В. Указ. соч. С. 531–538; Захаров А.В. Государев двор Петра I... С. 283, 286, 291, 297, 300, 302, 308, 327, 361, 388.

Справка, составленная в 1729 г. по росписному списку 1727 г., об артиллерийском дворе г. Чебоксары

А по справке в Чебоксарской воевоцкой канцелярии с расписным списком прошлого [1]727 году в Чебоксарех на артиллерном дворе был построен шатер тесовой, под ним выход каменной, а в сторону – погреб деревянной. И оной шатере и в погребе стены и потолок погнили, ядра пушечные завалило землею.

А на артиллерном дворе стояли пушки. И ныне на оном артиллерном дворе стоит пушка по калиберу двухфунтавая.

В погребе: ядер пушечных по щету 5375 по калиберу разных пушек; фитилю 27 фунтов и оной фитил погнел; дроби железной 720; пороху в бочке к стрельбе годною три пуда с полу пудом; две пищали затинные к стрельбе не годные.

А в показанном погребе оным артиллерным припасом бес переделки оного артиллерного двора и погреба в пред быть неможно, понеже от дождевой течи во оном погребе оные припасы в том погребе гнеют.

А у того артиллерного двора служителей Иван Тихонов сын Елизаров, у него два сына: Григорей, Иван; Андрей Степанов сын Салдатов, у него сын Петр; Григорей Степанов, Василей Алексеев сын Киреев, отставной пушкар Андрей Андреянов сын Чириков, у него сын Никифор.

Подпись: Подканцелярист Федор Кокшайской.

Источник: ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 206 об.

Из росписного списка г. Алатыря 1729 г.

... // (Л. 2) Список росписной Алатырской провинции города Алаторя.

Город кремель рубленой дубовой в две стены... ветх, кровля во многих местах обвалилась.

Городовых три ключа.

На Спаской башне колокол набат весом двенатцать пуд.

Дом воевоцкой неогорожен. В нем хоромного строения: четыре горницы на омшенниках, между ими сени, с переходы на верху две светлицы при чардаках, да особ четыре избы людские с сенми, кухня, две конюшни, два анбара, да ледников ветхие, да особ построена светлица.

Во оных хороммах в середне горнице образ Казанской Богородицы в киоте, оклад серебряной да вызолоченной, венец низан жемчугом ... шестая в середине изумрудная.

Канцелярия строится из взятых от штапного Троицкого двора избы светлиц, а что кантор и в них двери окончин столов изгоовтца того ... за окончание не возможно.

Соборное Уложение 157-го году.

// (Л. 2 об.) [Новоуказные с]татьяи 191-го году.

... ..каз 177-го году.

...ная Воевоцкая инструкця 719-го году.

Генеральной регламент.

Адмиралтейской регламент.

Инструкця печатная будущим во Алаторской правинцы воеводам.

Ларец воевоцкой для сохранения нужнейших писем.

Книга настольная 729-го году о приходе денежной казны.

Другая книга настольная 730-го году о приходе ж казны.

В городе кремле тюрьма огорожена острогом дубовым. В нем тюремная изба дп при той тюрьме губная изба ветхая, да особ черная изба. В них колодников сорок четыре человек, да в ынтересе девять человек.

<p>// (Л. 9) Государственной вотчиной коллегии из Москвы ис канторы.</p> <p>Октября в 5 день по челобитью прапорщика Григоря Борисова сына Анненкова о допросе вдовы Аксини Ивановской жены Никитина сына Назарьева по продаже недвижимой ея имения в Алаторском уезде в Менском стану в деревне Кудяевке пашни тритцати девяти четвертей с полу осминою отцу ево Борисову Федорову сыну Анненкову и об отказе оногo недвижимого имения за вышеписанного прапорщика Анненкова и о протчем.</p> <p>Из Нижегородской губернской канцелярии.</p> <p>Октября в 9 день о сочинении по пунктом ведомости о душах мужеска полу сколко от младенчества по десяти, а от десяти до штидесят лет и число дворов и в них мужеска полу людей и о протчем.</p> <p>// (Л. 9 об.) ... из Соляной канторы из Москвы Государственной камор-коллегии ис канторы соляной указ на имя подполквника и Алаторской правинцы воеводы господина Исупова, чтоб секретарям Дмитрею Иванову дабы провозу и продажи воровской соли</p>	<p>...</p> <p>...</p> <p>По оному ведомости сочинены и посланы декабря 30 дня земским писарем Гарасимом Екимовым.</p> <p>По силе указу секретарю Дмитриеву Иванову вспоможение чинено и о не провозе воровской соли в городе и уезде опубликовано и ли-</p>
--	---

<p>не было чинит всякое вспоможение.</p> <p>Октября в 11 день о присылке во оную канцелярию репортов о присылке в Олаторскую правинциальную канцелярию воевод.</p> <p>Того ж числа о высылке в Нижней шляхетства для подписку мнений.</p> <p>Того ж числа о присылке ведомостей о числе мужеска полу душ для отсылки во учрежденную камисию.</p> <p>Из Адмиралтейской коллегии.</p> <p>Октября 12 дня печатной о зборе // (Л. 10) положено в Адмиралтейство оклад мелочных зборов мелких серебряных и медных денег и об отдаче посланным от Адмиралтейства афицером без всякой остановки.</p> <p>Из Государственной военной коллегии.</p> <p>Того ж числа об отправлении подушных денег в Москву, в Санкт-Питербурх.</p> <p>Из Государственной камор-коллегии.</p> <p>Того ж числа подтвердителной о немедленном зборе рекрут.</p> <p>Из Главной артиллерии.</p> <p>Того ж числа для ведома, чтоб изо всех мест ружья и протчих припасов требуют от Главной артиллерии.</p> <p>Высокого сената ис канторы мануфактурных дел.</p> <p>Того ж числа о присылке во оную кантору о гербовой бумаге ведомости колкое число в котором году в продаже было.</p> <p>Из Государственной вотчинной коллегии из Москвы ис канторы.</p> <p>Октября в 13 день по челобитью Алатоского уезду Порецковской волости подячего Александра Попова и при нем с подлинного дела и статей с писцоваго наказу точные копии, а именно с писцоваго наказу копия на тритцати на дву листах и одной страницы да копия з дела на пятидесят листов да при нем опис на трех листах в том числе написанные полторы страницы для розыску и межеваня земли Порецковской волости деревни Любачевы з дворцовыми того ж уезду мордовскими деревни Старой Назимовки з деревнями.</p> <p>// (Л. 11) Из Государственной камор-коллегии.</p> <p>Октября в 16 день о подряде в 728-м году на питейные дворы вина и протчих припасах.</p>	<p>сты выставлены.</p> <p>По силе сего указу октября 14-го числа репортовано.</p> <p>Из Алаторской правинцы шляхетства в Нижней высланы.</p> <p>Оные ведомости сочинены и в Нижней посланы.</p> <p>Положенных доходов деньги // (Л. 10) присланным от Адмиралтейства афицером отдаются не удержно.</p> <p>Подушные деньги отправляются против росположения табеля в указные места.</p> <p>О зборе рекрут в города к воеводам указ послан и о исполнении в Камор-коллегию февраля 19 дня 728-го году писано.</p> <p>О получении сего указу февраля 15-го дня ответствовано.</p> <p>О гербовой бумаге ведомости посланы февраля 15-го 728-го году.</p> <p>По сему указу за не хождением челобитчика межеваня не учинено.</p> <p>По силе указа опубликовано и подряд учинен в Олаторском магистрате.</p>
--	---

Из Высокого сената.

Октября в 18 день о не имани подушных денег на майскую трет 727-го году и о зборе на прошедшую генварскую и сентябрьскую трети в немедленном времени и при нем для публикации печатных двести дватцать указов.

Того ж числа о диких полях и порозжих землях в 16 наказных городех, которые по прежним указом московских и других чинов за людми по купчим и по закладным записыват невелеть и при нем для всенародного известия печатных 15 указов.

Из Нижегородской губернской канцелярии.

Октября в 21 день о сыску беглых салдат 49 человек и при нем оным салдатом реэстр.

// (Л. 11 об.) Из оной же канцелярии.

Того ж числа о зборе доимочных и новаго наряду з двусот душ рекрут и о репортовании и об отсылке тех рекрут в указные места.

Из Военной коллегии.

Того ж числа о зборе и высылке в указыне места подушных денег и о присылке х казначею репортов на генварскую трет.

Из Казанской губернской канцелярии.

Октября в 25 день о приеме у прапорщика Михайла Давыдова на определенных по штату салдат фузей.

Из Камор-коллегии.

Того ж числа об отдаче кабацких и табашных зборов на магистраты.

Из Нижегородской губернской канцелярии.

Октября в 27 день о приеме формы о сочинении ведомостей в камисию.

Оными присланными печатными указами о не имани на майскую трет в городе Алаторе опубликовано и в пристойных местех листы выставлены, и в города к воеводам для публикации ж при указах посланы, и о зборе на генварскую и сентябрьскую трети х камисаром указы посланы ж и по зборе отсылаются в указные места.

Присланными печатными указами в Олаторской провинцы опубликовано и в получении в Сенат февраля 15-го дни писано.

О сыску оных беглых в Олаторской провинцы опубликовано.

По силе указов рекрут собираютца и отсылаютца в указные места.

Оные зборные подушные деньги высланы в указные места и репорты отправлены.

Оные фузеи приняты и розданы алаторским розсылщиков с росписками.

Кабацкие и табашные зборы отданы на Алаторской магистрат.

Против оной присланной формы ведомости сочинены и в губернскую канцелярию посланы декабрь 31 дня 727-го году о чем писано в выше сего.

Книга приходная 729-го году таможенным кабацким и протчим канцелярским зборам, которая числитца за фундамент оклада.

Книга приходная денежной казны взятых из доимки прошлых лет.

[Л. 12–22 об. Далее до конца 1727 г. из Нижегородской губернской канцелярии поступило 36 указов, Высокого Сената – 15, Камер-коллегии – 14, Адмиралтейской коллегии – 5, Вотчинной конторы (г. Москва) – 3, Главной провиантской конторы – 3, Берг-коллегии – 2, Преображенского приказа – 1, Сенатской конторы – 1, «ис канцелярии господина генерала провиантмейстера» – 1, Правительствующего синода – 1, Военной коллегии – 1, Доимочной канцелярии – 1.

Л. 23–70 об. В 1728 г. из Нижегородской губернской канцелярии было прислано 102 указа, Камер-коллегии – 53, Высокого Сената – 40, Адмиралтейской коллегии – 25, Военной коллегии – 22, Главной провиантской конторы – 13, Вотчинной коллегии – 9, Канцелярии господина генерала провиантмейстера – 6, Казанской губернской канцелярии – 6, Главной артиллерии – 4, Доимочной канцелярии – 4, Вотчинной конторы (г. Москва) – 4, Высокого сената ис канторы мануфактурных дел – 3, Берг-коллегии – 2, Герольдмейстерской конторы – 2, Ямской канцелярии – 2, Фискальной канцелярии – 1, Преображенского приказа – 1, Конторы инженерного правления – 1, Военной коллегии конторы – 1, Юстиц-коллегии – 1, Приказа Большого дворца (г. Москва) – 1, Верховного Тайного совета – 1, «ис канцелярии генерал-маэора Сукина» – 1].

... // (Л. 91) Присланных промеморей и поданных доношений от разных требований.

727-го году сентября с 10 числа.

Сентября в 17 день промемория Нижегородской губернии ис Канцелярии свидетельства душ мужеска полу и изследовани о душах мужеская полу, которым при свидетельстве лет не написано и о присылке оног следствия в вышереченную канцелярию.

Того ж числа доношение от Алаторского магистрата о требовании решения о пропускном простом вине трех бочках села Порецкого жителя Артемья Кожина на откупной ева кобачек в Алаторской уезд в села Поромзина городища, на которое вино выписи не предъявлено.

Того ж числа промемория Синбирской // (Л. 91 об.) правинцы ис канцелярии воевоцкого правления о даче о сторожилах и сторонних людей Алаторского уезду порутчику Тимофею Аникиеву, которой послан на спорную землю столника Василья Ермолова послушного указу.

Сентября в 23 день доношение от прежде бывшего камерира князь Ивана Андреева сына Болховского о посылке по наказу в город Курмыш по подьячего Михайлы Попова в город Ядрин по подьячего Якова Быстрова для взятья их с книгами и со всеми обстоятельствомы к сочинению щетных выписок.

Того ж числа доношение из Ядринской воевоцкой канцелярии от воеводы Андрея Михайлова о присылке камисарской жены Федора Селиванова для осмотру мужа ее печати и замка и о земском камисаре, которой был для збору того города и о присылке // (Л. 92) того города окладов подушных и протчих городовых и уездных доходов также и о зборе доимочных и новаго наряду з двусот душ рекрутом ведомостей.

Сентября в 26 день промемория из Новотроицкой дворцовой канцелярии о присылке беглого рекрута Михайла Азаркаева Алаторского уезду деревни Дубенок и об отсылке в указные места.

Того ж числа промемория Синбирской правинцы ис канцелярии воевоцкого правления об отискани и о свидетельстве серебряной и медной р...

Октября в 1 день доношение города Курмыша от подполковника и воеводы господина Лачинова о присылке в Курмыш взятого ис Курмышской канцелярии Уложения и указов ко отправления челобитчиковых и розыскных дел.

// (Л. 92 об.) Октября в 2 день доношение от него ж подполковника Лачинова о требовании повеление о построении двора, в котором жителство имели прежние воеводы и о прочем.

Того ж числа доношение от него ж подполковника Лачинова о требовании повеления на приказные потребы на бумагу и на чернила ис каких доходов употреблять.

Октября в 3 день доношение от Алаторского магистрата о посылке указу для отдачи таможенных сборов на магистрат, которые таможенные мелочные сборы имеютца в селех Порецком, Семеновском, Пожарках // (Л. 93) у откупщиков Семена Кожина, которой оных сборов збирать не поступил.

Октября в 6 день промемория от Нижегородского соляного камисарства о справке за поставочную подрядчика Мелникова прикащика ево Ивана Черного в Алатор и в Курмыш соль бузун достальные провозные деньги выданы ль.

Октября в 17 день промемория из Алаторской Новотроицкой волости о приеме фтрафных денег села Баева у крестьян за держание беглого рекрута.

Октября в 28 день доношение от Алаторского магистрата о присылке во оной магистрат формы для сочинения щетных выписок.

// (Л. 93 об.) Ноября в 1 день промемория Нижегородкой губернии ис Концелярии свидетельства душ о присылке ведомостей о прописных летами.

Ноября в 3 день присланы промемоии ис Концелярии переписных дел Нижегородкой губернии, а имянно...

// (Л. 94) ... Ноября в 14 день доношение от курмышского воеводы подполковника господина Лачинова о присылке в Курмыш гербовой бумаги двукопеешнаго клейма стопы да на отказные книги четырегривенного клейма пятидесяти...

Источник: РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 205. Л. 2–94.

Из росписного списка г. Алатыря 1735 г.

(Л. 313) При канцеляри приказные служители

Канцеляристы

Григорей Семионов – в приказном столе у отправления по всяким указом.

Иван Самойлов – в протоколном столе и у отправления всяких по указом ведомостей.

Алексей Щеглов – в бытность в 734-м году в приходе и росходе денежной казны у сочинения щету.

Подканцеляристы

Иван Михайлов – бытность ево в 733-м и в 734-м годах по крепостной канторе надсмотрщиком в приходе и росходе денежной казны у щету.

Иван Корячин – у судных и розыскных дел.

Осип Дьяконов – у сочинения 733 году ведомостей и в отпращивании по указом всяких ведомостей же.

Иван Фурсов – у приходу и росходу сего 735 году и у приему оногo году денежной казны.

// (Л. 313 об.) Василей Дьяконов – у отпращивания по указом всяких ведомостей.

Григорей Вешняков – у судных дел и у отпращивания по указом всяких ведомостей.

Дмитрей Аникиев – у взыскания доимки с 719 по 734 год.

Степан Севастьянов, которой прислан по требованию Алаторской правинцы по указу ис Камор-коллеги и с молодыми подячими двумя человеки в 731-м году за малолетством приказные служителей к сочинению репортов – у судных дел и у щетов прошлых лет с 719 году всяких зборов.

// (Л. 314) Копеисты

Ермолай Соловцов – у Степана Севастьянова.

Иван Кирилов – у Степана Севастьянова.

Иван Михайлов – в протоколном столе.

Алексей Попов – у приходчика 1734 году.

Иван Александров – у приходчика нынешного 1735 году.

// (Л. 314 об.) Оставших от штапных солдат, кои отставлены за негодностию (4 чел.).

Да к ним же на место высланных штапных по указом определенных и отставные от службы в числе штата тридцети человек...

// (Л. 315) ... При канцеляри ж во сохранении у сторожа с салдаты

Две меры медные заорленные.

Сажень трехаршинная железная.

Шпага ефес серебряной, которая взята от мазора Петра Пазухина.

Шпага ж ефес медной.

Одиннатцет клеем железных, что пятнают кубы и казаны да взятых от тайной ситки одиннатцет винных кубов, труп медных толикое ж число, четыре котла железных.

Да выреской кубовых медных весом дватцет восем фунтов.

В судеиском ящике

Книга записная мнением 1725 году.

Четыре книги записных розданным записным книгам 722, 724, 725, 726 годов.

Два запросных писем. Первое о пошлинах, второе – о поместных делах.

В четырех мешочках денги за печатми, в которых по щету явились медных копеек по старому делу литых воровских 1 руб. 57 коп. да серебряных мелких ...

Дело по извету вора Бориса Кузнецова в сказывани за собою и за товарищи слова императорского величества на 16 полулистах, в том числе порозжих 6 полулистов да шесть страницы.

Дело по объявлению алаторского жителя Ивана Маликова о сказывани за собой о деле о кончине блаженные и вечно достойные памяти государя царевича Алексея Петровича на шти полулистах, в том числе порозжих три полулиста.

Колодничей список 724 год за подписанием под статьями судейским на одном листу, в том числе порозжею поллиста.

Опис 729 году за рукою маэора Улянина, что чего имеетца в судейском ящике на одном листу, в том числе порозжих один полулист и одна страница.

Источник: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 168. Л. 313–315.

Из росписного списка г. Чебоксары 1751 г.

(Л. 6) Росписной список бывших в Чебоксарех воеводы надворного советника Федора Шахмаметева да правящаго воеводскую должность секунд-маэора Дмитрея Кайсарова, по которому принял определенной на место их воевода подпорутчик князь Алексей княж Алексеев сын Путятин канцелярию з делами и служителями и прочее, что к воеводскому ведомству принадлежит, а что чего порознь явствует по оному списку имянно.

(Л. 7) В городе Чебоксарех воеводская канцелярия, а в ней строения. А именно: светлица судеиская. В ней перегороден чулан, в котором бывають приказные служители у отправления дел. В ней печь изращатая муравленая ветхая; восемь окошек, в них окончины слудяные ветхие, которые взяты з бывшего штапного двора. В судеиской же светлице: образ Спаса Нерукотворенного в окладе сребреном; образ Пресвятыя Богородицы Смоленские в окладе и венец серебряной; образ Пресвятыя Богородицы Владимирские в окладе сребреном же, [с] жемчюгом; образ Пресвятыя Богородицы Владимирские венец, гривна серебряные и позолоченные, убрис нанизан китайскими зернами; образ Пресвятыя Богородицы Казанские да Николая Чюдотворца на одной дцке венцы серебряные; образ Введения Пресвятыя Богородицы в окладе сребренном складнии на трех дсках в окладе сребреном; в деисусе образ Спасителей, Богородичен да Иоанна Предтеча.

Стол дубовой судеиской с ящиками, на нем сукно красное новое. Стул судеиской столярной, на нем тюфяк суконной красной ветхой. Стол же сосновой с приписю подячего, на нем сукно красное ветхое. На судеиском столе чернилница оловянная, указ настольной о содержании прав, книга Уложенная [7]177 (1668/69 году) печатная ветхая, книга чиновная печатная [7]163 году (1654/55 году), форма о суде печатная [1]723 году, плакат, выданной [1]724 году с приобщением состоявших в пополнение и в подтверждение указов печатные, воеводской наказ печатной, присланной из Высокого Сената сентября 14 дня [1]728 году, книга печатном указом с [1]714 по [1]724 год, книга ж печатным указом, состоявшимся генваря с 28 числа [1]725 году по [1]730 год, (Л. 7 об.) книга ж, в которую велено записыват явльшихся приписных и утаенных от подушного окладу; ящик сосновой вкован железом, в котором кладутца секретные указы и дела. Три стола сосновой, один липовой – ветхие, на которых отправляють подячие писменные дела.

Под тою светлицею амшеник порозжеи. Против той светлицы чрез сении – изба с перерубом в одной на пред имелись для отправления дел приказные служители. А ныне содержатца колодники. В ней в трех окошках железные решетки. А за тою избою другая половина порозжая. В ней шесть окошак, в одном окошке оконница слудяная ветхая, а пять окошек – закрепы ставнями. В обоих тех избах одна печь кирпичная.

Позади той избы кантора подушного збору на теплом подклете. В ней семь окошек, в одном окошке слудяная оконница, печь изращатая ветхая. В подклете четыре окошка безоконниц закрыты ставнями, печь кирпичная ветхая.

Против канцелярии – архив каменная, где хранитца прежних лет всякие книги, столпы и дела. У той полатки двери железные на петлях, засовы и замки железныя ж.

Под тою архивною выход каменной, двери на петлях, засовы и замки железныя ж, в котором хранитца денежная казна.

Против той же канцелярии тюремной острог сосновой. В нем изба колодничья с перегородою. При том остроге караульная изба. У того острогу прикалитка на петлях, засовы и петли и замок железные.

(Л. 8) В городе ж Чебоксарех казенной воеводской дом. В нем строения, а именно: две светлицы, одна прихожая. В ней во шти окошках оконницы слудяные ветхие. Стол липовой с ящиком, скамья липовая. В другои светлице четыре окошка, в дву окошках оконницы слудяные ветхие.

В третей светлице четыре окошка, в них оконницы бумажные. Две кровати столярные, пять стулов вбиты кожей, в том числе три стула ветхие. Стол, на котором ставитца посуда с напитками. Во оных светлицах печи исрасцовые муравленные.

Светелка, в ней два окошка, оконницы слудяные ветхие; скамейка сосновая; печь изращатая белая.

Пятая светлица, в ней шесть окошек, оконниц не имеетца. Две кровати. Пред теми светлицами сенеи, в них два чулана. У тех сенеи и у всех светлиц двери на петлях железных.

Изба караулная, в ней шесть окошек, оконниц не имеетца.

Подле нее другая изба, в ней два окошка, оконниц не имеетца ж.

Изба стряпушая да куфня; казарма; баня; два анбара; два сарая; погреб теплои; ледник; конюшня, в ней пять стояль.

(Л. 8 об.) При Чебоксарской же канцелярии имеетца старинных артиллерийских припасов и протчего. Четыре протазана медные с трупками железными. Два протазана железные. Две пищали затинные. 18 стволов pistolетных. Знамя кумашное с полотняною белою опушкою ветхое. 17 фузеи ветхих. [1]725 году пять клеем, которыми клеимили заповедной лес. Клеимо ж Казанского гербу. Герб почтовой. 18 клеем старых негодных. Да [1]738 году 11 клеем, которыми клеимили кубы и казаны. Два клеима старых, которыми клеймили лошадеи. Часы городовые железные ветхие. Чесовой колокол, которой на пред бывал на башне весом 15 пуд отдан по присланному из Свияжской правинцыальной канцелярии указу в Соборную Веденскую церковь попу Стефану Иосифову с товарищи с роспискою. Кантарь да одна гирия железными. Четверик медной с ручками железными. Якорь четверорогой. Другой четверорогой же якорь взят по указу в Казан в [1]739 году июня 20 дня на описное судно для сплаву ис Казани на низу провианта. Для охранения от пожарного времени три трубы медные ветхие, один багор, трои вилы железные.

Для содержания колодников две чеши [со] стульями, две чеши шейные, трои железа ножные, четыре замка, в том числе два ветхие, двои кандалы ножные.

(Л. 9) При Чебоксарской воеводской канцелярии имеетца приказных служителей и в штате розсылщиков и их детей, а именно: канцеляристы: при архиве Федор Иванов сын Кокша[й]ской; при канцелярии: Константин Никитин сын Капустин, Афанасей Федоров сын Кокша[й]ской, Григорей Иванов сын Попов; подканцеляристы: Тимофей Степанов сын Железников, Леонтей Никифоров сын Выдрицков, Нефед Михайлов сын Семенов (оной Семенов по указу взят по некоторому делу в Свияжскую правинцыальную канцелярию, которой содержитца и поныне тамо), Петр Степанов сын Климов; копиисты: Данила Иванов сын Петров, Петр Иванов сын Петров же.

Итого приказных служителе[й] 10 человек. Да в бегах копист Ларион Федоров сын Трушенников.

(Л. 9 об.) Розсылщиков и их детей: Денис Яковлев сын Гладилщиков, у него брат Артемий, Василей, Михаила; Василей Петров Посников, у него сын Николаи; Изот Фролов сын Засыпкин, у него сын Кузма; Иван Петров сын Санин, у него брат Дмитрией, у Ивана сын Андреи малолетной; Степан Антонов сын Шкекин; Михаила Ларионов сын Губанов, у него сын Борис малолетной; Алексеи Тиханов сын Кознов, у него дети Алексеи, Михаила малолетные; Иван Родионов сын Салдатов, у него сын Иван малолетной; Яков Васильев сын Шапошников; Никифор Петров сын Хохлов, у него братья Федор, Егор малолетной; Федор Савельев сын Ниских-Поклон, у него братья Федор же, Василей малолетной; Дмитрией Максимов сын Щепалин, у него дети малолетные: Петр, Яков, Иван, Матвей; Иван Прокофьев сын Ершев; Иван Терентьев сын Кучин; Михаила Кузмин сын Казанцов; (Л. 10) Михаила Данилов сын Люлин; малолетные: Леонтей Гаврилов сын Несмеянов, у него брат Василей; Федор Афанасев сын Вяткин; Борис Михайлов сын Шушпанов. Да в добавок указного числа штата написаны по нынешней ревизи в Чебоксарех из города Цывилска Иван Панкратов сын Окорокков; Яков Иванов сын Хлебцов, у него сын Борис малолетной; Григорей Иванов сын Трюкин, у него сын Кузма малолетной; Ти-

мофеи Семенов сын Хохлов; Савелеи Григорьев сын Колтаков; Андреи Петров сын Сапожников; Яков Семенов сын Серебряков; Павел Петров сын Воротников.

Итого определенных в штат розсыльщиков 30 человек, состоящих инваканцы 19 человек.

При канцелярии: сторож Андреи Иванов сын Тяпкин, у него сын Иван; ис положенных в подушной оклад за выбором уездных обывателей толмач Николаи Иванов сын Халтурин, заплечный мастер Иван Максимов сын Беспалов.

Источник: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 387. Л. 6–10.

**Опись Чебоксарской воеводской канцелярии, тюремного острога и ведомость
о численности штата служащих за 1780 г.**

(Л. 100) По канцелярии. Канцелярия крыта полубью драньем. В ней покоев шесть: первая – судейская, вторая – протокол, третья – казначейская, четвертая – подушная, пятая – приказная, шестая – колодничья. Ис коих [покоев] в судейской и казначейской обито бумашками, панели и карнизы столярной работы, потолки и двери и круг окошек выбелено алебастром.

В оных же покоях Божия милосердия:

1. Образ Введения Пресвятыя Богородицы за стеклом в киоте резном и позолоченном с красками. На нем четыре венчика.
2. Владимирския Богоматери. На нем венец и поля медные ветхия.
3. Смоленския Богоматери. На нем венец, цата и поля серебряные.
4. Тихфенския Богоматери в окладе медном.
5. Владимирския Богоматери венец и цата медные.
6. Разных святых поля медные.
7. Спасителев венец сребреной.
- 8 и 9. Николая Чудотворца без окладу.
10. Распятие Господне без окладу.

(Л. 100 об.) 11. Образ ветхой. На нем два венца. ...

Па[р]треть ея императорского величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны.

Зерцало трех угловое подзолотом столярной работы, печать [с гербом] серебряная, три чернилницы оловянные, одно зеркало, одни креслы, три стола столярной работы, на оных красные сукны, ис коих один состоит в казначейской, шандалов медных два, ножниц двое.

Указных книг:

1. Соборное Уложение.

Указные:

2. С 1714 году по 1725 год.
- (Л. 101) 3. С 1725 по 1730 год.
4. 1762 июня с 28 по 1763 год.
5. С генваря по июль месяц 1763 году.
6. [1]763 июля с 1 по генваря 1-е 1774 год.
7. Регламент Камер-коллеги и инструкция Генерального Крикс-камисариата.
8. Пункты о провианском депортаменте.
9. Новоуказные статьи, данные из Семеновской приказной полаты.
10. Форма, каким образом сочинять приходные и расходные о денежной казне книги и щеты, инструкция Ревизион-коллеги.
11. Межевых губернских канцеляриях и провинциальных канцеляриях инструкция, состоявшаяся в [1]766-м году.
12. Разсуждение и формы, поданные из воинской коммиси по 9-му пункту о полковых книгах, репортах, годовых ведомостях.
13. Две части из наставления, данного Правительствующаго Сената из Межевой экспедицы землемером.
14. Штат Правительствующаго Сената.
15. Регламент Главного магистрата.
16. Учреждение для управления губернии Всероссийския империи.
17. Инструкция пехотного полку.
18. Тариф для пограничных Оренбургской и Троицкой крепостей таможен.

(Л. 101 об.) В тех же покоех 21 окошко с[о] стеклянными окончинами, четыре печи, в том числе одна муравленая, а три – кирпичные, две заслонки железные, три вьюшки чугунные, двое сенеи. Во одних [сенях] один чулан и два нужника. Во всей канцеляри 13 дверей, из них две стеклянные и те двери да у 20 окошек затворы и петли железные. У одного в сенях окошка затвора не имеетца.

Казенных медных мер [две]: одна осминная, другая – четверик. Безмен железной один, три цепи со стульями, кочерга железная одна.

В состоящем в сенях чулане:

одно ружье салдатское з замком ветхое, другое – изломанное без замка, объявленные в прошлом 1777 году обще с разбойниками от состоящего в селе Сундыре на станцы у сыску воров и разбойников подпорутчика Асокина.

Гирь медных разбитых 49 фунтов с половиною, чашка весовая соляная медная да коромысл железной горелые, присланные из Чебоксарского магистрата при промемори.

Копьев железных, приготовленных во время бывшего внутреннего нестройства 27. Клеем железных для клеймения кубов и казанов 25.

(Л. 102) В подушной светлице три новые сундука, обшитые железом для денежной казны. Выход земляной, в коем хранитца денежная казна.

Архива каменная с приделком с писменными делами крыта полубью драньем. Под ней выход у оной. Две двери железные да в ней три сундука с писменными делами ветхие.

При канцеляри:

секретарь Иван Апехтин. Канцеляристы: Дмитрией Масловской, Михаил Попов, Михаил Забелин, Иван Климов, Василии Попов. Подканцеляристы: Ф. Крылов, Иван Протопопов, Лев Крылов. Копеисты: Павел Крылов, Александр Апехтин, Иван Апехтин. Сторож Ф. Курилов.

Штатной военной команды:

прапорщик Иван Злецов, сержант Никифор Шитов, на сержантском окладе Максим Багров, (Л. 102 об.) каптенармус Яков Золотов, на капралском окладе капрал Григорей Родионов, на солдатском окладе сержант Иван Обрасимов да капралы Емельян Воротников, Михаил Шумилин. Рядовые: Максим Лобанов, Иван Дорогов, Потап Филимонов, Кирила Краснощеков, Антон Степанов, Филип Медведев, Иван Юрасов, Гаврила Миронов, Иван Цельшев, Емельян Лавренов, Иван Шишкин, Карп Коробицын, Иван Юдин, Павел Семенов, Василий Казимиров, Иван Юванин, С. Збитнев, Алексей Вергунов, Т. Белоглазов, Петр Кривоскулов, Василий Демишев. Барабанщик Василий Шерстобитов.

Ружных и прочих вещи у штатной команды: фузеи – 27, сум патронных с перевязми – 27, шпак с медными ефесы – 28, патрупеи саряшками – 28, пыжевников – 27, трещеток – 27, отверток – 27, патронов с пулями – 540.

Тюремный острог для содержания колодников. Внутри оного колодничьи и при оной караульная изба ветхая.

Пожарных инструментов:

багров восемь, вил девять, крючков два железных на деревянных шестах, роспусков с колесами два, дрвни две, бочек сорокаведерных две.

Источник: ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 100–102 об.

Алатырские провинциальные воеводы в 1727–1780 гг.

Годы правления	Ф.И.О.	Годы жизни	Чины
III–IV.1727 – V.1729	Прокофий Яковлевич Левашов	(1670–1729)	коллежский асессор, стольник, полковник
III.1729 – 1730	Иван Дмитриевич Бахметев	–	майор
1730	Александр Долгоруков	–	князь
III–IV.1731 – XII.1732	Данила Дмитриевич Лукин	(1678–)	подполковник
XII.1732–24.I.1735	Федор Григорьевич Ляпунов	(1669–)	стольник
25.I.1735 – I.1737	Александр Васильевич Потемкин	(1673/75–1746)	майор
I.1737 – 4.I.1739	Григорий Семенович Фефилов	(1685–4.I.1739)	подполковник
I.1739 – I.1741	Никита Петрович Остафьев (Астафьев)	(1682–)	поручик
1	2	3	4
I.1741 – 1743	Иван Артемьевич Волчков	(1691–)	унтер-лейтенант флота
I.1744	Иван Мусин-Пушкин	–	–
1745–1747	Иван Новиков	–	капитан флота
1746–1747	Федор Григорьевич Шишкин	–	надворный советник
1754, 1764	Дмитрий Никитич Чуфаровский	–	коллежский советник, подполковник
1765–1767	Алексей Гаврилович Воронцов	–	коллежский советник
1769–1770	Иван Ракитин	–	–
1772–1773	Василий Петрович Обресков	–	надворный советник
3.XI.1774–1775, 1776–VIII.1777	Михайло Иванович Наумов	–	надворный советник
1775, VIII.1777 – IV.1779	Матвей Симонович Белокопытов	–	подполковник

Источники: Областные правители России... С. 198, 256, 418–419, 434, 440–441, 513, 541, 657; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 774. Л. 3 об.; Ф. 248. Оп. 5. Кн. 269. Л. 1–5 об.; 420, 430; Кн. 730. Л. 98 а, 100, 102; Кн. 847. Л. 256, 311; Оп. 15. Кн. 898. Л. 689–689 об.; Ф. 273. Оп. 1. Д. 30566. Л. 1–2; Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 1028–1029; Кн. 168. Л. 1, 336 об.; Кн. 617. Л. 29–29 об.; Кн. 910. Л. 1–1 об.; Ф. 615. Оп. 1. Д. 71. Л. 31; Д. 73. Л. 50; Д. 87. Л. 27 об.; Д. 98. Л. 13 об.; Ф. 814. Оп. 1. Д. 49. Л. 8 об., 233 об.; ГА УО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 101. Л. 1 об.; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 725. Л. 2; ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 196. Л. 39 об.; Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Указ. соч. С. 124; Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1765. СПб., [Б. г.]. С. 108; Адрес-календарь ... 1766. СПб., [Б. г.]. С. 142; Адрес-календарь ... 1767. СПб., [Б. г.]. С. 155; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1772. СПб., [Б. г.]. С. 186; Месяцослов ... 1773. СПб., [Б. г.]. С. 172; Месяцослов 1775. СПб., [Б. г.]. С. 201; Месяцослов ... 1777. СПб., [Б. г.]. С. 285; Месяцослов ... 1778. СПб., [Б. г.]. С. 311.

Свияжские провинциальные воеводы в 1727–1780 гг.

Годы правления	Ф.И.О.	Годы жизни	Чины
Ш.1727 – 1731	Федор Иванович Козлов	(1672–)	бригадир
1731	Андрей Чириков	–	–
1731–1735	Андрей Иванович Чернышев	(1672/74–)	бригадир, комнатный стольник
1732	Иван Алексеевич Урусов	–	князь
Ш.1734/ХП.1735 – I.1737	Федор Иванович Козлов	(1672–)	бригадир
I.1737–1739	Семен Михайлович Шишкин	(1681–)	майор
1739–1742	Борис Иванович Ярцов	(1695–)	коллежский советник
1742	Сергей Постников	–	–
1744 – 1750	Иван Тихонович Комынин	(1683–)	полковник
1750	Василий Матюнин	–	коллежский асессор
1751–1753	Иван Шатилов	–	коллежский асессор
1756–1761	Михаил Александрович Зыбин	–	полковник
1761	Никифор Киселев	–	коллежский асессор
1761	Андрей Толстой	–	надворный советник, граф
1764–1767	Александр Акимович Жданов	–	коллежский советник
1769–I.1774	Иван Никитич Гневашев	(1718–)	полковник
II.1774–XI.1780	Афанасий Петрович Чириков	–	подполковник

Источники: Областные правители России... С. 380, 650, 682, 704, 722; РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 796. Л. 64–65 об., 67–68; Оп. 15. Кн. 847. Л. 368; Кн. 898. Л. 699; Ф. 441. Оп. 1. Д. 48. Л. 4; Д. 85 а. Л. 297; Д. 87. Л. 1, 61; Д. 181. Л. 1 об.; Д. 646. Л. 5 об.; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 78 а об.; Ф. 545. Оп. 1. Д. 6. Л. 16, 21 об.; ПСЗ–1. Т. 12. № 9084. 5 декабря 1744 г. С. 284; НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Димитриева. Т. 16. Л. 16 об.; Корсакова В.Д. Указ. соч. С. 9–10; Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Указ. соч. С. 121; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 87; Адрес-календарь Российский ... 1765. С. 110; Адрес-календарь ... 1766. С. 144; Адрес-календарь ... 1767. С. 157; Месяцослов ... 1772. СПб. С. 188; Месяцослов ... 1773. С. 174; Месяцослов ... 1779. С. 383; Месяцослов ... 1780. СПб., [Б. г.]. С. 415.

Симбирские провинциальные воеводы в 1727–1780 гг.

Годы правления	Ф.И.О.	Годы жизни	Чины
III.1727 – 1730	Борис Иванович Толстой	(1682/85–)	стольник
1730	Борис Маевский	–	–
III/VIII.1731 – 1732	Василий Матвеевич Вяземский	(1664–1742)	лейб-гвардии капитан, князь
I.1732–24.IV.1733	Сильверст Данилович Гурьев	(1677–)	бригадир
I.1738 – 24.III.1741	Василий Михайлович Лихарев	(1683–1748)	полковник
1741	Григорий Волконский	–	князь
1742 – 1745	Петр Алексеевич Соковнин	–	действительный статский советник
1745 – 1747	Андрей Алексеевич Ходырев	(1692–)	подполковник
1759	Гаврила Назаров	–	князь
1765–1773	Николай Васильевич Панов	–	надворный советник, коллежский советник (с 1772 г.)
19.XII.1774 – III.1778	Александр Яковлевич Плюсков	–	полковник
III.1778 – 1780	Иван Иванович Нечаев	–	полковник

Источники: Областные правители России... С. 264–265, 290–291, 426–427, 441, 636; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 928. Л. 5; Д. 930. Л. 7; Ф. 248. Кн. 319. Л. 1 об.; Оп. 106. Кн. 1068. Л. 1, 2; Ф. 286. Кн. 617. Л. 68–68 об., 79–79 об.; Ф. 443. Оп. 3. Д. 7. Л. 1 об., 5; ГА УО. Ф. 818. Оп. 1. Д. 69. Л. 5 об.; Адрес-календарь Российский ... 1765. С. 112; Адрес-календарь ... 1766. С. 146; Адрес-календарь ... 1767. С. 159; Месяцослов ... 1772. СПб., [Б. г.]. С. 191; Месяцослов ... 1773. С. 176; Месяцослов 1775. С. 205; Месяцослов ... 1777. С. 291; Месяцослов ... 1778. С. 317; Месяцослов ... 1779. С. 388; Месяцослов ... 1780. С. 420; Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898. С. 369; Сб. РИО. Т. 106. С. 179, 192, 426; Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Указ. соч. С. 123.

Курмышские уездные воеводы в 1727–1779 гг.

Годы правления	Ф.И.О.	Годы жизни	Чины
28.III.1727–1730	Иван Васильевич Лачинов	(– не позднее 1733)	подполковник
1730–1731	Иван Михайлович Шипилов	(1662–)	стольник
9.VII.1731– 6.VI.1733	Василий Михайлович Ресин	(–1744)	капитан
21.II.1733–1.I.1736	Афанасий Силыч Извеков	(1686–)	–
1.I.1736–I.1738	Яков Матвеевич Долбилов	(1682–)	капитан
I.1738–1740	Иван Юрьевич Бахметев	(1707–)	поручик
I.1740–1742	Иван Тимофеевич Ергольский	(1673/1693–после 1756)	ассессор
1742	Дурасов	–	поручик
1744–28.I.1745	Яков Борисович Еропкин	(?–28.I.1745)	прапорщик
1750–1754	Андрей Андреевич Трегубов	(1677–)	–
1765	Осип Теличеев	–	коллежский ассессор
1765–1773	Иван Максимович Завалишин	–	надворный советник
1775	Матвей Степанович Волоцкой	–	подполковник
1777–1779	Дмитрий Яковлевич Насакин	–	секунд-майор

Источники: Областные правители России. С. 199, 299–300, 319, 347, 418, 557, 703; Адрес-календарь ... 1765. С. 108; Адрес-календарь ... 1766. С. 143; Адрес-календарь ... 1767. С. 155; Месяцослов ... 1772. С. 187; Месяцослов ... 1773. С. 172; Месяцослов ... 1775. С. 201; Месяцослов ... 1777. С. 285; Месяцослов ... 1781. СПб., [Б. г.]. С. 378; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Сб. док. Чебоксары, 1972. С. 17, 28–30; Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957. С. 190–196; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 774. Л. 3 об.; Ф. 418. Оп. 1. Д. 86. Л. 8, 19 об.; Ф. 519. Оп. 1. Д. 1311. Л. 1; Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 276, 1027 об., 1029; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 11 об.; Ф. 474. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Ф. 224. Оп. 1. Д. 94. Л. 3, 7, 16, 70 об.; ЦА НО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 57. Л. 1–2 об.; Сб. РИО. Т. 63. С. 433; Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Указ. соч. С. 116, 124, 126.

Цивильские уездные воеводы в 1727–1781 гг.

Годы правления	Ф.И.О.	Годы жизни	Чины
25.V.1728–1730	Василий Васильевич Заборовский	(1668–)	стольник
1732–1734	Федор Матвеевич Кисловский	(1694–)	капитан
1734–I.I.1736	Михаил Маркович Козловский	(1693–)	капитан, князь
I.I.1736–III.1738	Андрей Прохорович Норов	(1679–)	капитан
III.1738–1740	Григорий Семенович Арцыбашев (Арцыбушев)	(1690–)	капитан
1743–1744	Дмитрий Алексеевич Бибииков	(1699–)	подпоручик
1744–1746	Иван Иванович Хотяинцов	(1714–)	титулярный советник
8.VII.1749–1753	Константин Карпов	–	–
1762	Андрей Алексеевич Всеволожской	–	коллежский асессор
1763–1767	Сергей Михайлович (Васильевич) Милкович	–	надворный советник
1772– 17.VII.1774	Петр Данилович Копиев	(– 17.VII.1774)	коллежский асессор
1775–I.1780	Антон Никитич Живоглотов	–	премьер-майор
1780–1781	Николай Егорович Рылеев	–	секунд-майор

Источники: Областные правители России. С. 188–189, 207–208, 331, 372, 381, 500; Сб. РИО. Т. 63. С. 433; Адрес-календарь ... 1765. С. 110; Адрес-календарь ... 1766. С. 145; Адрес-календарь ... 1767. С. 158; Месяцослов ... 1772. С. 189; Месяцослов ... 1773. С. 174; Месяцослов ... 1775. С. 203; Месяцослов ... 1777. С. 288; Месяцослов ... 1778. С. 314; Месяцослов ... 1779. С. 384; Месяцослов ... 1780. С. 416; Месяцослов ... 1781. С. 384; Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Указ. соч. С. 122; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 110, 193, 377; Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 403; РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 796. Л. 828, 831, 838; Оп. 106. Кн. 778. Л. 1–1 об.; Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 514, 520, 543–543 об., 563 об., 578, 579, 580; Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 141; Д. 92 а. Л. 12; Д. 181. Л. 19 об.; Ф. 601. Оп. 1. Д. 10. Л. 20; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 1, 30, 125; Д. 3. Л. 1; Д. 4. Л. 1, 57 об.; Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 54; Д. 41. Л. 91–91 об.; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. 1996. Л. 718.

Чебоксарские уездные воеводы в 1727–1781 гг.

Годы правления	Ф.И.О.	Годы жизни	Чины
24.III.1728– XII.1730	Алексей Еремеевич Заборов- ский	(1676–)	капитан
I.1731–1733	Федор Ефимович Козинский	(1678–)	стольник
III.1733–I.1736	Алексей Иванович Кушников	(1681–ранее 1738)	майор
I.1736–I.1738	Гаврила Михайлович Воейков	(1671–)	подполковник, стольник
I.1738–1740	Артамон Яковлевич Квашнин- Самарин	(1702–)	фискал
I.1740–1742	Алексей Миронович Кологри- вов	(1682–)	капитан
I.1742–1747	Прокофий Петрович Матюш- кин	(1689–)	капитан
1746/47–XII.1751	Федор Шахмаметев	–	надворный со- ветник
24.XII.1751–1752	Алексей Алексеевич Путятин	–	подпоручик, князь
1753	Дмитрий Реутов	–	титularный со- ветник
1754–1761	Борис Григорьевич Любятин- ский	–	подпоручик
1761–1763	Василий Петрович Обресков	–	надворный со- ветник
1765–1767	Андрей Алексеевич Всеволож- ской	–	коллежский ассессор
1769–1773	Дмитрий Никитич Чуфаров- ский (Чюфаровский)	–	коллежский со- ветник
1774–10.VII.1779	Алексей Григорьевич Копылов	(1720–)	надворный со- ветник
1780–1781	Тимофей Иванович Суров	–	секунд-майор

Источники: Областные правители России... С. 247, 330, 366, 377, 384–385, 413, 453; Сб. РИО. Т. 63. С. 433; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 443–443 об.; Д. 9. Л. 228–228 об., 230; Д. 15. Л. 45–45 об.; Д. 16. Л. 7–7 об., 32 об.; Д. 18. Л. 1; Д. 19. Л. 1, 29; Д. 21. Л. 681; Д. 24. Л. 78 а–78 а об.; Д. 27. Л. 95–96; Д. 33. Л. 16; Д. 39. Л. 214–214 об.; Д. 50. Л. 58 об.; Д. 52. Л. 35 об.; Д. 55. Л. 47 об., 111; Д. 98. Л. 2 об.; Д. 133. Л. 22; Д. 134. Л. 7; Д. 135. Л. 3, 12; Оп. 2. Д. 6. Л. 28; Д. 54. Л. 99 об.; Д. 61. Л. 77, 219; Ф. 3. Оп. 1. Д. 131. Л. 70 об.; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. Л. 1 [на фотокопии 319], 616, 623; Ед. хр. 12. Л. 2, 17; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 730. Л. 261; Ф. 286. Оп. 1. Д. 387. Л. 5; Ф. 441. Оп. 1. Д. 85 а. Л. 379; Д. 181. Л. 33, 57, 59; Д. 197. Л. 21–23 об.; Д. 289. Л. 1 об.; Д. 824. Л. 1 об.; Ф. 601. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Д. 6. Л. 7; Д. 14. Л. 2; Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Указ. соч. С. 122; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 25, 44–45, 135, 234, 267–268; Кузнецов И.Д. Указ. соч. С. 183, 282.

Ядринские уездные воеводы и комиссары в 1727–1781 гг.

Годы правления	Ф.И.О.	Годы жизни	Чины
1727–1730	Андрей Михайлович Михайлов	(1657–1732)	лантрихтер
1730–1733	Кирилл Афанасьевич Ивашкин	(1699–)	капитан
1733–1735	Андрей Алексеевич Спиридов	(1669–)	майор
I.1735–1737	Михаил Иванович Ниротморцев (Миротморцев)	(1684–)	адъютант
1737–1739	Андрей Иванович Гундоров	(1691–)	прапорщик, князь
1739–1741	Петр Степанович Аксаков	(1680–)	капитан
1743–1747	Алексей Иванович Львов	(1673–)	майор, князь
1748–1749	Петр Макаров	–	–
1750–1756	Иван Братцов	–	прапорщик
1761–1764	Федор Кудрявцов	–	коллежский ассессор
1766	Иван Саламыков	–	адъютант ар- тиллерии
VI.1766	Михаил Протопопов	–	капитан
21.XII1768– 1773	Иван Данилович Стечкин	–	коллежский ассессор
V.1773– XII.1781	Лука Иванович Лихутин	(1737–)	поручик, се- кунд-майор (с 1774 г.)

Источники: Областные правители России... С. 173, 289, 345, 436–437, 466–467, 498, 602; Сб. РИО. Т. 63. С. 433; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 774. Л. 3 об.; Ф. 248. Оп. 106. Кн. 730. Л. 2–2 об.; Кн. 1178. Л. 1; Ф. 273. Оп. 1. Д. 30592. Л. 1–3 об.; Ф. 286. Оп. 1. Кн. 134. Л. 1027 об., 1028 об.; Кн. 304. Л. 493; Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2; Ф. 601. Оп. 1. Д. 4. Л. 16; Кочетков В.Д., Сироткин С.В. Указ. соч. С. 124–125; ПСЗ–1. Т. 12. № 9084. 5 декабря 1744 г. С. 284; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 30, 38, 39 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л. 2 об.–3, 10; Д. 40. Л. 32; Д. 66. Л. 3; Д. 114. Л. 2, 248 об.; Д. 135. Л. 2; Д. 141. Л. 127; Д. 141 а. Л. 3, 11 об.; Д. 153. Л. 3; Д. 155. Л. 30; Д. 239. Л. 1; Ф. 224. Оп. 1. Д. 94. Л. 14–15, 16 об.; ОР РНБ. Ф. 1305. Ед. хр. 6. Л. 3; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 12. Л. 18; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 132, 142; Месяцослов ...1772. С. 186; Месяцослов ... 1773. С. 171.

**Состав исполняющих обязанности воевод Чувашии
по Табели о рангах за 1727–1781 гг.**

Классные чины по Табели о рангах (1722 г.)		Провинциальные и.о. воеводы	Уездные и.о. воеводы	Итого
<i>Гражданские и штаб-офицерские чины</i>				
VII	Надворный советник	–	1	1
	Подполковник	1	–	1
VIII	Коллежский асессор	1	–	1
	Майор	–	1	1
	Секунд-майор	1	3	4
	Премьер-майор	2	–	2
<i>Обер-офицерские чины</i>				
IX	Капитан	–	1	1
X	Капитан-поручик	1	–	1
XII	Поручик	–	1	1
XIII	Подпоручик	–	1	1
XIV	Прапорщик	–	1	1
<i>Без классных чинов</i>		1	2	3
ВСЕГО		7	11	18

Источник: Областные правители России... С. 332, 489, 492–493, 686–687; Сб. РИО. Т. 106. С. 192, 426; Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. С. 369; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 928. Л. 1–3 об.; Ф. 248. Кн. 601. Л. 215–224; Кн. 788. Л. 520; Ф. 286. Оп. 1. Д. 387. Л. 5; Ф. 407. Оп. 1. Д. 146. Л. 1; Ф. 441. Оп. 1. Д. 87. Л. 19; Д. 88. Л. 375–429; Д. 92 а. Л. 427, 480; Д. 93. Л. 1, 248, 251–297, 297, 338; Д. 197. Л. 23 об.; Корсакова В.Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии. С. 10; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 17, 413, 429; Месяцослов ... 1775. С. 203; Месяцослов ... 1777. С. 278; Месяцослов ... 1778. С. 314; Месяцослов ... 1779. С. 384; Месяцослов ... 1780. С. 416; Месяцослов ... 1781. С. 384; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. Л. 718 об.; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 28, 34–40, 169–186, 206, 315–355; Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 28, 41, 443 об.; Д. 52. Л. 31 об.; Д. 54. Л. 26; Д. 55. Л. 14 об.–15; Д. 142. Л. 26–27, 33.

**Ведомость приказных людей
Свияжской провинциальной канцелярии за 1754 г.**

(Л. 13) Ведомость в Казанскую губернскую канцелярию из Свияжской провинциальной канцелярии коликое число имеется в оной провинциальной канцелярии канцеляристов, подканцеляристов, копиистов, и кто у каких дел, и кто с которого году при делах находится, и в которых же годах в канцеляристы и подканцеляристы и копиисты определены, и ис каких чинов.

Должность	Ф.И.О.	Сведения о службе
1	2	3
Канцелярист	Михайла Прото- дяконов	«Ис подьяческих детей»; «находится при делах с 741-го году, определен в копиисты в 742-м году, в подканцеляристы – 745-м году, в канцеляристы – 751-м году».
Канцелярист	Яков Дмитриев	«Ис толмачевских детей»; начинал службу в 1720 г. писчиком, с 1725 по 1728 гг. работал копиистом, 1728 по 1730 гг. – подканцеляристом, с 1730 г. – канцеляристом.
Канцелярист	Яким Зиновьев	«Ис подьяческих детей»; служил в 1739 г. писчиком. В 1741 г. был произведен в копиисты, 1746 г. – подканцеляристы, 1749 г. – канцеляристы.
Канцелярист	Семен Иванов сын Протопопов	«Ис подьяческих детей»; начинал службу в 1738 г. писчиком. В 1741 г. был произведен в копиисты, 1745 г. – подканцеляристы, 1749 г. – канцеляристы.
Канцелярист	Петр Васильев сын Попов	«Ис подьяческих детей»; «при делах» с 1734 г. В 1737–1746 гг. был копиистом, 1746–1750 гг. – подканцеляристом, 1750–1754 гг. – канцеляристом.
Канцелярист	Петр Назаров	«Ис подьяческих детей». Служил с 1709 г. копиистом, с 1728 г. – подканцеляристом, 1733 г. – канцеляристом.
Канцелярист	Афанасей Зуба- рев	«Ис подьяческих детей»; начинал службу в 1724 г. писчиком, затем – копиистом, с 1732 по 1739 гг. работал подканцеляристом, с 1739 г. – канцеляристом.
Канцелярист	Алексей Зиновь- ев	«Ис подьяческих детей»; трудился с 1738 г. писчиком, 1739 г. – копиистом, 1744 г. – подканцеляристом, 1745 г. – канцеляристом.
Канцелярист	Федор Протопо- пов	...
Подканцелярист	Андрей Терес- ков	«Ис подьяческих детей»; в 1740 г. работал в чине писчика, 1746 г. – копиистом, 1752 г. – подканцеляриста.
Подканцелярист	Степан Никитин сын Ефтропов	«Ис подьяческих детей»; трудился с 1739 г. писчиком, 1741 г. – копиистом, а в 1748 г. был произведен в подканцеляристы.

1	2	3
Подканцелярист	Александр Михайлов	«Ис подьяческих детей». Служил писчиком с 1740 по 1744 гг., 1744 по 1748 г. – копиистом, с 1748 г. – подканцеляристом.
Подканцелярист	Дмитрей Масловский	«Ис подьяческих детей»; «при делах» с 1738 г. В 1741–1743 гг. был копиистом, с 1744 г. – подканцеляристом.
Подканцелярист	Семен Чашков	«Ис подьяческих детей»; в 1738 г. работал в чине писчика, 1746 г. – копиистом, 1751 г. – подканцеляриста.
Подканцелярист	Иван Меншей Назаров	«Ис подьяческих детей»; начинал службу в 1738 г. писчиком. В 1743 г. был произведен в копиисты, 1746 г. – подканцеляристы.
Копиист	Степан Масловски	«Ис подьяческих детей»; «при делах» с 1738 г., а чин копииста получил в 1741 г.
Копиист	Андрей Казанцев	«Ис подьяческих детей»; с 1743 г. работал в должность писчика, в 1744 г. – копиистом.
Копиист	Петр Зиновьев	«Ис подьяческих детей»; с 1746 г. определен в писчики, в 1748 г. – копиисты.
Копиист	Иван Дмитриев	«Ис подьяческих детей»; трудился с 1746 г. писчиком, 1748 г. – копиистом,
Копиист	Андрей Протопопов	«Ис подьяческих детей»; начинал службу в 1746 г. писчиком. В 1752 г. был произведен в копиисты.
Копиист	Алексей Михайлов сын Воронов	«Ис подьяческих детей». С 1749 по 1751 гг. находился в должности писчика, с 1751 г. – в чине копииста.
Копиист	Иван Резанов	«Ис подьяческих детей»; с 1737 г. трудился писчиком, с 1746 г. – копиистом.
Копиист	Афанасей Денисов	«Ис подьяческих детей»; служил писчиком с 1740 г., копиистом – 1746 г.
Копиист	Никита Богданов	«Ис подьяческих детей»; в 1745–1749 гг. работал писчиком, с 1749 г. – копиистом.
Копиист	Алесе́й Попов	«Ис подьяческих детей»; в 1745 г. определен писчиком, в 1746 г. – копиистом.
Копиист	Логин Федоров	«Ис подьяческих детей». В 1739 г. был принят на должность писчика, в 1744 г. – копииста.

Источник: РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 13–17 об.

**Личный состав приказных служащих
Чебоксарской воеводской канцелярии в 1731–1781 гг.**

Имя, фамилия	Должность
1731 г.	
1. Андрей Рыбенской	канцелярист
2. Моисей Перепечин	канцелярист
3. Иван Турченинов	канцелярист
4. Иван Гарбаев	подканцелярист
5. Федор Трушеников	подканцелярист
6. Василий Зубарев	подканцелярист
7. Василий Воитов	копиист
8. Илья Беликов	копиист
1754 г.	
1. Константин Капустин	канцелярист
2. Василий Резанов	канцелярист
3. Афанасий Кокшайский	канцелярист
4. Григорий Попов	канцелярист
5. Тимофей Жлезников	подканцелярист
6. Нефед Семенов	подканцелярист
7. Петр Климов	подканцелярист
8. Данила Петров	копиист
9. Петр Петров	копиист
10. Гаврила Шестаков	копиист
1781 г.	
1. Иван Апехтин	с приписью подьячий
2. Александр Попов	канцелярист
3. Василий Попов	канцелярист
4. Михаил Попов	канцелярист
5. Михаил Забелин	канцелярист
6. Иван Климов	канцелярист
7. Иван Пртопопов	подканцелярист
8. Федор Крылов	подканцелярист
9. Лев Крылов	подканцелярист
10. Петр Петров	подканцелярист
11. Павел Крылов	копиист
12. Александр Апехтин	копиист
13. Иван Апехтин	копиист

Составлено по: ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 29–31 об.; Оп. 2. Д. 1. Л. 33–33 об.; Д. 6. Л. 13 об.–17, 28; Д. 61. Л. 219 об. – 220; РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 58–59.

**Личный состав приказных служащих
Цивильской воеводской канцелярии в 1753–1775 гг.**

Имя, фамилия	Должность	Имя, фамилия	Должность
1753 г.		1775 г.	
1. Иван Забелин	канцелярист	1. Василий Козелков	секретарь
2. Василий Марков	подканцелярист	2. Иван Чеадаев	канцелярист
3. Осип Чеадаев	подканцелярист	3. Михаил Нагаев	канцелярист
4. Леонтий Выдрицкой	подканцелярист	4. Федор Кузнецов	канцелярист
5. Егор Власов	копиист	5. Ефим Замятнин	подканцелярист
6. Степан Сосунов	копиист		
7. Василий Чеадаев	копиист	6. Андрей Малиновкин	подканцелярист
8. Прокофей Воротников	копиист		
1762 г.		7. Лука Ерофеев	подканцелярист
1. Андрей Леонтьев	с приписью подьячий		
2. Иван Забелин	канцелярист		
3. Василий Макаров	канцелярист		
4. Иван Попов	канцелярист		
5. Иван Жилцов	канцелярист		
6. Осип Чеадаев	канцелярист		
7. Василий Чеадаев	подканцелярист		
8. Никита Марков	копиист	9. Николай Овсяников	копиист
10. Иван Обрасцов	копиист		

Составлено по: РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 20–22; ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 196; Д. 4. Л. 57 об.–58.

**Личный состав приказных служащих
Ядринской воеводской канцелярии в 1764–1774 гг.**

Имя, фамилия	Должность	Имя, фамилия	Должность
1764 г.		1774 г.	
1	2	1	2
1. Александр Кудрявцев	секретарь (регистратор)	1. Иван Ильин	секретарь
2. Андрей Орлов	канцелярист	2. Андрей Орлов	канцелярист
3. Василий Попов	канцелярист	3. Иван Коровин	канцелярист
4. Алексей Федоров	подканцелярист	4. Степан Лукин	канцелярист
5. Степан Лукин	подканцелярист	5. Сергей Маруев	подканцелярист
6. Сергей Маруев	подканцелярист	6. Алексей Коровин	подканцелярист
7. Иван Коровин	подканцелярист	7. Николай Дьяконов	подканцелярист
8. Алексей Коровин	копиист	8. Афанасий Кудрявцов	копиист
9. Федор Дьяконов	копиист	9. Алексей Дьяконов	копиист
1	2	1	2
10. Николай Дьяконов	копиист	10. Михаил Мелников	копиист
11. Михаил Быстров	копиист	11. Василий Коровин	копиист

Составлено по: ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 135. Л. 17 об.–18; Д. 197. Л. 3–5, 11–14.

Социальный состав канцелярских служащих Чувашии в 1753 г.

Социальная группа	Свияжск	Цивильск	Чебоксары	Итого	%%
Дети подьяческие (приказнослужащих)	23	4	4	31	75,6
Дети однодворцев («неположенных в подушной оклад»)	–	3	–	3	7,3
Дети рассыльщиков, солдат	–	1	2	3	7,3
Дети священно- и церковнослужителей	–	–	3	3	7,3
Дети толмачей	1	–	–	1	2,5
ВСЕГО	24	8	9	41	100

Источники: НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Димитриева. Т. 20. Л. 10 об.–11 об.; Т. 48. Л. 43 об.–44 об.; РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 181. Л. 5 об.–8, 13–17 об., 20–22, 34–35, 58–59.

Динамика численности провинциальных и уездных рассыльщиков на территории Чувашии по Штатам 1732 и 1763 годов

Рассыльщики	Количество	
	1732 г.	1763 г.
<i>Провинциальные</i>		
Свияжск	[72] (до 1732 г.)	57
Симбирск (в 1732 г. с пригородами)	84	57
Алатырь	30	57
Итого	186	171
<i>Уездные</i>		
Чебоксары	30	29
Цивильск	25	29
Курмыш	25	29
Ядрин	25	29
Итого	105	116
ВСЕГО	291	287

Источники: ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отдел 4. № 6233. 19 октября 1732 г. С. 22–24; № 11991. 15 декабря 1763 г. Таблица IX. С. 70.

Численность населения и размеры посевов ржи и ярового хлеба в Ядринском уезде в 1734–1735 гг.

Волость, населенные пункты	По пе- репи- си муж. пола душ (1723 г.)	Из того числа бежало, чел.	К 734-му году имелось в по- севе, четвер- тей		В умолоте, четвертей		К 735-му году ржи посеяно
			ржи	ярового	ржи	ярового	
1	2	3	4	5	6	7	8
Сорминская	2661	64	345	415	172½	330	
д. Чюрашево	366	16	50	50	30	40	третья часть
д. Тараево	560	10	100	110	15	100	тож
д. Токшихово	272	14	20	25	12 ½	15	тож
д. Башево	411	6	25	30	15	25	одна по- ловина
д. Сорма	1052	18	150	200	100	150	тож
Вильская	3214	150	402	594	–	–	
д. Четаево	265	8	90	50	–	–	третья доля
д. Хочашево	728	3	110	110	–	–	половину
д. Атнашево	431	7	25	75	–	–	тож
д. Аказино	133	25	7	15	–	–	тож
д. Выла	467	25	35	87	–	–	тож
1	2	3	4	5	6	7	8
д. Атаево	218	8	15	33	–	–	тож
д. Кумаркино	90	8	20	36	–	–	тож
д. Шемердяны	119	10	20	27	–	–	треть до- ля
д. Токташево	179	20	20	23	–	–	тож
д. Яушево	202	20	25	44	–	–	четвертая доля
д. Раскильдино	329	10	25	70	–	–	тож
д. Тоганашево	53	6	10	24	–	–	третья доля
Итого:	5875	214	747	1009	172½	330	

Источник: РГАДА. Ф. 210. Оп. 7 а. Д. 5212. Л. 1254 об.–1255 об.

**Статьи окладных сборов по Камер-коллегии в Алатырской,
Свияжской и Симбирской провинциях в 1724 г.**

Статьи сборов	Провинции					
	Алатырская		Свияжская		Симбирская	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
1	2	3	4	5	6	7
Таможенных	3467	19 ½	6097	72 ½	13825	52 ½
Кабацких	9418	36 ¼	11021	67 ½	24072	60 ½
С клеймения кубов	494	37 ½	1288	50 ½	820	87 ½
Табачных	39	11 ¾	223	76 ¾	407	15
С клеймения хомутов с извощиков	2	—	—	—	385	4 ¾
С мостов и с перевозов	424	78 ½	108	—	410	81 ¼
С лодоколу и с водопою	10	52	19	55 ½	656	34 ¾
Подымных вместо валешных	13	80	31	21	137	89
С оброчных земель и с сенных покосов	277	33 ¼	555	3	425	55
С торговых бань	29	45	43	98 ½	122	41
С рыбных ловель	263	72 ½	944	87 ½	8793	34 ¾
С мельниц	1026	14 ¾	2797	81 ½	3592	48 ¾
С постоянных дворов	2	21	17	48 ½	360	62 ½
С лавок, с полков, кузниц и с шалашей	47	79 ½	236	42 ¼	789	2 ½
Винокурен	—	—	29	40		
Канцелярских мелочных сборов	—	—	9	88		
С найму извощиков десятой доли	64	47 ½	152	87 ¾	1462	57 ¼
Остаточных за монастырскими расходы и оброчных за десятичную пашню	—	—	444	72 ½	1077	26 ¾
С церквей данных	—	—	—	—	88	39 ½
1	2	3	4	5	6	7
С квасных и сусяных откупов	57	91 1/7	—	—	34	82 ½
С воскобойных промыслов	—	—	—	—	9	40
С венечных памятей	—	—	—	—	72	20
С венечных же памятей на госпиталь	—	—	—	—	72	20
С свадеб куничных и убрусных	218	25	303	95	153	91 ½
С челобитчиковых и с исцовых дел пошлин	592	69	50	96 ½	595	72
Печатных пошлин	5	50	4	12 ½	—	—
С письма крепостей	41	22 ½	206	66 ¾	398	26 ½
Конских пошлин	858	31 ½	464	86 ¾	5151	81 ½
Сверх окладу с разночинцовых домовых бань	308	80	586	50	1090	70
С судов привального и отвального	—	—	—	—	155	6
Итого	17663	98 1/7	25667	¾	65161	3 ¼

Источник: Кирилов И.К. Указ. соч. С. 212, 222–223, 237–238.

Окладные и неокладные сборы по Алатырской провинции за 1769 г.

Окладные, состоящие на откупе	руб.	коп.	Окладные, состоящие на откупе	руб.	коп.
питейных	3450	20	з домовых бань и печатных пошлин	255	25
полавочных и харчевенных	50	78 $\frac{3}{4}$	с них накладных по 2 коп. с рубля	1173	80
с торговых бань	15	44 $\frac{1}{2}$	духовных вотчин с крестьян двурублевого оброка	16770	—
по указам 705-го по 2 коп., 723-го по 10 коп., 763-го на гражданские штаты по 30 коп.	2149	98	с однодворцов и государственных крестьян и прежних служб двурублевого оброка	1564	—
печатных крепостных и прочих пошлин	279	86 $\frac{3}{4}$	незнающих помещиков с крестьян двурублевого оброка	1246	—
по указам 750-го и 756-го по 1 руб. 23 $\frac{1}{2}$ коп.	6526	72 $\frac{1}{2}$	Итого	98332	94 $\frac{1}{2}$
			Неокладные		
по указам 742-го на строение питейных домов по 10 коп., 1757-го на заведение капитала по 10 коп.	511	90	мировых пошлин, прирводных и поголовных, сысковых и явочных челобитен	79	52
с пива и меду по указу 763-го по 5 коп.	167	99 $\frac{1}{4}$	при письме крепостей новоположенных	67	55
с явки пив и полпив да на означенные сборы на даточных	72 2364	32 $\frac{1}{2}$ 97 $\frac{3}{4}$	на медикамент	1	69 $\frac{1}{2}$
с явки пив и медов	9	80	за гербовую бумагу новоположенных	72	20
конских пошлин состоящих на откуп с крепостей пошлин и з дел пошлин	1064 289	4 $\frac{3}{4}$ 89 $\frac{1}{2}$	за даваемых прокормежных	283	10
			вычетных при выдаче жалованья на гошпиталь	37	42
с пустых земель и сенных покосов	258	96 $\frac{3}{4}$	<i>экономического ведомства</i>		
с мельниц и кузниц	609	50 $\frac{3}{4}$	с пашенных земель	46	40
да положенных на жалованье	436	30	с мельниц и с рыбных ловель	190	43
с рыбных ловель	289	67 $\frac{3}{4}$	выводных з девок	36	—
с свадеб куничных	85	50	Итого	814	61
подушных	58690	—	ВСЕГО	99147	56 $\frac{1}{2}$

**Основные виды правонарушений и наказаний по приговорам воеводских канцелярий
на территории Чувашии в 1728–1779 гг.**

Виды правонарушений	Число правонарушений	Приговоры без телесного наказания (штраф, на поруки...)	Мировые	Виды телесных наказаний							
				«с наказанием»	плеть	кнут	батоги (палочье)	отрезание уха	вырезание ноздрей	клеймение	ссылка
Кража	58	9	3	5	13	25	3	2	1	1	2
Разбой	6					6			4	1	4
Убийство	4	2			1	1					
Скупка и продажа краденого	4	1			2		1				
Неповиновение сотнику, пятидесятнику	3				3						
Ложный донос	3	1				1	1				
Невозврат долга	2		2								
Блудное воровство	2	1		1							
Упущение разбойника	2				1		1				
Держание беглого	2	2									
Оговор	2	1				1					
Недонос	1					1					
ИТОГО	89	17	5	6	20	35	6	2	5	2	6

Источники: ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; Д. 3. Л. 22, 40, 125–127; Д. 4. Л. 27–30; Д. 9. Л. 1–1 об., 3 об.–4, 10, 24 об.–25; Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 710, 712–715, 790 об.–791, 795–795 об.; Д. 8. Л. 599; Д. 16. Л. 32 об., 48, 51, 68; Д. 30. Л. 5–5 об.; Д. 36. Л. 12, 19–29, 34; Д. 52. Л. 3–7 об., 10–16; Д. 55. Л. 103–104; Д. 57. Л. 8–11; Д. 76. Л. 2–9; Д. 79. Л. 1–14; Д. 142. Л. 10–22; Оп. 2. Д. 22. Л. 82–82 об.; Д. 34. Л. 28–40; Д. 41. Л. 195–196 об., 347, 376–378; Д. 54. Л. 212–217, 237, 243 об. –244; Оп. 3. Д. 1. Л. 1–6; Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–8; Д. 20. Л. 1–7; Д. 31. Л. 10, 21 об., 38, 45; Д. 115. Л. 8–8 об., 30–30 об., 49, 106; Д. 135. Л. 2 об.–3, 137–137 об.; Д. 183. Л. 12–13; Д. 184. Л. 1–6; Д. 186. Л. 1–7; Д. 211 а. Л. 18–20, 30–32 об.; Д. 230. Л. 1–28; Ф. 474. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–3 об.; Ф. 545. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–5, 37–38; Д. 8. Л. 5, 73.

**Таблица укрупнённых категорий о воеводском судопроизводстве,
составленная по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.**

№ п/п	Номер в общем списке требований	Ряд укрупнённых категорий	Частота повторяемости	%
1.		О суде по форме	8	6,4
1	2	3	4	5
1.1	3 27 39 46 55 69 76 117	в завладении или отнятии пашенных земель с угодьями и в протчих обидах велено разнимателство чинить судом в завладении или отнятии пашенных земель с угодьями и в протчих обидах велено разнимателство чинить по форме судом между нами происходят ссоры и драки, по которым велено производить суд по форме между нами и с протчими обывателями происходят ссоры и драки, по которым велят в силу о суде формы ведаться судом между нами происходят ссоры и драки и по тем велено производить суд по форме повелено всякому обиды искать судом по форме повелено всякому обиды искать судом по форме во всех болших и в самых малых претензиях по законам дела производятся судом	8	6,4
2.		Об участниках воеводского судопроизводства	47	37,6
2.1	5 29 41 47 57 70 77 103	принуждены в суды нанимать посторонних за весма великую плату принуждены в суды нанимать посторонних за весма великую плату к судебным делам для хождения нанимаем разного звания поверенных челобитчик и ответчик должны всегда по незнанию положенных законов нанимать поверенных к судебным делам для хождения нанимают разного звания поверенных за незнанием приказного порядка принуждены нанимать поверенных за незнанием приказного порядка принуждены нанимать поверенных по незнанию указов принуждены отыскивать поверенных	8	6,4

1	2	3	4	5
2.2	6 30 42 48 58 71 78 104	посторонние в судах много проранивают и обманывают посторонние в судах много проранивают и обманывают поверенные нас разоряют поверенные как челобитчиков или ответчиков приводят правыми и чрез обманство к разорению поверенные нас приводят в обманство и разорение поверенные приводят в крайнее разорение поверенные приводят в крайнее разорение поверенные судимых получают себе 5 руб. с человека, за одно толко проговорение суда	8	6,4
2.3	4 28 40 56	приказного порядка не знаем приказного порядка не знаем народ безгласный и несведущий законов народ безгласный и несведущий законов	4	3,2
2.4	33 43 49 59	по причине происшедших от поверенных ябеднических справок чинятся многие волокиты, убытки и разорения к судебным делам собираются свидетели и выносятся справки по судебным делам призваны бывают свидетели и выносятся справки к судебным делам собираются свидетели и выносятся справки	4	3,2
2.5	85 100 118	в разных ссылках исходит на печатных пошлины и на проезд посланным для сыску свидетелей ныне берутся с челобитчиков денги заимодавец-челобитчик платит при подачи челобитья 3 руб. с платежом на пред с исковых челобитен берутся пошлин по 3 руб. с челобитен	3	2,4
2.6	7 31	посторонние приводят нас ко извинению посторонние приводят к винности	2	1,6
2.7	45 61	по судебным делам челобитчик и ответчик со обеих сторон несут немалое разорение по судебным делам челобитчик и ответчик со обеих сторон несут себе немалое разорение	2	1,6
2.8	105 120	заимодавцы-челобитчики по убожеству своему в прошение вступить не могут многим по бедности платить пошлин нечем	2	1,6
2.9	51	от продолжения судебных дел челобитчик и ответчик лишаются экипажа	1	0,8

1	2	3	4	5
2.10	52	от продолжения судебных дел челобитчик и ответчик отстают от хлебопашества	1	0,8
2.11	53	от продолжения судебных дел челобитчик и ответчик приводят себя в убожество и нищету	1	0,8
2.12	94	помещики чтобы захватить ясашные земли просят от судей	1	0,8
2.13	95	судьи из наших жительство збирают много людей и сажают в приказ и тюрьму	1	0,8
2.14	96	судьи быют немилостиво	1	0,8
2.15	97	судьи морят месяца по 2 и по 3 и по году	1	0,8
2.16	98	судьи приневоливают безвинно мириться	1	0,8
2.17	99	заимодавцы подают в канцелярию на неплательщиков челобитныя	1	0,8
2.18	101	заимодавец-челобитчик платит с посылок печатные пошлины	1	0,8
2.19	102	в силу о суде формы отдают челобитчику билет, а ответчику с челобитья копию, чтоб стали они к суду на срок	1	0,8
2.20	106	ответчики перед заимодавцами-челобитчиками остаются в немалом вантаже	1	0,8
2.21	114	ворам в судебных местах чинится наказания кнутом	1	0,8
2.22	115	воры себе наказание ни во что вменяют, но и болше к воровству прилагаются	1	0,8
3.		О характере и недостатках воеводского суда	22	17,6
3.1	1 9 16 21 24 36	по судным делам от сыску, порук чинятся нам великие убытки и волокиты, в судном деле чинятся многие волокиты, убытки и разорения за нескорым производством малых дел к решению происходят убытки и разорения за содержанием под караулом происходим в разорение по производимым приказным делам долговременно волочимся и претерпеваем немалыя отягощения, нужды и разорения нам наносится отягощение в проезде и волокитах тягость и убытки	6	4,8
3.2	8 32 44 50 60	судная записка и судное дело к решению происходит долговременно судная записка и судное дело к решению происходит долговременно по судебным делам происходит немалое продолжение по судебным делам происходит продолжение по судебным делам происходит немалое продолжение	5	4,0

1	2	3	4	5
3.3	72 79 83 121	правые свои претензии принуждены оставлять без взыскания правые свои претензии принуждены оставлять без взыскания за проести и волокиты с виновных в силу законов не взыскивают по бедности приключаящиеся нам обиды оставлять без всяких прошений и удоволствий	4	3,2
3.4	15 35	в малом деле производится разнимательство писменно в малом деле суд производится писменно и присутственным местам наносится отягощение	2	1,6
3.5	18 20	по челобитчиковым делам сначала и до сканчания бываем одержимы в городах под караулом по челобитчиковым делам бываем содержаны долговременно под караулом	2	1,6
3.6	17	по челобитчиковым делам в происходимые самыя деловыя поры чинятся посылки	1	0,8
3.7	23	по производимым приказным делам успеху и удовольствия ни мало не имеем	1	0,8
3.8	119	производства судов бывают на гербовой бумаге, которая покупается по 4 коп. каждый лист	1	0,8
4.		Об изменении порядка судопроизводства	48	38,4
4.1	13 37 62 73 75 80 82 91	в не тяжких и малых делах, в долгах или в протчих обидах разнимательство производить словесным судом в не тяжких и малых делах, в долгах или в протчих обидах разнимательство производить словесным судом иском не свыше 30 руб. в долгах, ссорах и драках, кроме татейных, судиться между собою виновных односельчан в сорвании из садов яблок... наказывать выборным на мирском сходе ссоры, драки в займе денег до 10 руб. разбираются старостами, выборными и волостными сотниками без следствия виновных односельчан в сорвании из садов яблок... наказывать выборным на мирском сходе ссоры, драки в займе денег до 10 руб. разбираются старостами, выборными и волостными сотниками без следствия определить во взыскании подушного платежа и податей, в разбирательстве ссор и других не порядков государственно-ясашный суд	10	8,0

	107 125	ссудах от рубля и до 10 руб., также в ссорах, драках давать по прежнему третейский суд до коликкой суммы заблагоразсудится, дела производить у сотников третейским судом		
4.2	14 26 38 63 92 108	в словесный суд в каждом селении выбирать самим из нас же сотникам и старостам депутатов определять из нас же, кого мы избрать и переменить пожелаем в словесный суд в каждом селении выбирать самим из нас же сотникам и старостам определить в каждой сотне или дороге по выбору мирских людей по одному достойному человеку в государственно-ясашный суд выбрать с государевых ясашных крестьян от челобитчика и ответчика третейских судей было выбранных от каждого по 2 какогo б ни было чину	6	4,8
4.3	10 34 54 124	судные дела производить следствиями если б судные дела между нами с посторонними повелено было производить следствиями по судебным делам для скорейшаго произвождения, производить следствием чрез свидетельство до коликкой суммы заблагоразсудится, дела производить в судебных местах следствием	4	3,2
4.4	2 22	нас обязывать подписками, тоб мы оных болших убытков и волокит избавится могли по делам какая надобность обязывать подписками	2	1,6
4.5	11 122	судные дела производить на простой бумаге случающиеся в небольших претензиях от 1 до 10 руб., производить суд на простой бумаге	2	1,6
4.6	68 116	кто по татейному делу изоличен будет и по распросу на себя скажет воровство, тоб сослать в каторжную работу с зачетом рекрута воровских людей ссылатъ с их женами и детьми на поселение в отдаленныя места	2	1,6
4.7	74 81	за неоднократное воровство в присутственных местах наказывать плетьми и отдать в рекруты или выселить в поселение за неоднократное воровство в присутственных местах наказывать плетьми и отдать в рекруты или выселить в поселение	2	1,6

1	2	3	4	5
4.8	113 123	ответчиков самих против челобитья допрашивать, а не судом производить случающиеся в небольших претензиях производить не судом по форме	2	1,6
4.9	12	при следствиях советствовать без найма поверенных	1	0,8
4.10	19	в чинении за нами посылок в деловые поры последовала отмена	1	0,8
4.11	25	депутат мог присутствующим представлять, что означенные дела производились безволокитно	1	0,8
4.12	64	выборный должен судить, виновных наказывать и смирять	1	0,8
4.13	65	для справки иметь из Казанской губернской канцелярии книги	1	0,8
4.14	66	принимать с судебных дел принимать указные пошлины с запискою в книгу	1	0,8
4.15	67	выборным принимать от обывателей и явочные челобитные или изветы	1	0,8
4.16	84	с виновных иноверцев проести и волокиты взыскивать	1	0,8
4.17	86	по судебным делам с виновного взыскивать пошлины 3 руб.	1	0,8
4.18	87	по судебным делам с виновного взыскивать с бываемых посылок печатная по- шлины	1	0,8
4.19	88	по судебным делам с виновного взыскивать отданные посланным на проезд денги	1	0,8
4.20	89	по судебным делам с виновного взыскивать за гербовую бумагу денги	1	0,8
4.21	90	по прежним законам за проести по гривне на день с виновных, повелено б было взыскивать	1	0,8
4.22	93	не помещику или дворянину ясачных крестьян судить	1	0,8
4.23	109	по третейскому суду кто виноват взыскания чинить из его имени и отдавать пра- вому	1	0,8
4.24	110	по третейскому суду в ссорах и драках и протчих малейших притчинах, виновным чинить наказания или взыскания бесчестей	1	0,8
4.25	111	иску свыше 10 руб. подавать в судебных местах челобитная толко б 3 руб.	1	0,8
4.26	112	при подаче иска свыше 10 руб. печатных пошлин не взыскивать	1	0,8

ИТОГО: 125 100%

Источники: Наказ 97. Симбирского и Сызранского уездов от ясачных крестьян // СИРИО. Т. 115. СПб., 1903. С. 347–348, 350; Наказ 98. Симбирского уезда от новокрещеных // Там же. С. 353–354; Наказ 99. Симбирского уезда от иноверцев // Там же. С. 356–357; Наказ 105. Казанский уезд от ясачных чуваш // Там же. С. 380–381; Наказ 107. Казанского уезда разных жительство от новокрещеных из

чувашей // Там же. С. 383–384; Наказ 108. Казанского уезда от ясачных крестьян разных дорог // Там же. С. 386–387; Наказ 110. Свяжского уезда от ясачных татар // Там же. С. 393–395; Наказ 113. Свяжского уезда от ясачных из чуваш новокрещен // Там же. С. 409–410; Наказ 116. Пензенской, Сарайской и Петровской провинций от новокрещен из мордвы и чуваш // Там же. С. 421–424; Наказ 117. Чебоксарского уезда Кинярской волости от новокрещен из чуваш // Там же. С. 424–425; Наказ 118. Цивильского уезда от ясачных из чуваш новокрещен // Там же. С. 428–429; Наказ 119. Цивильского уезда Богоявленского погоста от ясачных новокрещен из чуваш // Там же. С. 430–431; Наказ 120. Цивильского уезда Успенского погоста от ясачных новокрещен из чуваш // Там же. С. 431–432; Наказ 121. Цивильского уезда Никольского погоста от ясачных новокрещен из чуваш // Там же. С. 432–434; Наказ 122. Кузмодемьянского уезда от новокрещен из чуваш // Там же. С. 435–436.